
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Труды Санкт-Петербургского
криминологического клуба**

№ 1 (16), 2009

Санкт-Петербург
2009

ББК 67
УДК 343
К 82

Редакционная коллегия:

Ван Я. (Китай)

Гилинский Я. И. (Россия)

Гондолф Э. (США)

Дикаев С. У. (Россия) — заместитель главного редактора,

Кури Х. (Германия)

Милюков С. Ф. (Россия)

Сморгунова В. Ю. (Россия) — заместитель главного редактора

Сулейманов Д. И. (Азербайджан)

Сыдыкова Л. Ч. (Кыргызстан)

Тугельбаева Б. Г. (Кыргызстан) — заместитель главного редактора

Хэслер В. (Швейцария)

Чураков А. В. (Россия) — ответственный секретарь

Шестаков Д. А. (Россия) — главный редактор

К 82

Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2009. — № 1 (16). — СПб., 2009. — 264 с.

Издание выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д. А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название — «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, частные криминологические проблемы, криминологические отрасли, а также деятельность Санкт-Петербургского криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский криминологический клуб

191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48,

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена, юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224

Факс: (+7 812) 312 99 10

Электронная почта: criminology_club@mail.ru

Сайт: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-98529-099-8

© Санкт-Петербургский криминологический клуб, 2009

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2009

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY OF A. I. HERZEN
DEPARTMENT OF LAW

SAINT-PETERSBURG
CRIMINOLOGY
CLUB

CRIMINOLOGY: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

**Works of St. Petersburg
Criminology Club**

№ 1 (16), 2009

St. Petersburg
2009

ББК 67
УДК 343
К 82

Editorial board:

Dikaev S. U. (Russia) — Assistant of the Chief Editor

Gilinskiy Y.I. (Russia)

Gondolf E. (USA)

Haesler W. (Switzerland)

Kury H. (Germany)

Miliukov S. F. (Russia)

Shestakov D. A. (Russia) — Chief Editor

Smorgunova V. Y. (Russia) — Assistant of the Chief Editor

Sulejmanov D. I. (Azerbaijan)

Sydykova L. T. (Kyrgyzstan)

Tugelbaeva B. G. (Kyrgyzstan) — Assistant of the Chief Editor

Wang Y. (China)

Churakov A.V. (Russia) — Executive Secretary

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow: Works of St. Petersburg Criminology Club. 2009. № 1 (16). — St. Petersburg, 2009. — 264 p.

The publication, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D. A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was “Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal.” The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg Criminology Club

Nab. Moyki 48 Herzen University Law Faculty

191186 St. Petersburg Russia

Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224

Fax: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Website: <http://criminology.narod.ru>

ISBN 978-5-98529-099-8

© St. Petersburg Criminology Club, 2009
© Russian State Pedagogical University of
A. I. Herzen, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Август 2008-го: события в Южной Осетии в свете международного уголовного права..... 11

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Научные направления, школы и теории криминологии

Зибер У. (Германия, Фрайбург)/Перевод с немецкого: *Д. А. Шестаков* (Россия, Санкт-Петербург). Границы уголовного права. Основные положения и призывы новой исследовательской уголовно-правовой программы Института зарубежного и международного права им. Макса Планка 15

Номоконов В. А. (Россия, Владивосток). Дальневосточная криминологическая школа: проблемы причинности, наркотизма и организованной преступности 79

Поклад В. И. (Украина, Луганск). Украинская школа криминологии: направления исследований и результаты 89

Тангиев Б. Б. (Россия, Санкт-Петербург). Научный эколого-криминологический комплекс как новое направление криминологических исследований. Социально-правовые предпосылки и концепция его формирования 94

Массовое преступное поведение

МАТЕРИАЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА «ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ» от 29.02.2008

Инишаков С. М. (Россия, Москва). Латентная преступность как предмет криминологического изучения 107

Шестаков Д. А. (Россия, Санкт-Петербург). Латентность преступности, вопросы теории 131

Бараяева Н. Б. (Россия, Санкт-Петербург). Латентность как социальная и криминологическая проблема 142

Пишикина Н.И. (Россия, Санкт-Петербург). К вопросу о латентности преступности 146

<i>Семёнов С. В.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Латентная преступность в сфере добычи морских биоресурсов: выявление и социальный контроль	148
<i>Данилов А. П.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Латентность политических убийств в современной России	150
<i>Анухтин Ю. С.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Латентность преступной деятельности частных военных компаний	163
<i>Носкова И. А.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Латентность преступности средств массовой информации в Санкт-Петербурге	166
<i>Крупина М. А.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Совершенствование уголовной статистики как мера борьбы с латентностью преступлений несовершеннолетних	172

Противодействие преступности

<i>Милоков С. Ф.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту. Отзыв официального оппонента	177
---	-----

История и современное состояние криминологии

<i>Шестаков Д. А.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Об одном из аспектов криминогенной ситуации	185
Первая российская статья по семейной криминологии. Интервью ..	192

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вайолентология

<i>Бакин А. А.</i> (Россия, Санкт-Петербург), <i>Кутина В. П.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Личность поджигателя: криминологические и психопатологические особенности	194
--	-----

Корыстоведение

<i>Семёнов С. Е.</i> (Россия, Санкт-Петербург). Понятие таможенной преступности и её показатели	200
---	-----

Преступления несовершеннолетних и против несовершеннолетних

<i>Прозументов Л. М.</i> (Россия, Новосибирск), <i>Корнилов А. В.</i> (Россия, Новосибирск). О необходимости изучения общественно опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности	209
--	-----

4. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

Летопись Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2008 год	220
---	-----

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Юрию Мирановичу Антоняну — 75 лет!	233
Елегену Изтлеувичу Каиржанову — 75 лет!	234
Григорию Иосифовичу Забрянскому — 70 лет!	235
Виталию Ефимовичу Квашису — 70 лет!	236
Эдварду Гондолфу — 60 лет!	237
Яану Яановичу Соотаку — 60 лет!	239
Данилу Аркадьевичу Корецкому — 60 лет!	239
Газизу Сырбаевичу Мауленову — 50 лет!	241
Сергею Михайловичу Иншакову — 50 лет!	242
Есбергелу Оразовичу Алауханову — 50 лет!	243
Николаю Николаевичу Турецкому — 50 лет!	244
Семёну Яковлевичу Лебедеву — 50 лет!	245

Резюме	247
---------------------	------------

К нашим авторам	256
------------------------------	------------

CONTENT

<i>D. A. Shestakov. August of 2008: Events in Southern Osetia in a View of the International Criminal Law</i>	11
---	----

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

Orientations of Research, Schools and Criminological Concepts

<i>U. Sieber. Limits of Criminal Law: Major Notions and Challenges of new Research Program in Criminal Law in Max-Planck-Institute for Foreign and International Criminal Law</i>	15
<i>V. Nomokonov. Far Eastern Criminology School: Problems of Causality, Drug and Organized Crime</i>	79
<i>V. I. Poklad. The Ukrainian School of Criminology: Directions of Research and Their Results</i>	89
<i>B. B. Tangiev. Theoretical Complex of Ecology and Criminology as a new Direction of Criminological Studies: Social and Legal Grounds and Concept of its Formation</i>	94

Mass Criminal Behavior

PROCEEDINGS OF THE THEORETICAL SEMINAR OF FEBRUARY 29, 2008 CARRIED BY ST.-PETERSBURG CRIMINOLOGY CLUB « LATENT CRIMINALITY »

<i>S. M. Inshakov. Latent Criminality as a Subject of Criminological Study</i>	107
<i>D. A. Shestakov. Latent Criminality: Theoretical Issues</i>	131
<i>N. B. Baraeva. Latency as Social and Criminological Problem</i>	142
<i>N. I. Pishikina. Several Considerations on Latent Criminality</i>	146
<i>S. V. Semenov. Latent Criminality in the Sphere of Maritime Biological Resource Recovery: Exposure and Public Monitoring</i>	148
<i>A. P. Danilov. Latency of the Assassinations in Modern Russia</i>	150
<i>Y. S. Apukhtin. Latency of Private Military Companies Criminal Activity</i>	163

<i>I. A. Noskova.</i> Latency of Mass Media Criminality in St.-Petersburg ...	166
<i>M. A. Krupina.</i> Improvement of Criminal Law Statistics as a Measure of Counteraction to the Latency of Juvenile Criminality.....	172

Crime Prevention

<i>S. F. Milyukov.</i> Theoretical and Methodological Issues of the Right to Self-Defence Provision by the Criminal Law. The Official Opponent's Conclusion	177
---	-----

History and Present-Day Status of Criminology

The Very First Publication of the Founder of St.-Petersburg Criminology Club	
<i>D. A. Shestakov.</i> One of the Aspects of the Situation Promoting Crime	185
The first Russian Article on Family Criminology. Interview.....	192

2. SPECIFIC PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

Violentology

<i>A. A. Bakin, V. P. Kutina.</i> Personality of the Arsonist: Criminological and Pathopsychological Issues	194
---	-----

Profit-Motivated Crimes

<i>S. E. Semenov.</i> Notion of Customs-Related Crimes and Their Indicators	200
---	-----

Crimes by Juveniles and Crimes against Juveniles

<i>L. M. Prozumentov, A. V. Kornilov.</i> The Problem of Study of Socially Dangerous Actions of Juveniles	209
---	-----

AT CRIMINOLOGY CLUB

Chronicle of St. Petersburg Criminological Club, 2008	220
---	-----

5. JUBILEE GREETINGS

Jury Miranovich Antonyan — 75th Anniversary!	233
Elegen Iztleuovich Cairjanov — 75th Anniversary!.....	234
Grigory Iosofovich Zabrzjansky — 70th Anniversary!	235
Vitaly Efimovich Kvashis — 70th Anniversary!	236
Edward Gondolf — 60th Anniversary!	237

Yaan Yaanovich Sootak — 60th Anniversary!	239
Danil Arkadjevich Koretzky — 60th anniversary!	239
Gazis Syrbaevich Maukenov — 50th Anniversary!	241
Sergey Mihajlovich Inshakov — 50th Anniversary!	242
Esbergen Orazovich Alauhanov — 50th Anniversary!	243
Nikolay Nikolaevich Turetskji — 50th Anniversary!	244
Semion Yakovlevich Lebedev — 50th Anniversary!	245
 Summary	 252
To our Authors	256

Д. А. Шестаков*

АВГУСТ 2008-ГО: СОБЫТИЯ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

В период времени с 8 по 12 августа 2008 года на территории в тот момент *de jure* ещё не признанной Республикой Южная Осетия (РЮО), вскоре после достижения договорённости о проведении мирных переговоров по урегулированию очередного витка конфликта между РЮО и Грузией, грузинские вооружённые силы в целях провокации войны и осложнения международных отношений произвели нападение на пользующихся международной защитой российских миротворцев. При этом грузинские военнослужащие в соответствии с утверждённым командованием вооружённых сил планом Грузии умышленно убили несколько (11) российских миротворцев — граждан России — в связи с осуществлением ими служебной деятельности по поддержанию мира, общественным способом, организованной группой, с целью облегчить совершение преступления «геноцид», по мотивам политической вражды.¹ Виновные в этом преступлении лица в соответствии с пунктом «а» статьи 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г., подлежат ответственности по части 2 статьи 360 УК РФ (Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой) и пунктам «а», «б», «е», «ж», «к», «л» статьи 105 УК РФ (Убийство).

Одновременно с нападением на российских миротворцев вооружённые силы Грузии с намерением частично уничтожить осетин как национальную группу в период времени с 7 по 10 августа 2008 года на территории РЮО совершили в отношении национальной группы осетин массовые убийства и массовое причинение тяжкого вреда здоровью, а именно нанесли артиллерийский удар из реактивных систем залпового огня «Град», а также орудий и минометов со стороны приграничных с РЮО грузинских территорий с Горийского направления по столице РЮО Цхинвалу и другим её населённым пунктам.² Огонь целенаправленно вёлся по жилым зданиям. Большинство снарядов разорвались в центре города. После массированного артиллерийского обстрела вооружённые силы Грузии предприняли штурм Цхинвала с применением тяжёлой техники.³ На этот раз уже прямой наводкой грузинские танки расстреляли жилые дома, больницу, университет и др. объекты.

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия).

© Д. А. Шестаков, 2009.

¹ *Заявление* МИД России о ситуации в Южной Осетии // www.mid.ru/08.08.2008

² *Там же*.

³ *7.08.2008 — 23:56 СРОЧНО!!!* Грузия объявила о начале штурма Цхинвала // <http://cominf.org/2008.08.07>.

Грузинские военные произвели прицельную стрельбу по мирным жителям, в том числе пожилым людям, детям, а также по ведущим видеосъёмку представителям СМИ. Они забросали гранатами ряд подвалов, в которых укрылись жители города, расстреляли людей, укрывшихся в православном храме. В Цхинвале и близлежащих сёлах грузинскими вооружёнными силами лишены жизни от 1600 до 2000 человек. Подвергнутые нападению жители Цхинвала насильственно принуждены грузинскими вооружёнными силами к массовому переселению за пределы РЮО. Число оставшихся без крова беженцев составляет более 30 тысяч человек.⁴ Грузинские вооружённые силы в указанный период времени создали в РЮО жизненные условия, рассчитанные на физическое уничтожение этнической группы осетин, а именно военными Грузии город Цхинвал превращён в руины, при этом, помимо прочего, целенаправленно разрушены объекты, хранящие память народа, представляющие духовную, культурную и историческую ценность, в частности, полностью разрушены: архитектурный заповедник — комплекс уникальных строений III века; значительные повреждения от взрывов снарядов получили православные святыни: церковь Святого Георгия (VIII-IX вв.), церковь Пресвятой Богородицы (XVII в.), кладбище в Цхинвале, здание синагоги и другие историко-архитектурные объекты. Нанесён непоправимый ущерб самобытной среде обитания народа РЮО.⁵ Среди потерпевших от геноцида преобладают граждане России. Таким образом, вооружёнными силами Грузии в отношении проживающих в РЮО осетин совершено преступление «геноцид». Лица, виновные в его совершении, подлежат ответственности согласно пунктам «а», «б», «с» статьи 2 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. и ст. 357 УК РФ.

Указанное выше жестокое обращение в форме посягательства на человеческую жизнь было осознанно совершено грузинскими военнослужащими в отношении лиц — в том числе граждан России, — не принимавших участия в военных действиях, из чего, согласно п. 1 ст. 3 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г., вытекает дополнительная квалификация этих преступных действий по ч. 1 статьи 356 УК РФ (Применение запрещённых средств и методов ведения войны).

В период с вечера 8 по 10 августа, руководствуясь статьёй 51 Устава ООН (о праве государств на самооборону), вооружённые силы России, осуществив оборону собственных граждан, пресекли совершаемый вооружёнными силами Грузии геноцид осетинского народа. При этом грузинские вооружённые силы оказали сопротивление правомерным действиям вооружённых сил России. Прежде чем быть выдворенными за пределы РЮО, грузинские вооружённые силы совершили убийство 63 российских военнослужащих в связи с осуществлением российскими военными их служебной деятельности, об-

⁴ Российская газета / 14.08.2008.

⁵ www.rusk.ru/4.09.2008

щепоспасным способом, организованной группой, т.е. совершили преступление, предусмотренное пунктами «а», «б», «е», «ж» статьи 105 УК РФ.

Поскольку убийства российских военнослужащих, в том числе миротворцев, а также геноцид и применение запрещённых средств и методов ведения войны направлены против интересов Российской Федерации и граждан Российской Федерации, постольку лица, виновные в этих преступлениях, (исполнители, организаторы, подстрекатели, пособники) в соответствии с частью 3 статьи 12 УК РФ (Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации) подлежат уголовной ответственности по УК РФ.

Указанные выше преступления, совершены силами грузинской армии, при соучастии других государств: США, Израиля, Украины.

США в лице высших и других должностных лиц организовали нападение Грузии на РЮО: за несколько месяцев до нападения на РЮО военные специалисты этой страны произвели подготовку грузинских военнослужащих по программе, по которой в 1995 году США в Хорватии был организован захват хорватскими силами район Крайны с преобладающим сербским населением, чем были созданы условия для осуществлённого вслед за захватом Крайны геноцида в отношении сербов.⁶ США произвели переподготовку грузинской армии, снабдили её вооружением, разведывательной информацией. Кроме того, эта страна, направив в РЮО вместе с грузинской армией своих представителей (инструкторов) для сопровождения боевых действий,⁷ осуществила частичное руководство совершением геноцида и других преступлений, а также корректировала соответствующие преступные действия.

Израиль в лице высших и других должностных лиц также выступил в качестве одного из организаторов убийства российских граждан и геноцида осетин. Это государство поставило в Грузию беспилотные летательные аппараты восьми разных видов, множество противопехотных и других мин, а также оказало пособничество подготовке сил специального назначения в лице военных специалистов.⁸

Украина в лице высших и других должностных лиц выступила соисполнительницей Грузии в совершении вышеуказанных преступлений, а именно в совершении грузинской армией преступлений, в том числе в ведении боевых действий принимали непосредственное участие украинские военнослужащие: специалисты ПВО и танкисты. Соучастие Украины выразилось также в пособничестве убийствам и геноциду, а именно в снабжении готовящей осуществление геноцида Грузии военной техникой, в оказании антироссийскими заявлениями высшего руководства Украины, в том числе угрозами в отношении

⁶ Пентагон репетировал захват Южной Осетии по хорватскому «сценарию»/ «Известия»/7.9. 2008

⁷ Секреты грузинской армии//www.abkhaziya.org/ 14.02.2007

⁸ Израиль не перестаёт вооружать Грузию//Lenta.ru/6.09.2008

Черноморского флота России, моральной поддержки преступникам. Украинское руководство создавало условия, облегчающие осуществление грузинской стороной убийств и геноцида, посредством организованной в украинских СМИ массовой дезинформации, замалчивающей факт нападения грузинской армии на миротворческие силы и мирное население, разрушение ими города Цхинвала и т.д. и обвиняющей Россию в якобы имевшем месте нападении на Грузию.⁹

Грузия в лице высших и других должностных лиц в соучастии с США, Израилем и Украиной осуществила приготовление также к частичному уничтожению абхазского народа как этнической группы, созданию в РА жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение этнической группы абхазов, насильственному принуждению их к массовому переселению за пределы РА. Этими государствами разработан план военного нападения на в то время *de jure* не признанную Республику Абхазия (РА) в течение нескольких дней, следующих за запланированным осуществлением геноцида в РЮО. Согласно этому плану, в частности зафиксированному на оперативной географической карте,¹⁰ подготовлена боевая техника, произведена соответствующая военная подготовка бойцов (комбатантов) для осуществления массовых убийств и разрушений материальных, в том числе культурно-исторических ценностей в РА. Таким образом, этими четырьмя государствами (в частности, в лице их глав) в соучастии — частично в форме соисполнительства, частично в форме пособничества — совершено приготовление к геноциду против абхазского народа, влекущее уголовную ответственность согласно пунктам «b» (заговор с целью совершения геноцида), «e» (соучастие в геноциде) статьи III и п. «a», «b», «c» статьи II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

ЮРИСДИКЦИЯ

Организация судебного процесса по делу лиц, виновных в указанных выше преступлениях, совершённых в РЮО, может идти различными путями, наиболее целесообразным из которых представляется учреждение специального трибунала по рассмотрению геноцида и связанных с ним преступлений в Южной Осетии. Поскольку при нынешней расстановке политических сил едва ли можно рассчитывать на учреждение такого трибунала и его устава Советом Безопасности ООН, постольку устав и трибунал могли бы быть созданы потерпевшими сторонами (Республика Южная Осетия и Россия) и Республикой Абхазия, в отношении которых было осуществлено приготовление к совершению преступлений. В качестве судей помимо юристов из России, ныне признанных Республики Южная Осетия и Республики Абхазия следует также привлечь юристов из других государств.

⁹ См.: *Какими* военными силами располагают Грузия и Южная Осетия? // Российская газета/09.08.2008

¹⁰ Lenta.ru/06.09.2008

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ШКОЛЫ И ТЕОРИИ КРИМИНОЛОГИИ

*Ульрих Зибер**

ГРАНИЦЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРИЗЫВЫ НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПРОГРАММЫ ИНСТИТУТА ЗАРУБЕЖНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ИМ. МАКСА ПЛАНКА**

Основателю Фрайбургского института им.
Макса Планка профессору, доктору, не-
однократно почётному доктору Хансу-
Хайнриху Ешеку по случаю 92-летия
10 января 2007 г. посвящается.

I. ВВЕДЕНИЕ

Смена директоров фрайбургского Института иностранного и зарубежно-го уголовного права в конце 2003 года стала поводом для построения концепции прилагаемой долгосрочной исследовательской программы уголовно-правового отдела института. Эта — уже представленная в форме вступительной лекции на торжественном заседании по случаю смены руководства института в марте 2004 года — программа¹ должна сконцентрировать предстоящие разработки на центральных возникающих проблемах уголовного права, обеспечить совместный эффект отдельных проектов и развить новые подходы к решению в рамках общей теоретической конструкции.²

* **Ульрих Зибер** — доктор права, почётный доктор, профессор, директор Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, Германия).

** Перевод Д. А. Шестакова — доктора юридических наук, профессора, заслуженно-го деятеля науки РФ, Президента Санкт-Петербургского криминологического клуба.

© У. Зибер, 2009.

© Д. А. Шестаков, 2009.

¹Ср.: Sieber. Grenzen des Strafrechts//Albrecht/Sieber (Hrsg.). Perspektiven der strafrechtlichen Forschung, Amtswechsel am Freiburger Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht 2004. — Freiburg, 2006. — S. 35–79.

²Целью этой теоретической конструкции является систематизированное объяснение событий посредством упорядочения познания во всеобъемлющую взаимосвязь, т. е. в увязанную критериями порядка и единства систему высказываний. Ср.: *Canaris* / *JZ* 1993. — S. 377–391 (377 и след.); *Dreier*. Recht — Moral — Ideologie. —

Предмет новой исследовательской программы — актуальные вызовы уголовному праву в связи с общественными, хозяйственными и политическими переменами. Эти социальные перемены с высоким темпом происходят в современном всемирном, информационном, рискованном обществе. Они, очевидно, сказываются на развитии преступности, на уголовном праве и уголовной политике и могут вести к смене парадигм, как это происходит с продвигающейся в уголовном праве идеей предупреждения. Это изменение становится сегодня явным не только в европейском уголовном праве, но и в международном и надгосударственном уголовном праве, в которых возникают новые формы международной работы. Ещё более отчётливые перемены обнаруживаются в связи с предпринимаемыми действиями против терроризма, а именно при определении классических политических и правовых категорий в связи с разграничением внутренней и внешней безопасности, войны и преступления, тайной службы и полиции, полиции и армии, а также войны и мира.³

На фоне этого продвижения новая исследовательская программа Института зарубежного и международного права им. Макса Планка имеет три надстроенные одна над другой *исследовательские цели*: это (1) анализ фактических перемен рисков безопасности и идей безопасности в обществе, воплотившем опосредованные глобализацией технические, хозяйственные, и политические перемены, (2) анализ и критическая оценка приходящих с этим *нормативных изменений* и их причин, таких как (3) развитие новых ответов на брошенные *уголовно-политические* вызовы.

Направление программы исследования на происходящие социальные и правовые перемены требует вместе с тем определения следующих основных пунктов будущего анализа общественных изменений, их воздействия на преступность, уголовное право и уголовную политику, равно как вытекающей отсюда основополагающей постановки вопросов.⁴ Этот анализ поставлен

1981. — S. 70—105; *Prim/Tilmann*. Grundlagen einer kritisch-rationalen Sozialwissenschaft, 8. Aufl. — 2000. — S. 76—93. К исследованию основных аксиом, которые равным образом будут частично обозначены как теории, исследованию с ориентацией на человека и его свободы в открытом обществе, см.: *Sieber*. Strafrechtsvergleichung im Wandel//*Sieber/Albrecht* (Hrsg.). Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach.— Freiburg, 2006. — S. 78—151 (121 и след.).

³ Ср.: *Beck*. Das Schweigen der Wölfe, über Terror und Krieg. — 2002. — S. 10 и след.

⁴ Основательные исследования этих процессов имеют значение, прежде всего, потому, что перемены в развитии преступности есть регулярное зеркальное отражение перемен общественных, а развитие уголовного права и уголовной политики есть постоянная реакция на эти изменения. Поэтому направление программы исследования на социальные перемены предполагает также осуществление последующих исследований и развитие их программ. К взаимосвязи между уголовным правом и социальными изменениями — ср.: *Hassemer/Neumann/Kindhäuser/Neumann/Paeffgen* (Hrsg.) — Nomos Kommentar Strafgesetzbuch, 2., Aufl. — 2005. — Перед § 1 Rn. 330. (Rn. — номер абзаца, помещаемый на полях).

в центр нижеизложенной конструкции (раздел II). В заключение будет предложено то, с какими исследовательскими методами и в каких проектах должна программа исследования быть осуществлена (раздел III).

II. АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕСТВА, ПРЕСТУПНОСТИ, УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ: К ИЗМЕНЕНИЮ КАТЕГОРИЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА В МИРОВОМ РИСКОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современные общественные перемены позволяют быть образно обозначенными ярлыком «*Общество планетарного риска*».⁵ За этим понятием стоит тесно переплетённое развитие «мирового общества», «информационного общества» и «рискованного общества». Из таким образом огрубленно обозначенных социальных перемен значимы для развития преступности и уголовного права прежде всего две центральные линии развития, которые взаимно усиливаются:

Процесс *глобализации* создаёт новые возможности для совершения пересекающих государственные границы деликтов, которые обращают уголовное право к его *территориальным границам* и способствуют новой модели действующего транснационально уголовного права (об этом — в разделе «А»).⁶

Развитие информационного общества и рискованного общества обуславливает новые риски и некую комплексную преступность, которая ведёт уголовное право — особенно в контексте нарастающей глобальной уголовной политики — ведёт к его *функциональной границе* при защите общества и свободы и индивида и ставит его перед новыми категориальными вызовами (к этому — раздел «В»).⁷

Обе эти линии развития исследованы ниже, причём применительно к каждой из них проанализированы перемены развития преступности и взаимосвязанная с ними перемена уголовного права, а также вытекающая из этого новая постановка исследовательских вопросов и исследовательских подходов.

А. Глобализация, транснациональная преступность и территориальные пределы уголовного права

Процесс глобализации — прежде всего, начиная с 1990-х годов — обозначается, в общем, через продление всемирной коммуникации, взаимодействия

⁵ Ср.: Beck. World Risk Society. — Cambridge, 1999; Beck/Holzer. Wie global ist die Weltrisikogesellschaft? // Beck/Lau (Hrsg.). Entgrenzung und Entscheidung. — 2004. — S. 421—439.

⁶ К глобализации уголовной политики ср.: Albrecht // JURA (Ungarn). — 2005. — № 2. — S. 7—19; Karsted. // Criminal Justice. — 2002. — S. 111—123; Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 80—93.

⁷ О задачах уголовного права по защите общества и свободы индивида ср.: BVerfGE 70, 297, 307; 107, 104, 118 и след.; Hassemer // Griesbaum u.a. (Hrsg.), Strafrecht und Justizgewährung, Festschrift für Kay Nehm zum 65. Geburtstag. — 2006. — S. 49—60 (59 f.); Limbach. — Die Demokratie und ihre Bürger. — 2003. — Особенно — S. 93—113.

и организации.⁸ Такое развитие ведёт не только к хозяйственной глобализации, к проблемам народного хозяйства, но также к глобальным изменениям преступности, развитию уголовного права и к расширяющейся глобальной уголовной политике.

В центре этих перемен и их последующего анализа стоит возросшая *транснациональная преступность* (подраздел А, 1), которая имеет специфические причины, что ведёт классическое уголовное право к его территориальным границам (подраздел А, 2) и поднимает новые основополагающие вопросы (подраздел А, 3).

1. Транснациональная преступность

Новые возможности совершения транснациональных деликтов связаны с разительно возросшими возможностями для пересечения людьми государственных границ, с пересекающим границы обменом товарами и услугами, а также с глобальными информационными данными. Эти возможности, как и соответствующие им следствия, имеют технические, хозяйственные и политические причины.

а) Технические причины

Технические перемены глобализации способствуют использованию для совершения деликтов всемирных сетей данных. Эти сети и нематериальная природа информационных данных приводят к всемирной коммуникации и организации, которые помимо прочего могут использоваться в целях совершения деликтов. Они позволяют в долю секунды с помощью одного компьютера изменить данные компьютерной системы в другой стране и тем самым причинить впечатляющие последствия. Также благодаря Интернету во всём мире наличествуют данные, которые с одним нажатием кнопки «мыши» одновременно могут быть приняты во множестве стран. Государственный контроль потока данных на территориальных границах страны при этом пока ещё едва ли возможен.⁹ Дальнейшие технические изменения — прежде всего в дорожном движении — облегчают массовое движение через границу людей, товаров и услуг, которые в связи с этими изменениями стало сложнее контролировать, что также способствует совершению деликтов.

⁸ Ср.: Beck (сноска 5); O'Rourke/Williamson: 1) // European Review of Economic History. — 2002. — № 6. — С. 23–50; 2) European Review of Economic History. — 2004. — № 8. — С. 109–117; von Bogdandy. — ZaRV. — 2003. — № 63. — С. 853–877 (856 и след.); Stiglitz. Die Chancen der Globalisierung. — 2006; Streeck // Max-Planck-Gesellschaft (Hrsg.). Jahrbuch 2004. — 2004. — С. 25–37 (28 и след.); Обзор глобальных структур и управление ими в правовом, экономическом и социальном аспектах см.: Ergebnisse des Förderprogramms der VW-Stiftung // Mayntz/von Bogdandy/Genschel/Lütz. Globale Strukturen und deren Steuerung. — 2005. О глобализации уголовной политики см.: сноска 6.

⁹ Ср.: Sieber. Verantwortlichkeit im Internet — Technische Kontrollmöglichkeiten und multimediale Regelungen. — 1999. — С. 96 и след.

б) Хозяйственные причины

Хозяйственные перемены, обусловленные глобализацией, на вновь возникающих охватывающих мир рынках приводят к дальнейшим возможностям совершения транснациональных деликтов. Примерно так происходит сегодня на быстро действующем международном финансовом рынке, который лишён дальнего контроля отдельных государств.¹⁰ Массовые глобальные контейнерные перевозки также ещё плохо контролируемы.¹¹ На почве международного разделения труда международно действующие концерны, переплетённые внутри множества национальных территорий, сегодня имеют охватывающие планету предпринимательские возможности, которые отдельным странам также всё тяжелее регулировать.¹² Возрастающие поэтому возможности создания всемирных сетей и разделения труда в области легального хозяйства используются вместе с тем для совершения транснациональных преступлений. Это обнаруживается особенно заметно в развитии нелегального рынка, в особенности в международной торговле людьми, при нелегальной торговле наркотиками и оружием, так же как при международной торговле человеческими органами.¹³

¹⁰ О современном положении международного финансового рынка — ср.: Bericht der *Financial Action Task Force*, Money laundering and terrorist financing typologies 2004 — 2005. — Paris, 2005. См. об этом также: *Shams*, Legal globalization, money laundering and other cases. — London, 2004. — В особенности, S. 99 и след.; *Masciandaro* (Hrsg.). Global financial crime: Terrorism, money laundering and offshore centres. — Aldershot, 2004.

¹¹ Ср.: Zum «Global Container Control Pilot Programme» als Kontrollmaßnahme *United Nations Office on Drugs and Crime* // Annual Report 2005. — Wien, 2005. — S. 76. Между тем «Инициатива по безопасности контейнеров» (Container Security Initiative) в 50 портовых городах столкнулась с распространившимися на весь мир мерами предосторожности со стороны американской Таможенной службы (Customs Service) и администраций морских портов, направленными на то, чтобы опасные или подозрительные контейнеры, направляемые в США, уже в районе погрузки можно было идентифицировать и обследовать; ср.: www.cbp.gov/xp/cgov/border_security/international_activities/csi/ [Stand: 2006. — 18.12].

¹² О финансовом анализе мошенничества в оффшорно застрахованных обществах — ср.: *Tillmann*. Global pirates, Fraud in the offshore insurance industry. — Boston, 2002; *Sieber*. Transnational Enterprises and Criminal Law // *Tiedemann* (Hrsg.). Multinationale Unternehmen und Strafrecht. — 1980. — S. 155—175.

¹³ О международной торговле людьми — ср.: *International Organization for Migration*, Data and Research on Human Trafficking: A Global Survey. — Genf, 2005; О международной торговле наркотиками: *United Nations Office on Drugs and Crime*, World Drug Report 2005. — New York, 2005. — Vol. 1. — S. 23—146; о нелегальной международной торговле конверсированным оружием и массовом сокрытии оружия см.: *Wезeman/Bromley* // SIPRI Yearbook 2005 — Oxford u.a., 2005. — S. 417—448 (434 и след.); о международном рынке фальсифицированных продуктов и «пиратства» в отношении продуктов сравн.: das BASCAP-Projekt der Internationalen Handelskammer <http://www.iccwbo.org/bascap> [Stand: 2006-12-18]; о возрастающей международной торговле человеческими органами — доклад Генерального секретаря ООН: *Annan*. Preventing, combating and punishing trafficking in human organs. Report of the Secretary-General, UN Doc. E/CN.15/2006/10, 21.2.2006. — S. 13 и след., а также: *Meyer*. Trafficking in Human Organs in Europe // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. — 2006. — S. 208—229.

с) Политические причины

Политические перемены глобализации, сверх того, обуславливают ослабление функций государственной границы преграждать пересекающие границу сделки.¹⁴ Так решение о свободном от границ передвижении в Западной Европе персон, товаров, услуг в связи с глобальными хозяйственными изменениями ведёт к новым возможностям для совершения деликтов внутри созданного нового европейского экономического пространства,¹⁵ а также к облегчению сделок на запрещённых рынках, которые в рамках внутренних границ теперь тяжелее контролируются, чем до открытия границ.¹⁶

Большая проницаемость государственных границ имеет при этом последствия уголовно-политические, а также связанные с урегулированием порядка, поскольку обстоятельства при различно урегулированных отношениях между государствами зачастую могут внутри государственных границ легально смещаться к соответствующему наиболее выгодному правовому порядку. Это проявляется, прежде всего, в случаях, в которых расходящиеся представления о стоимости или вступающие в коллизию хозяйственно-политические интересы ведут к несовпадающему национальному регулированию для одинаковых правовых ситуаций наподобие того, как обстоит дело в области исследования стволовых клеток или взимания налогов. Помимо этого несовпадающее правовое регулирование разных стран на внешних границах используется при совершении преступлений, связанных с получением дотаций, таможенными и налоговыми преступлениями.¹⁷

2. Территориальные границы уголовного права

а) Границы территориального суверенитета

Проанализированные выше технические, хозяйственные и политические воздействия глобализации на развитие преступности всё чаще выводят классическое, покоящееся на территориальном суверенитете уголовное право к его *национально-государственным границам*. Эти территориальные границы

¹⁴ В этой связи показательное исследование: *Gerber/Killias*. // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. — 2003. S. — 215—226.

¹⁵ О так называемой карусели с налогом на добавленную стоимость см. последние решения Суда европейских сообществ.: EuGH in den Rechtssachen Optigen Ltd. (C-354/03), Fulcrum Electronics Ltd. (C-355/03) und Bond House Systems Ltd. (C-484/03) v. Commissioners of Customs & Excise, vom 12.1.2006 (OJ C 74, 25.3.2006. — S. 1, а также den Jahresbericht von *OLAF* // Report of the European Anti-Fraud Office, Fifth Activity Report for the year ending June 2004. — S. 46 и след., 50 и след.

¹⁶ О торговле людьми — ср.: *Smartt* // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. — 2003. — S. 164—177 (173 и след.). Эмпирические исследования этого вопроса долго отсутствовали. Этому положили конец результаты исследования логистики организованной преступности в Германии, по крайней мере для близкого европейского пространства. Ср.: *Sieber/Bügel*. Logistik der Organisierten Kriminalität. — 1993. — S. 101 и след.

¹⁷ Ср.: *Sieber* // *SchweizStrZ*. — 1996. — S. 357—395.

уголовного права основываются на том, что национальное уголовное право пока ещё только с трудом позволяет глобальное проникновение в него, да и то при условии, что действие правовых решений на чужих территориях требует предварительного медлительного процесса: или внутреннего, служебного — или связанного с оказанием вовне правовой помощи.¹⁸ Поэтому уголовное право может эти вызовы действительности преодолевать только лишь, если оно не ограничивает себя территориальной областью применения, но само становится глобальным.¹⁹

б) Транснациональное продление

Для вытекающего отсюда развития транснационально действующего уголовного права в плоскости уголовного законодательства имеются два различных подхода, между которыми есть множество смешанных вариантов.²⁰

Согласно первому подходу развиваются *модели совместной работы государств по уголовным делам*. В соответствии с этими моделями решения одной национальной уголовно-правовой системы привносятся в другую уголовно-правовую систему. Такой кооперативный подход лежит в основе классической служебной и правовой помощи так же как новый принцип взаимного признания юридических решений. Ему в Европейском союзе отдаётся предпочтение уже несколько лет. Этот принцип базируется на основе взаимного доверия и является основанием многочисленных действующих и запланированных рамочных соглашений Европейского союза, в особенности о признании денежных штрафов, европейских приказов о задержании и европейского порядка доказывания.²¹ В Европейский союз нужно всё больше

¹⁸ Cp.: *Sieber*. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafrecht // *Delmas-Marty* (Hrsg.). Corpus Juris der strafrechtlichen Regelungen zum Schutz der finanziellen Interessen der Europäischen Union. — 1998. — S. 1—10; О важнейших договорных отношениях Германии в области правовой помощи по уголовным делам см.: *Schomburg* // *NJW*. — 2005. — S. 3262—3266.

¹⁹ Cp.: *Delmas-Marty* 1) // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. — 2002. — S. 286—293, 2) // *Collège de France* (Hrsg.). Cours et travaux du Collège de France, Résumé. — 2003—2004. — S. 695—720 (698 и след.); 3) *Le relatif et l'universel*. — Paris, 2004. — S. 241—307; *Sieber*. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafrecht // *Delmas-Marty* (Hrsg.). Corpus Juris der strafrechtlichen Regelungen zum Schutz der finanziellen Interessen der Europäischen Union. — 1998. — S. 1—10.

²⁰ О возможных формах кооперации между различными уголовно-правовыми системами см.: *Sieber* // *JZ*. 1997. — S. 369—381, а также сообщения в: *Instituto Nacional de Ciencias Penales/Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht* (Hrsg.), *Hacia la unificación del derecho penal*, Logros y desafíos de la armonización y homologación en México y el mundo. — México, 2006.

²¹ О европейском приказе о задержании см.: *Rahmenbeschluss des Rats über den Europäischen Haftbefehl und die Übergabeverfahren zwischen den Mitgliedstaaten 2002/584/JI vom 13.6.2002*, *Abl. L 190*. — *Abl. L 190*, а также к этому *Cartier* (Hrsg.). *Le mandat d'arrêt européen*. — Brüssel, 2005; Сообщения: *Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht* (Hrsg.). — *Eucrim*, 2006. — Heft 1/2

внедрять принцип «предоставления в распоряжение» данных (как, например, данных о регистрации наказания), имеющих в других правовых порядках, который будет вести к дальнейшим значительным переменам классической служебной и правовой помощи.²²

Согласно другому подходу возникает наднациональное уголовное право, с которым уголовно-правовой порядок с самого начала обретает большую территориальную область применения. Эта модель проявляется в отдельных случаях урегулирования санкций европейского сообщества — например, при правонарушениях картелей и при защите финансовых интересов торгово-промышленных товариществ — равно как в связи с протяжённостью государства в мировом пространстве — также в международном уголовном праве.²³

Между этими двумя подходами в федеральных и наднациональных соглашениях имеется множество *смешанных форм*, которые характеризуются сосуществованием друг с другом централизованными и децентрализованными правовыми порядками (как, например, в праве США) или дифференцированным разделением законодательной, судебной и исполнительной компетенций на централизованные и децентрализованные институты.²⁴ Примерами модификации обеих вышеназванных основных моделей являются швейцарское разделение федеральной компетенции и компетенции кантонов или меж-

(www.mpicc.de/eucrim); о специальном подтверждении перемещения в Германию — сноска 34; о европейском порядке доказывания — den Rahmenbeschluss des Rates über die Europäische Beweisanordnung zur Erlangung von Sachen, Schriftstücken und Daten zur Verwendung in Strafverfahren. — KOM. — 2003. — S. 688; *Ahlbrecht* // NStZ. — 2006. — S. 70—75; *Gleß*. — StV. — 2004. — S. 679—683; *Gleß*. — ZStW. — 2004. — 116. — S. 353—367; о признании штрафов см.: Rahmenbeschluss 2005/214/JAI des Rates vom 24.2.2005 über die Anwendung des Grundsatzes der gegenseitigen Anerkennung von Geldstrafen und Geldbußen. — Abl. L 76.

²² См.: Kommission der Europäischen Gemeinschaften, Vorschlag für einen Rahmenbeschluss des Rates über den Austausch von Informationen nach dem Grundsatz der Verfügbarkeit, KOM (2005) 490 endgültig v. 12.10.2005. Специально об обмене данными полиции см.: *Shily* // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). Neue Allianzen gegen Kriminalität und Gewalt. — 2006. — S. 7—16 (9 и след.); об обмене сведениями и совместном банке данных Интерпола ср.: *Louboutin*, там же — S. 101—122.

²³ Об административных санкциях в Европе ср.: *Tiedemann*, ZStW. — 2004. — № 116. — S. 945—958 (946 и след.); о санкциях за правонарушения картелей сравн.: *Harding*. European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. — 2004. — S. 275—300; об основах международного уголовного права см.: *Werle/Völkerstrafrecht*. — 2003. — S. 1—92.

²⁴ Ср.: общие сведения в сноске 20. О модели гармонизации компетенций по уголовным делам для решения многопрофильных компетенций см.: *Vogel/Norouzi*, The European Arrest Warrant, *ne bis in idem* and the problem of multiple jurisdictions // *Guidicelle-Delage/Manacorda* (Hrsg.), L'intégration pénale indirecte, Paris 2005. — S. 155—177 (171—175).

дународное уголовное право, предполагающее совместную работу национальных государств.²⁵ Анализ этих различных форм совместной работы государств по уголовным делам, как и наднационального уголовного права, в качестве различных моделей преодоления территориальных границ уголовного права представляет собой одну из задач будущего уголовно-правовой науки ввиду вызовов глобализации.

3. Соответствующие исследования: на пути к теории интеграции международного уголовного права

Первое из центральных положений новой исследовательской программы образует развитие основных теоретических и практических основ транснационально действующего уголовного права. Для этого, прежде всего, нужно ответить на три центральных основополагающих вопроса: (а) с какими моделями и в каких системах развивается в настоящее время транснационально действующее уголовное право и какие дальнейшие концепции уголовно-правовой интеграции в этом отношении допустимы? (b) Как оценивать эти модели и системы в виду обеих классических задач уголовного права — защиты общества и свободы отдельного человека? (с) Каковы условия употребления для внедрения различных моделей и систем ввиду конкретных политических и хозяйственных рамок?

а) Модели и системы уголовно-правовой интеграции

Представленные выше *основополагающие модели транснационального действия уголовного права* содержатся, прежде всего, в европейском уголовном праве, в международном уголовном праве, в резолюциях ООН, в дальнейших политических и хозяйственных международных соглашениях, а также в государствах, имеющих федеральную структуру.²⁶ При этом глобализация и обусловленная ею интернационализация уголовной политики, усилившись в последнее десятилетие, привели к тому, что некоторые национальные, наднациональные и интернациональные уголовно-правовые порядки с несколько различающимися моделями наслаиваются один на другой. Это отчётливо видно в том, как посредством правового регулирования и рекомендаций немецкого законодателя, Европейского союза, ООН и Организации

²⁵ Общее обоснование см.: сноска 20; специально о швейцарской модели см.: *Pieth // Instituto Nacional de Ciencias Penales* (Hrsg.), (сноска 20) — S. 423 — 435. О совместной работе с Международным судом над Римским Статутом см.: соответствующий Закон от 21.6.2002. — BGBl. I. — 2002. — S. 2144, а также *Meißner*. Die Zusammenarbeit mit dem Internationalen Gerichtshof nach dem Römischen Statut. — 2003; *Wilkitzki // International Criminal Law Review*. — 2002. — № 2. — S. 195—212.

²⁶ Ср.: обоснование — сноска 25. Специально для Объединённых Наций ср.: *Witschel/Brandes*. Die Vereinten Nationen und die Bekämpfung des internationalen Terrorismus // *Zeitschrift für Politik*. — 2006. — Sonderband 1. — S. 22—50; о Торговом соглашении между Аргентиной, Бразилией и др. (MERCOSUR) см.: *Vervaele*. International Comparative Law Quarterly. — 2005. — S. 389—409 (401 и след.).

экономического развития и сотрудничества определяется борьба с отмыванием денег и замораживание цен на имущество в Германии. Различные национальные правовые порядки и общая правовая система, определяемая несколькими международно (и нередко разнопланово) действующими на мировой сцене субъектами, складывается из нескольких правовых порядков и дальнейших составляющих правовых подсистем, которые взаимодействуют, используя «жесткие» или «мягкие» инструменты. Анализировать координацию национальных правовых порядков и общей правовой системы необходимо с учётом дифференциации моделей транснационального действия уголовного права. Активизация различных национальных, наднациональных и международных действующих лиц при международной координации уголовного права приобретает в итоге «более выровненную систему» и «фрагментацию» права, которые благодаря системе контроля и вмешательству частных действующих лиц, таких как «public private partnerships» (партнёрство государства с частным сектором), становятся ещё сложнее.²⁷

б) Оценка системы

Оценка различных моделей и на их основе созданных совместных правовых систем приводит к многочисленным основополагающим проблемам. В области *модели кооперативного решения* сюда, прежде всего, относится вопрос — насколько должно поддерживаться государство, обратившееся за помощью при преследовании за поступок, который в запрашиваемом государстве ненаказуем. Здесь существует коллизия между эффективным транснациональным осуществлением уголовного права и защитой гражданина от чрезмерно далеко заходящего экстерриториального распространения зарубежного права.²⁸

В области наднациональной модели решения, напротив, речь идёт главным образом о государственно-правовых вопросах перемещения элементов государственной монополии на принуждение в наднациональный контекст, а также о связанной с этим демократической легитимизации надгосударственного уголовного права, прозрачности его становления и о контроле над несущей ответственность исполнительной властью. Эти вопросы ставятся, однако, не только для наднационального уголовного права, но также — в юридической и фактической плоскостях — в отношении национального уго-

²⁷ Cp.: *Capus*. Revue de science criminelle et de droit pénal comparé. — 2005. — S. 251–263; *Fischer-Lescano/Teubner*. Regime-Kollisionen: Zur Fragmentierung des globalen Rechts. — 2006; *Luhmann*. Die Weltgesellschaft. Soziologische Aufklärung 2, 2. Aufl. — 1982. — S. 51–71; *Teubner // Brand/Stempel* (Hrsg.). Soziologie des Rechts. Festschrift für Erhard Blankenburg zum 60. Geburtstag. 1998. — S. 233–244; обстоятельную теоретико-правовую разработку проблематики даёт *Ost/van de Kerchove*. De la pyramide au réseau? Pour une théorie dialectique du droit. — Brüssel, 2002; о системе контроля над частными персонами ср. ниже, раздел II.B.2.b со сноской 147; о гармонизации и интернационализации уголовного права на основе процесса взаимного влияния ср.: *Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 80 и след. (90 и след.).

²⁸ Ср. с этим: ниже, раздел с).

ловного права и для межгосударственной совместной работы.²⁹ Они будут иметь значение не только для уголовного права Европейского союза и рекомендаций Международной организации по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (FATF) относительно отмывания денег, но, прежде всего, для определяемого Советом Безопасности ООН уголовного права и права безопасности.

Особенные проблемы, нуждающиеся в дополнительном обдумывании, при этом вытекают из выше установленной «фрагментации права» на различные правовые порядки и комплексы правил, например, в плоскостях национальных государств, европейского сообщества, Объединённых Наций и Организации экономического сотрудничества и развития. Эти «*дополнительные сходные системы*» могут вести к коллизиям различных систем норм, таким как противоречия норм и противоречия оценок. Такие коллизии обнаруживаются уже при классической правовой помощи, если международно-правовая обязанность одного государства по отношению к другому государству во внешних отношениях и его ограниченное конституцией полномочие во внутренних отношениях расходятся. Коллизии обнаруживаются также в наднациональных правилах европейского уголовного права, которые могут противоречить национальному (в особенности конституционному праву). Особенно отчётливыми становятся эти конфликты всё же в правовых системах с различными целями, например, если служащие обеспечению мира нормы Объединённых Наций стремятся ввести замораживание имущественных ценностей террористов, это находится всё же в противоречии со служащими защите прав человека национальными, международными и процессуальными гарантиями.³⁰ Разрешение этой конкретной постановки вопроса требует основополагающего обдумывания теории государства, принципа демократии, понимания

²⁹ К вопросу о демократической легитимности европейского уголовного права ср.: Sieber // ZStW. — 1991. — № 103. — S. 957–979 (969 ff.); *ego v: Duttge u.a.* (Hrsg.). Gedächtnisschrift für Ellen Schlichter. — 2002. — S. 107–116 (114), а также: Lüderssen. // GA. — 2003. — S. 71-84; Schunemann // StV. — 2005. — S. 681–685; Vogel // ZStW. — 2004. — № 116 — S. 400–423 (416 f.), а также совместное представление дискуссии на заседании дрезденских преподавателей уголовного права. См.: Kreß // ZStW. — 2004. — № 116. — S. 445–474 (450 ff.). Вообще к этому см., прежде всего: Bogdandy. Gubernative Rechtssetzung. — 2000; *ego v: ZaßRV.* — 2003. — № 63. — S. 853-877; Bleckmann // JZ. — 2001. — S. 54–58; Doebling — DVBl. — 1997. — S. 1133–1137; Stein // ZaßRV. — 2004. — № 64. S. 563–570; Stiglitz (сноска 8). — S. 335 — 362.

³⁰ О конфликте норм при выдаче публичного приказа (*ordre public*) в рамках классической правовой помощи — ср.: Vogel // Grütznert/Potz (Hrsg.). Internationaler Rechtshilfeverkehr in Strafsachen, Loseblattsammlung, 64. Aktualisierung. 2. Aufl. — 2004. — Band 1, § 73. — Rn. 26 и след.; см. также: Güran // Nordic Journal of International Law. — 2003. — № 72. — S. 291-304 (293 и след.); Bernhardt in: Simma (Hrsg.). The Charter of the United Nations, Vol. II, 2. Aufl. — Oxford 2002. — Art. 103 Rn. 3, 9, 16; Biehler // Archiv des Völkerrechts. — 2003. — № 41. — S. 169–181; Schmalenbach // JZ. — 2006. — S. 349–353.

уголовного права, уголовного закона и толкований уголовного права. Только на такой основе позволяет себя развить некая переходная норма, которая устанавливает также для случаев коллизии, какие демократические, государственно-правовые и относящиеся к правам человека условия должны составлять содержание международной уголовно-правовой нормы, продвигающей на международный уровень определённое национальное или региональное право.

с) Установление условий применения

Затем применительно к уголовной политике ставятся вопросы об основаниях и условиях применения различных моделей уголовно-правовой интеграции. В центре стоит при этом вопрос об объёме соответственно требующейся гармонизации как в материальном, так и в процессуальном уголовном праве: создание наднациональной модели решения для больших географических рамок ведёт к полному правовому выравниванию, условием которого, со своей стороны, выступает согласие в ценностных ориентациях между прежде действовавшими национальными правопорядками. То, что этот ценностный консенсус трудно достигим и наднациональная модель решения нацелена также на задачу национального суверенитета, приводит часто практику и науку к выше представленной кооперативной модели решения. Однако кооперационная модель может в совместной работе различных уголовно-правовых порядков функционировать тоже только при значительном выравнивании участвующих правовых порядков. Это относится не только к классической правовой помощи с её принципом наказуемости деяния у обеих сторон. Это относится — как показывает дискуссия по поводу европейского приказа о задержании — также к моделям, строящимся на основе двустороннего признания решений, потому что эти модели функционируют только на базе обоюдного доверия. Минимальный объём правовой гармонизации необходим также для всех других моделей соединения различных уголовных правопорядков.³¹ Неизменным условием такой уголовно-правовой гармонизации является уголовно-правовое сравнение как центральный инструмент правовой политики и практики.³² Уголовно-правовое сравнение должно при этом анализировать особенности уголовно-правовых установлений — прежде всего особенности

³¹ Ср.: Sieber: 1) // JZ. — 1997. — S. 367–381 (374 f.); 2) // Duttge u.a. (Hrsg.) (сноска 28). — S. 111 и след.; 3) // Instituto Nacional de Ciencias Penales (сноска 20). — S. 5–26; критически: Kli //, NStZ. — 2000. — S. 626–630. О технике гармонизации — ср.: Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 87 и след.; Tiedemann // ZStW. — 2004). — № 116. — S. 945–958 (949 и след.); о состоянии гармонизации материального уголовного права по январь 2004 г. — ср.: Hecker. Europäisches Strafrecht. — 2005. — S. 365–420; детальный анализ на примере уголовной наказуемости в связи с выполнением профессиональных обязанностей — ср.: Dannecker. — ZStW. — 2005. — № 117. — S. 697–748 (714 и след.).

³² Ср.: Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 86.

культуры — соответствующего общества, которые для него являются специфичными.³³ Коль скоро подобные культурные особенности фактически существуют, принимается во внимание только медленное и «мягкое» сближение различных правовых систем, в особенности с помощью не обязывающих моделей уголовных законов.³⁴ При признании и поддержке таких национальных особенностей затем применительно к кооперативным моделям всё же ставятся вопросы: состоится ли транснациональное осуществление права при действующих только в отдельных государствах и потому специфических национальных уголовно-правовых предписаниях? И если состоится, то при каких условиях? Или же оно должно осуществляться на основе обоюдного признания решений без принятия во внимание правовых различий? Связанный с этим отказ от «двойной наказуемости», например, при правовой помощи имеет значение прежде всего потому, что транснационально действующее уголовное право не только может служить осуществлению уголовного права, но также должно защищать гражданина против применения чужих предписаний о наказаниях, действие которых в месте совершения деликта он не должен ожидать. Эта проблематика кооперации различных уголовно-правовых порядков может иметь место, если, например, уголовно-наказуемое деяние, совершённое соучастниками в нескольких странах, согласно различным применяемым правопорядкам, оценивается по-разному, или если в Интернете опубликована информация, которая на территории физического нахождения соответствующего сервера уголовно ненаказуема, но проявилась и в другом государстве, в котором её размещение не является наказуемым. Ведущая к взаимному признанию права — в случаях с европейским приказом о задержании и с европейским порядком доказывания³⁵ — дискуссия об изъятиях из осуществления обоюдного признания права (например, на почве европейско-

³³ О культуруохранной функции уголовно-правового территориального принципа в историческом плане: *Kohler*. — *Internationales Strafrecht*. — 1917. — S. 92 и след., а также вообще о культуруологических особенностях в уголовном праве: *Mayer*. *Rechtsnormen und Kulturnormen*. — Breslau, 1903. О европейской правовой культуре как многообразии и единстве — ср.: *Hüberle*. *Europäische Rechtskultur*. — 1994. — S. 26—29; к культуруологической стороне уголовного права и её учёте в рамках интеграции европейской правовой системы: *Greve*. *European Criminal Policy: Towards Universal Laws?* // *Jareborg* (Hrsg.). *Towards Universal Law, Trends in national, European and international lawmaking*. — Uppsala, 1995. — S. 91—116 (112); *Sieber*: 1) // *JZ*. — 1997. — S. 367—381 (375); 2) // *Duttge u.a.* (Hrsg.) (сноска 28). — S. 110 и след. Критически особенно: *Weigend* // *ZStW*. — 1993. — № 105. — S. 774—802 (790 и след.), а также *Eser* // *Poinikos Logos*. — 2002. — № 5. — S. 2157—2170 (2162 и след.).

³⁴ Ср.: *Sieber*: 1) // *JZ*. — 1997. — S. 367—381, 2) // *Duttge u.a.* (Hrsg.). — (сноска 28). — S. 107—116.

³⁵ Об обосновании, ср.: выше, сноска 21. Отсюда к рамочному соглашению между государствами-членами Совета Европы о европейском приказе о задержании и процессе передачи. — 2002/584/JI от 13.6.2002. — *Abl. L* 190 прежде всего, объяв-

го или национального публичного приказа (*ordre public*)³⁶ и о территориальном его ограничении (например, при совершении деликта на собственной территории)³⁷ вскрывает комплекс проблем и основополагающих положений,³⁸ которые, впрочем, будут проанализированы ниже в связи с функциональными границами уголовного права. При этом в аспекте взаимосвязи между степенями интеграции и гармонизации, равно как эффективности каждой из уголовно-правовых моделей, особо исследуется, не ослабляют ли эти вышеназванные модели с их малой степенью интеграции и гармонизации не только эффективности совместной работы и вместе с тем функции уголовного права защищать общество, но также и возможности равно контролировать как прозрачность и надёжность общей системы, так и защиту права гражданина на свободу. Такое ослабление могло бы основываться на том, что в правовых системах с возрастающей фрагментацией, с увеличивающимися различиями между отдельными системами и с их усложнением одновременно также растёт нарушение норм, обостряются проблемы регулирования, увеличивается дефицит контроля.³⁹ Насколько подобная — отчётливо проявляющаяся при европейской совместной работе и при международной правовой помощи — слабость децентрализованной и менее гармоничной моделей могла бы выровняться через специальное урегулирование, может показать проверка этой гипотезы.

d) Выводы

Приведённая постановка проблем высвечивает ряд комплексных основных вопросов, разработка которых при совместном их рассмотрении в итоге должна дать вклад в общую теорию одновременно *международной уголовно-*

ление Федеральным конституционным судом недействительным немецкого Закона о европейском приказе о задержании от 21.7.2004 (BGBl. I, 2004, 1748). — BVerfG, NJW 2005. — С. 2289—2303, и к этому же: *Schünemann* // StV. — 2005. — S. 681—685, равно как новый Закон об изменении рамочного соглашения о европейском приказе и процессе передачи между государствами — членами Европейского Союза от 20.7.2006. — BGBl. I. — 2006. — S. 1721, сюда же: *von Bubnoff*. Der Europäische Haftbefehl. — 2005 с дополнением 2006.

³⁶ Ср.: ст. 13 «е». Предложения для рамочного соглашения Совета о европейском порядке доказывания в отношении получения дел, бумаг и данных для использования в уголовном процессе // КОМ. — 2003. — S. 688.

³⁷ Ср., напр., Art. 4 Nr. 7 lit. a рамочного соглашения между государствами — членами Совета о европейском приказе о задержании и передаче. — 2002/584/JI vom 13.6.2002. — Abl. L 190.

³⁸ Если в качестве инструмента пересечения границы уголовного права вводится признание национальных решений, то этот инструмент должен принимать во внимание особенности каждого правопорядка, как показывает пример территориальных и внутренних исключений при обоюдном признании решений в рамках европейского приказа о задержании и запланированного европейского порядка доказывания. В эту модель всё же встроено пересекающее границы проникновение национальных решений посредством взаимного признания правил и отказа от такового в виде исключения.

³⁹ Ср.: выше, сноска 26 и ниже II.B.2.a.dd.

правовой интеграции и транснационально действующего уголовного права.⁴⁰ Построенное таким образом *первое важное положение новой исследовательской программы* не может при этом ограничиться только теоретическим решением основных вопросов, но также должно — на пути правового сравнения — равным образом исследовать, какой к настоящему времени приобретён опыт в отношении различных моделей и систем транснационально действующего уголовного права. Поэтому нужен задуманный эмпирически и в плане правового сравнения образ действия, направленный как на перепроверку различных гипотез и теоретических подходов, так и на дальнейшее развитие пригодных для употребления результатов ввиду центрального вопроса о будущем европейской и всемирной уголовно-правовой интеграции.

В. Новые риски, комплексная преступность и функциональные границы уголовного права

Пересечение территориальных границ — это только один — хотя и центральный, специфический — из аспектов изменений преступности в современном обществе. Другой важнейший аспект рассмотрения развития преступности в мировом рискованном обществе образуют новые риски и комплексность изменяющихся отклонений от нормы. Вследствие такого развития общества уголовное право как при дефинировании уголовно-наказуемых отношений, так и при выявлении преступлений оказалось стоящим перед всё увеличивающимися рисками и всё усложняющимися деловыми отношениями. На почве этих изменений и выше отображённых проблем глобализации уголовно-правовой подход к определённым областям совершения правонарушений, а также при всё усиливающемся наступлении на свободы граждан зачастую ограничивается символической функцией.⁴¹ Обусловленная имеющей место гласностью и политикой потребность в усилении превенции и в новом праве на безопасность при этом на практике, кажется, ставит уголовное право перед альтернативой: или привести себя в соответствие с новыми вызовами, или же передать потребовавшееся законодательное урегулирование другим конкурирующим областям права. Такое развитие положения подводит уголовное право к его функциональным границам не только при обеспечении им защиты общества, но, прежде всего, и при решении им задачи гарантировать свободу отдельного индивида.⁴²

1. Новые риски комплексной преступности

Новые риски и комплексность преступлений в мировом рискованном

⁴⁰ Ср.: о цели построения теории выше, сноска 2.

⁴¹ Для составления представления ср.: Hassemer: 1) NStZ 1989, 553–559; 2) // *Schönemann u.a.* (Hrsg.), *Festschrift für Claus Roxin zum 70. Geburtstag*, 2001. — S. 1001–1019; *Roxin // Dolcini/Paliero*, *Studi in onore di Giorgio Marinucci*, 2006. — S. 715–737 (728 и след.).

⁴² Ср.: обоснование этих задач уголовного права — выше, сноска 7.

обществе угрожают — равным образом, как и выше проанализированная транснациональная преступная деятельность — повернуть вспять *технические, хозяйственные и политические изменения* сегодняшнего общества. Эти изменения должны быть пристальнее проанализированы относительно их воздействия на преступность и уголовное право, если должно познавать лежащие в основе преступного поведения проблемы и развивать их решения. При этом речь идёт, прежде всего, о рисках, которые усиливаются благодаря новым зависимостям общества и новой подверженности его причинению ему вреда, изменившимся возможностям совершения деликтов и специфическим трудностям их раскрытия. Особенно это заметно в преступлениях, совершаемых в Интернете, экономических преступлениях, организованных преступлениях и терроризме.⁴³

а) Технические причины

Эти новые риски в современном обществе и возникшие из них формы комплексной преступности основываются прежде всего на *техническом развитии*.⁴⁴ Они обнаруживаются прототипически в возрастающей зависимости современного информационного общества от компьютерных систем, которые на почве имманентных пробелов безопасности и злоупотреблений глобально действующих преступников зачастую оказываются легко уязвимыми для посягательств. Зависимость современного информационного общества от этих систем вытекает при этом из того центрального значения, которое сегодня придаётся информационной технике в функционировании хозяйства, общества и государства: компьютерные системы между тем перенимают на себя как на технические инфраструктуры управление денежными потоками, сохранение важнейших производственных и деловых секретов, а также распределение заводской продукции. Сверх этого они применяются также в центральных инфраструктурах наблюдения за воздушным пространством, энергоснабжением, при обработке данных полиции и армии, а также большей части данных здравоохранения.⁴⁵ Новым техническим рискам в этих областях сопутствуют трудности при раскрытии соответствующих деликтов и отчасти также сама массовость совершения деликтов.⁴⁶

Уголовное преследование оказывается, таким образом, в состоянии состязания с уголовными преступниками не только в плане приспособления

⁴³ К срастанию организованных преступных групп с инфраструктурой террористических организаций — ср.: *Diwell // Griesbaum u.a.* (Hrsg.), *Strafrecht und Justizgewährung, Festschrift für Kay Nehm zum 65. Geburtstag.* — 2006. — S. 101–109.

⁴⁴ Ср. основополагающее: *Lau, Soziale Welt* 1989, S. 418–436 (423 ff.); ferner *Boml, Vom Risiko — Unsicherheit und Ungewißheit in der Moderne.* — 1995. — S. 80.

⁴⁵ Ср.: *Mansell/Collins* (Hrsg.), *Trust and crime in information societies*, Cheltenham/Northampton-MA. — 2005.

⁴⁶ Технические трудности расследования особенно заявляют о себе в Интернете при преследовании уголовных преступников, а также при использовании дискретно

последних к техническому уровню общества, но также под углом зрения «пропускной способности» правоохранительных органов. Наряду с этим из современного развития техники вытекают новые опасности со стороны атомной энергии, химии, биотехнологий, равно как технических сооружений, обладающих потенциалом вредного воздействия на людей и окружающую среду.⁴⁷ К этому относятся не только риски передачи оружия массового уничтожения террористам,⁴⁸ но также возможное злоупотребление продуктами двойного (гражданского и военного) назначения (dual-use-Produkten) и соответствующими техниками. Перенесение возбудителей болезней у животных на людей, биотехническая перестройка генов бактерий и вирусов (в том числе истреблённых), технические возможности изменения этих возбудителей, равно как опубликования необходимых для этого технологий в известных журналах, могут увеличить в будущем риски терроризма при злоупотреблениях с этими продуктами.⁴⁹ Эти новые риски могли бы существенно возрасти, если бы потенциальные террористы были бы посланы в подходящие лаборатории или интенсивно занимались злоупотреблениями подобной биотехникой, как они это в настоящее время делают с оружейной техникой и техникой взрывчатых материалов.⁵⁰ Эти технические риски во многих случаях по месту, времени и кругу потерпевших более не локализованы.⁵¹ Характерно, что в плановых заготовках отдельных служб новостей имеют закреплённое место соответствующие сценарии во всяком случае уже с момента появления заголовков о японской «Аум Синрикё». Техническое развитие, тем не менее, ведёт не только

сохранённых (и зачастую также закрытых для доступа) данных, которые могут быть дешифрованы только с использованием специальных знаний или вообще не могут быть раскрыты. Множество сохранённых и пересланных данных порождает дальнейшие трудности для служб, ведущих расследование. Вследствие хозяйственной специфики сходные проблемы анализа данных сложных экономических или технических сфер проявляются также в области хозяйственной преступности. Соответствующие проблемы уголовного преследования усиливаются во многих сферах ещё в связи с массовостью совершения деликтов (например, при распространении в Интернете компьютерных вирусов, контрафактных копий или детской порнографии). К практическим проблемам уголовного преследования, связанным с Интернетом, — ср.: *Sieber// Waltermann/Machill* (Hrsg.), *Protecting Our Children on the Internet — Towards a New Culture of Responsibility*. — 2000. — S. 319–399 (345–378).

⁴⁷ Ср.: *Delmas-Marty*, in: *Collège de France* (Hrsg.) (Ссылка. 19). — S. 695–720 (710 и след.).

⁴⁸ Ср.: статьи в *O'Day* (Hrsg.), *Weapons of mass destruction and terrorism*, Aldershot u.a. — 2004.

⁴⁹ Ср.: *Guillemin*, *Biological Weapons — From the Invention of State Sponsored Programs to Contemporary Bioterrorism*. — 2006; *National Research Council*, *Globalization, Biosecurity, and the Future of the Life Sciences*. — 2006.

⁵⁰ Ср., напр., — всё же тяжело перепроверяемый — отчёт: *Nasiri*, *Mein Leben bei Al Qaida*. — 2006. — S. 179–182, 202–207, 230–236.

⁵¹ Ср.: *Sieber*, CR. — 1995. — S. 100–113.

к новым рискам, но также к новым потребностям общества в безопасности, и оно изменяет также восприятие им рисков и преступности.⁵²

б) Хозяйственные причины

Дополнительные риски вытекают из изменений экономики. В целом в хозяйственной области имеют соответствующее значение прежде всего негативные последствия глобализации для определённых групп людей, равно как большая очевидность различий в благосостоянии и социальном положении. Эти перемены обуславливают насилие и выступления мигрантов на стороне понёсших потери.⁵³ Контроль над нелегальной иммиграцией и её воздействием вовне в связи с этим становится центральной проблемой процветающих обществ.⁵⁴ На другой стороне возникают национальные и многонациональные концерны и фонды, которые распоряжаются значительными финансовыми средствами и также политической властью.⁵⁵ Злоупотребления этим потенциалом мощи заявляют о себе в коррупции, фальсификации балансовой отчётности, деликтах против окружающей среды и многочисленных иных формах проявления экономической преступности.⁵⁶ Вытекающие отсюда риски обнаруживают себя, например, в глобальных финансовых рынках, злоупотребления на которых могут иметь общеэкономические последствия.⁵⁷

Последствием роста и уже достигнутого размера многонациональных концернов являются, конечно, не только финансовые злоупотребления, но также перемещение власти из государственного в частный сектор, который усиливается посредством приватизации многочисленных публичных функций. Это становится особенно заметно при приватизации в области обеспечения безопасности при использовании фирм безопасности и военных фирм,

⁵² Ср.: ссылка 150.

⁵³ Ср.: ссылка 73.

⁵⁴ Выше ссылка 13.

⁵⁵ Ср.: *Stiglitz* (ссылка 8). — S. 236 и след., с разъяснением, что товарооборот производителя автомобилей General Motors (США) в 2004 г. превысил 191,4 млрд. долл. брутто-продукта более чем 148 стран и что товарооборот концерна «Wal-Mart» 282,5 млрд долл. превышает внутренний совокупный продукт всех вместе взятых африканских государств южнее Сахары. См. также статьи в сб.: *Tiedemann* (Hrsg.). *Multinationale Unternehmen und Strafrecht*. — 1980.

⁵⁶ Ср.: обобщение о хозяйственной преступности. *Bundesministerium des Innern/ Bundesministerium der Justiz* (Hrsg.), *Zweiter Periodischer Sicherheitsbericht*. — 2006. — S. 218–280; *Müller-Gugenberger* (Hrsg.); *Wirtschaftsstrafrecht. Handbuch des Wirtschaftsstraf- und ordnungswidrigkeitenrechts*, 4. Aufl. — 2006; *Tiedemann*, *Wirtschaftsstrafrecht. Besonderer Teil*. — 2006. Speziell zur Korruption siehe *Transparency International*, *Jahrbuch Korruption* 2006. — 2006.

⁵⁷ Ср.: *Financial Action Task Force* (сноска10). К мировому финансовому рынку и его последствиям — ср.: *Soros*, *Die Krise des globalen Kapitalismus*. — 1998. К роли частного контроля см. отчёт: *Wood*, *Governing Global Banking*, *The Basel Committee and the Politics of Financial Globalisation*. — Aldershot, 2005.

прежде всего в связи с разбирательствами в вооружённых конфликтах и в «failed states» (государствах, потерпевших крах).⁵⁸ Организационная форма концернов — прежде всего многонациональных — ведёт в области уголовного права к специфическим проблемам выяснения обстоятельств и применения норм, которые в связи с глобальной преступной стратегией могут ещё больше возрасти.⁵⁹ Связанные с этим проблемы государственного контроля есть веская основа для создания уголовной наказуемости в сфере предпринимательства, для усиления обязанности взаимодействия частных лиц с соответствующими органами при уголовном преследовании, равно как для повышающихся требований, предъявляемых к планам хозяйственного саморегулирования.⁶⁰

Увеличение рисков вытекает также из меняющихся организационных условий хозяйствования, которые обнаруживаются в организационных структурах групп уголовных преступников: увеличение предоставляемых услуг, рост мощи и возросшая опасность организованных преступных групп на основе разделения труда, специализации и процессов динамики групп, впрочем, не является для банд и организованной преступной деятельности новым феноменом.⁶¹

Однако на почве всемирно внедряющихся средств коммуникации, глобализации рынков и открытия границ различные формы взаимодействия преступников, действующих с разделением труда, могут много действеннее использоваться в иерархически структурированных группах со свободной коммуникацией не жёстко организованных структурных ячеек в условиях глобального информационного общества.⁶² Также мобилизация множества людей — прежде всего в сетях, не жёстко связанных между собой и поэтому трудно доступных солидарных структур, — посредством современных

⁵⁸ Ср.: *Schaller*, Private Sicherheits- und Militärfirmen in bewaffneten Konflikten (hrsg. von der Stiftung Wissenschaft und Politik — Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2005), а также как пример: die www-Seite des größten Militärunternehmens <http://www.blackwaterusa.com/> [Stand 18.12.2006]; *Шестаков Д. А.* Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. СПб., 2006 № 1(10). — С. 226—229; *Шестаков Д. А., Анухтин Ю. С.* Частная военная компания как субъект политической преступности (политико-криминологический подход) // *Следователь*. — 2007, № 12. — С.38—40.

⁵⁹ Ср., напр., *Heine//Pieth/Seelmann* (Hrsg.), Prozessuales Denken als Innovationsanreiz für das materielle Strafrecht, Basel 2006. — S. 31—42 (32 и след.).

⁶⁰ Ср. разделы: II.B.2.a.cc, а также II.B.2.b.

⁶¹ Ср.: эмпирическое исследование *Sieber/Bügel* (Сноска 16) — S. 33 и след., 37 и след., 56 и след., *Sieber*, JZ 1995. — S.758—768.

⁶² Ср.: исследование терроризма: *Mayntz*, Berliner Journal für Soziologie 14 (2004), S. 251—262, а также *Jackson*, Studies in Conflict & Terrorism 29 (2006), S. 241—262. Об использовании Интернета — ср.: *O'Day*, Cyberterrorism, Aldershot u.a., 2004.

средств коммуникации существенно облегчается,⁶³ как наглядно показывает выступление Интернета с террористической пропагандой или с распространением расистских или прославляющих насилие идей.⁶⁴ Вытекающее из этого возрастание предоставляемых услуг при построении групп и их специализации имеет влияние в сферах экономической преступности, организованной преступной деятельности и в других формах комплексной преступности.

с) Политические причины

Новые риски как следствие *политических изменений* отчётливо проявляются в политически, этнически и религиозном мотивированном терроризме. Преступники с религиозной мотивацией используют при этом свою собственную жизнь и поэтому являются не подверженными воздействию посредством уголовного права. Они эластично организованы, прежде всего в плоских иерархиях, нежёстких сетях и самостоятельных организационных ячейках, которые с трудом поддаются инфильтрации. Они успешно пользуются технической инфраструктурой и ресурсами своих противников для коммуникации, образования, «Fund Raising» (сбора средств) и применения в качестве орудия преступлений. Террористические деяния наперёд трудно предугадать, их высокая опасность зачастую обнаруживается только непосредственно перед осуществлением, и поэтому им трудно воспрепятствовать. Преступления ведут не только к значительному прямому психическому ущербу, но, тиражируясь в виде очень широко расходящихся сообщений и соответствующих изображений, стремятся также к отдалённым психическим последствиям и политическим целям: террористическое насилие сеет страх и ужас, которые, будучи усиленными СМИ, весьма чувствительно воспринимаются хозяйственной и политической структурами современных обществ. Согласно этим целям страх и ужас должны делать эти общества послушными политическому принуждению. Тем самым в асимметричных квазивоенных столкновениях терроризм преследует цели, прежде всего, политические (такие, как отступление западных стран из определённых областей или дестабилизация соответствующих правительств).⁶⁵

Современный терроризм усиливает вместе с тем развитие, которое в отдельных государствах уже отчётливо проявилось через организованную преступную деятельность: в современном рискованном обществе преступность

⁶³ К мексиканскому движению Запатиста см. исследование: *Garrido/Halavais*, in: *McCaughey/Ayers* (Hrsg.), *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*, London 2003. — S. 165—184.

⁶⁴ Cp.: *Weimann*, *Terror on the Internet: The New Arena, the New Challenges*, Washington, 2006, а также *Bronkhorst/Eissens* (Hrsg.), *Hate on the Net, Virtual nursery for In Real Life crime*, http://www.jugendschutz.net/pdf/osce_paris.pdf [Stand: 2006-12-18].

⁶⁵ Cp. общ.: *Munkler*: 1) *Die neuen Kriege*, 2. Aufl. 2005. — S. 175—205; 2) *Der Wandel des Krieges, Von der Symmetrie zur Asymmetrie*, 2. Aufl. 2006. — S. 221—247. Специально к ситуации в Германии см.: *Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz* (Hrsg.) (сноска 54). — S. 174—190.

может вести к политическим рискам и благодаря этому также к угрозе для государства. В отношении организованной преступной деятельности это проявляется не только в государствах, в которых организованные преступники или предприниматели подкупают государственных чиновников. Политические риски возникают также, если, например, в Латинской Америке — конкурирующие торговцы наркотиками и другие преступные группировки в контакте с локальными «war lords» (военачальниками) и полувоенными ставят под вопрос монополию государства на применение силы, что часто ведёт к связи терроризма и организованных преступных групп.⁶⁶ Подобное развитие имеет место в государствах — прежде всего африканских — при связанной с применением силы разработке полезных ископаемых криминальными предпринимателями и полководцами в локальных войнах.⁶⁷ Возникающие таким образом политические риски приобретают затем значение, если какое-либо государство благодаря им само начинает представлять риск для глобальной безопасности, тем что оно раскрывается де факто как «государство, потерпевшее крах» (failed state) или де юре как неправовое государство в своей локальной функции защиты и между тем в глобальном масштабе создаёт «прикрытие преступности» (crime havens) или «спасительное убежище» (safe harbours) для организованных преступных групп (как, например, в бывшей Югославии) или для террористов (как в Йемене или Сомали).⁶⁸

Эти политические риски терроризма и организованной преступной деятельности заявляют о себе отчасти также в возрастающих столкновениях и «новых войнах». Применительно к этим «новым» или «малым» войнам речь идёт больше не о прежних столкновениях между территориальными государствами, но об асимметричных столкновениях между территориальными государствами и — зачастую международно организованными — сетями.⁶⁹ Поэтому новые военные столкновения с этими международными структурами размывают в территориальных государствах классическое разграничение внутренней и внешней безопасности, равно как преступлений и войн. «Новые войны» ведутся нередко — как, например, в Боснии, Афганистане и Пакистане

⁶⁶ Ср.: аргументы — сноска 41.

⁶⁷ Ср.: также: Münkler // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.), *Neue Allianzen gegen Kriminalität und Gewalt*, 2006. — S. 17–31 (24 и след.).

⁶⁸ К возникновению «failed states» (государств, потерпевших крах) — ср.: Münkler (сноска 65) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 17–31 (19 и след.). О нормативном состоянии распавшихся государств с ср.: Gei?, «Failed States», *Die normative Erfassung gescheiterter Staaten*. — 2005. Обзор существующих причин хозяйственных преступлений в распавшихся государствах и их международного воздействия даёт: Gros, *British Journal of Criminology* 43 (2003). — S. 63–80.

⁶⁹ Этот переход межгосударственных войн к новым асимметричным формам в какой-то мере предстаёт как признак утраты значения «мира государств» и подъёма новых субъектов политики. Ср.: Münkler (сноска 65) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 28 и след.

— полицией, армией, секретными службами, специальными командами и силами международной интервенции. В ударах 11 сентября 2001 года НАТО и Объединённые Нации также установили «случай защиты». Ввиду большого спектра различных террористических посягательств в связи с ними ставятся сложные вопросы об ограничении уголовного права от права войны, о разграничении «внутреннего» вынужденного положения⁷⁰ и «внешней» защиты и о государственном правовом пространстве права на самооборону согласно ст. 51 Устава ООН.⁷¹

Размывание внутренней и внешней безопасности, равно как преступления и войны, наряду с возрастающей потребностью в защите от опасности и в превенции обусловило потребность существующих правовых систем в новых категориях, с которыми *классические правовые отрасли* уголовного права, полицейского права и — в отдельных государствах — также права войны создают некое новое «право безопасности».⁷² Отсюда следуют дальнейшие политически обусловленные изменения, которые взаимосвязаны с глобализацией, а также вытекают выше проанализированные проблемы осуществления транснационального уголовного преследования. Возрастающее влияние глобального развития на локальные обстоятельства и возрастающая мобильность обуславливают *противоречия между масштабами общественных мерок и государственными нормами*. Это обнаруживается не только в отдельных областях интернет-преступности (например, в праве защиты данных или при прославляющей насилие информации), применительно к которым особенные национальные правила в масштабе глобального «Cyberspace» (виртуального пространства) становятся недействительными.⁷³ Такой же феномен, к примеру, высветило также международно организованное медицинское исследование, которое показало, что четкое разграничение разрешённых и запрещённых отношений утратило значения и не осуществимо вследствие международных различий в урегулировании.⁷⁴ Это развитие таит в себе высокий потенциал конфликтности. Подобное видно, к примеру, в глобальном пространстве Интернета и при глобальном телевидении на основе искусственных спутников Земли (на основе возрастающей конвергенции массовой коммуникации), когда распространяется порнография, информация, опасная для молодёжи, разрушающие веру высказывания, реклама алкоголя или карикатуры, направленные против религии. Соответственно наступает напряжённость, когда под эгидой Европейского союза должны тесно коопериро-

⁷⁰ Ср.: сноска 166.

⁷¹ Ср.: также сноска 163.

⁷² Geß (сноска 68). — S. 292—307.

⁷³ BGHSt 46. — S. 212 и след.; Sieber, NJW 1999. — S. 2065—2073.

⁷⁴ Ср.: Koch // Arnold u.a. (Hrsg.), Menschengerechtes Strafrecht, Festschrift für Albin Eser zum 70. Geburtstag, 2005. — S. 1091—1118 (1111).

ваться между собой всё больше национальных право порядков, в одной части которых подкуп в значительной мере устранён, а в другой части всё ещё в значительной степени является принятым стандартом общественной системы.

Сходные конфликты различных нормативных ожиданий возникают также вследствие мировой миграции, порождающей в тесном пространстве неоднородности общества и связанные с ней различия жизненных отношений и ценностных ориентаций. Примером этого «конфликта культур» являются убийства по мотивам мести, кровная месть или новые масштабы насилия в Западной Европе.⁷⁵ Наталкивающиеся друг на друга (благодаря Интернету, миграции и другим факторам) несовпадающие оценки образа построения отношений и обусловленные этими столкновениями конфликты перемещают сюда в локальные плоскости интернациональные столкновения глобальных ценностных диссонансов, что одновременно таит в себе риски эскалации насилия.

д) Выводы

Новые риски шествуют часто вместе с высокой сложностью соответствующих форм правонарушений, которые вызываются не только техническими и экономическими причинами, но также особыми преступными структурами, множеством потерпевших или географически далеко простирающимся распространением совершения деликтов. Вместе с этими новыми глобальными рисками, как и комплексными формами преступных проявлений и проблемами их раскрытия, распространяется точка зрения об ослаблении национальных государств.⁷⁶ При этом подходе всё же остаётся не ясным, насколько действительно *интернациональная кооперация государств* в обществе всемирного риска может противостоять этим новациям с помощью мер контроля, по-новому развивающегося «права безопасности» (с его полицейско-правовыми,

⁷⁵ В качестве примера ср. результаты исследования: *Wetzels/Brettfeld*, Auge um Auge, Zahn um Zahn? Migration, Religion und Gewalt junger Menschen, 2003. — S. 186–188, а также исследования оценки тяжести деликтов: *Braun*, Migration und interkultureller Konsens, Ein interkultureller Ausblick, 2002. — S. 154–163. Об оценке кровной мести в судопроизводстве см.: *Nehm // Arnold u.a.* (Hrsg.), Menschengerechtes Strafrecht, Festschrift für Albin Eser zum 70. Geburtstag, 2005. — S. 419–429; к разъяснению высокого потенциала агрессии албанских преступных групп: *Arsovska*, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice 14/2 (2006). — S. 161–184. Наряду с этим также обретает возрастающее значение конфликтный потенциал субкультур в городском контексте, как наглядно показывают беспорядки в парижских «чувствительных к урбанизации зонах», ср.: о подобном насилии: *de Maillard/Rochl*, European Journal of Criminology 2004. — S. 111–151 (131 и след.), а также специально к молодёжному насилию: *Dubet // von Trotha* (Hrsg.), Soziologie der Gewalt, 1997. — S. 220–234, и, наконец, *Body-Gendrot*, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice 2005. — S. 4–26.

⁷⁶ Ср.: о выросших из этого проблемах для правовой, социальной и экономической наук: *Mayntz*, Einleitung und Zusammenfassung // *Mayntz/von Bogdandy/Genschel/Lütz* (Сноска 8). — S. 9–18 (13 и след.)

уголовно-правовыми и военными компонентами), с помощью новых международных коммуникаций, а также создаваемых аппаратов власти — и идёт ли дело только к отдельным проявлениям перераспределения власти между государственным и частным секторами.⁷⁷ В рамках такого развития всякий раз государству и объединениям государств передаются всё новые задачи и властные полномочия по обеспечению безопасности.⁷⁸ Это весьма значительно скажется на уголовном праве и на классических объектах уголовно-правового регулирования, прежде всего потому, что при обусловленном этими обстоятельствами обеспечении безопасности на первый план выступают создание гарантий превенции и новое право безопасности.

2. Функциональные границы уголовного права

Представленный анализ изменившихся рисков проливает свет на причины того, почему уголовное право в его реакции на упомянутые вызовы натывается сегодня на свои функциональные границы и ищет при этом новые подходы. Государственная и общественная реакция на новые вызовы состоит не только в рассмотрении их причин, но и в рассмотрении возможных обсуждаемых в настоящее время комплексных решений, как, например, об основах и альтернативах «враждебного уголовного права» и «гражданского уголовного права».⁷⁹ На новые вызовы «мирового рискованного общества» в уголовной политике имеются два различных ответа со многими гранями:

— господствующий подход — наблюдаемый во многих странах, особенно в области противодействия терроризму — нацелен на расширение и «устранение границ» уголовного права, как и его «окружения» посредством других институтов некоего нового права безопасности (ниже: п. «а»);

— второй подход состоит в развитии альтернативных (вне уголовного права и особенности вообще внеправовых) мер превенции преступлений (ниже: п. «б»).

а) Обезграничивание уголовного права и новое право безопасности

Подход к решению, связанный с продлением действия уголовного права за его прежние границы, в общем характеризуется возрастающей ориентацией уголовного права на превенцию и безопасность, равно как на обусловленное тем самым вмешательство, осуществляемое уже на предварительной ста-

⁷⁷ Ср.: *Beck* (сноска 3). — S. 45 и след.); *Beck/Lau*, *The British Journal of Sociology* 56 (2005). — S. 525–557 (532 и след.); *Münkler* (Сноска 65) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 18 и след. К «транснциональному государству» см.: *Grande*, *Globalisierung und die Zukunft des Nationalstaats* // *Beck/Bonf* (Hrsg.), *Die Modernisierung der Moderne*, 2. Aufl. 2001. — S. 261–275 (274). О роли международных организаций и объединений см.: *Tomuschat*, *Recueil des cours de l'Académie internationale de la Haye* 281 (1999). — S. 40 и след.

⁷⁸ Ср.: *Jung*, GA 1996. — S. 507–517 (515).

⁷⁹ Обоснование враждебного уголовного права см.: сноска 96.

дии совершения преступления и при сокрытии преступления.⁸⁰ При этом в многочисленных правовых порядках происходит, прежде всего, аа) перемещение в материальном праве уголовной ответственности на предварительную стадию совершения преступления, bb) расширение превентивных программ контроля, снижение гарантий и создание специальных компетенций в уголовно-процессуальном праве, cc) взаимодействие обязанностей частных лиц в преддверии и вне уголовного процесса, dd) создание межинституциональных и международных «Task Forces» (силовых группировок) в некой новой «архитектуре безопасности», равно как её размывание классических правовых категорий и возникновение нового права безопасности. Комбинация этих тенденций особенно явно обнаруживается и обостряется в американском законодательстве о «war on terror» (войне против террора) (см.: пп. ff).

аа) В материальном праве проявляются перемещение уголовной ответственности на предварительную стадию совершения преступления, например, при реакции на риски, исходящие от преступных структур, и в особенности при трактовке совершения преступления с разделением ролей в организованных группах преступников, коммуникационных сетях и преступных первичных ячейках: законодатель и судебная практика реагируют на это — особенно принимая во внимание организованную преступную деятельность и терроризм — введением в мировом масштабе ответственности за организационные деликты, в особенности за поддержку криминальных структур и террористических организаций, составов преступления «заговора» (conspiracy), специальных учётных фигур, таких как «совместное преступное предприятие» (joint criminal enterprise), «производной ответственности государств» (vicarious liability) и «строгой ответственности» (strict liability), равно как дальнейшим перенесением уголовной наказуемости на предварительные стадии совершения преступления.⁸¹ Также в области хозяйственных преступлений (и в особенности экологических преступлений), равно как организованной

⁸⁰ Ср.: основополагающ.: *Jakobs*, ZStW 97 (1985). — S. 751–785; углублённо: *Beck*, Unrechtsbegründung und Vorfeldkriminalisierung, 1992, а также обсуждение BGHSt 47, 214; *Rath*, GA 2003. — S. 823–840. Ср. также замечания по поводу развернувшейся критики франкфуртской школы в 1990-е г.: *Schünemann*, GA 1995. S. 201–229 (210 и след.).

⁸¹ К организационным деликтам в связи с понятием преступных сообществ см.: BGH, NJW 2005. — S. 80–83, а также критический взгляд на далеко идущее распространение деликтов на предварительную стадию преступной деятельности см.: *Dahs*, H., NJW 1976. — S. 2145–2151 (2147 и след.); *Jakobs*, HRRS 2006. — S. 289–297 (295); *Roxin* (сноска 40), *Dolcini/Paliero* (Hrsg.) — S. 734; *F.-C. Schroeder*, Die Straftaten gegen das Strafrecht, 1985. — S. 17, 28–29; к европеизации понятия объединения: *Kreß*, JA 2005. — S. 220–228; *von Heintschel-Heinegg*, *Hoyer u.a.* (Hrsg.), Festschrift für F.-C. Schroeder, 2006. — S. 799–808. К составам заговора в США см.: *Katyal*, Yale Law Journal 112 (2003). — S. 1307–1398; *Siesseger*, William and Mary Law Review 46 (2004). — S. 1177–1218. К *сneциальным субъектам в международном уголовном праве* — ср.: *Danner/Martinez*, California Law Review 93 (2005). — S. 75–169 (102 и след.). О *движении против либерализации*

преступной деятельности, наблюдается соответственное развитие материального права при защите надиндивидуальных правовых благ, при абстрактных деликтах создания угрозы и при имущественных деликтах.⁸² Взаимосвязь этих составов преступления с выше проанализированной парадигмой превенции обнаруживается особенно явно в недавних дебатах в Федеральном министерстве юстиции о криминализации предварительной преступной деятельности применительно к преступлениям, предусмотренным § 129a Уголовного кодекса ФРГ.⁸³ Могла бы быть разрешена апробированная в настоящее время криминализация соучастия в обучении терроризму, чтобы уже заблаговременно применять средства уголовного права, прежде всего *превентивные*, во избежание предполагаемого террористического посягательства к действующим и «дремлющим» («Schlúfer») террористам, например, при возвращении их после обучения в Германию.⁸⁴ Перемещение уголовно-правовой защиты благ на предварительные стадии преступной деятельности при этом часто усугубляется повышением верхнего предела наказания.⁸⁵

bb) Возрастающие риски, так же как и трудности раскрытия и доказательства новой комплексной преступной деятельности, имеют значение для уголовно-процессуального права. Здесь также содержатся усиленные *превентивно действующие меры на начальных стадиях подозрения*,⁸⁶ в особен-

ответственности провайдеров Интернета см.: Sieber: 1) Kinderpornographie, Jugendschutz und Providerverantwortlichkeit im Internet, Eine strafrechtsvergleichende Untersuchung, 1999. — S. 32–46, 61–65, 2) а также сравнительно-правовое Responsibility of Internet-Providers // Lederman/Shapira (Hrsg.), Law, Information and Information Technology, The Hague u.a. 2001. — S. 231–292.

⁸² Ср. основополагающ.: Jakobs, ZStW 97 (1985). — S. 751–785. К *надиндивидуальным правовым благам и деликтам создания опасности* см.: Greve, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice 2005. — S. 515–532; Hassemer, StV 2006. — S. 321–332 (326 и след.); Hefendehl, Kollektive Rechtsgüter im Strafrecht, 2002; Tiedemann, Tatbestandsfunktionen im Nebenstrafrecht, 1969, в особенности S. 111–134; Wohlers, Deliktstypen des Präventionsstrafrechts. К догматике «современного» деликта создания угрозы Gefúhrdungsdelikte, 2000; Zieschang, Die Gefúhrdungsdelikte, 1998, в особенности, S. 214–220, 245–251, 388–393. К деликтам *против собственности* см.: Struensee // Samson (Hrsg.), Festschrift für Gerald Grunwald zum siebzigsten Geburtstag, 1999. — S. 713–729.

⁸³ При этом речь идёт о предварительных соображениях, которые в январе 2007 г. могли бы быть осуществлены в первом законопроекте.

⁸⁴ См. близкое к этому: раздел II.B.3.b, а также о законодательных возможностях в виду «потенциальной проблематики» по-американски — Chesney, Harvard Journal of Legislation 42 (2005). — S. 1–89. См. также: 18 USC § 2339–2339D.

⁸⁵ Ср. также: Hassemer (Сноска 80), StV 2006. — S. 323.

⁸⁶ О применении превентивного растрогового улавливания ср.: BVerfG, NJW 2006. — S. 1939–1951; Liskén, NVwZ 2002. — S. 513–519. О насыщении общества деятельностью секретных служб («Vernachrichtendienstlichung») см.: Paeffgen: 1) StV 2002. — S. 336–341; 2) GA 2003. — S. 647–671.

ности секретные информационно-технические меры вмешательства и контроля, при которых исследуются беседы, телефонные разговоры, компьютерные данные, места пребывания и банковские счета граждан, а также совместными усилиями ведутся соответствующие банки многочисленных данных.⁸⁷ Из этих мероприятий по вмешательству могут в будущем развиваться новые глобальные системы контроля «подозреваемых» и «опасных» персон, построенные по профилям риска.⁸⁸ Связанный с этими мероприятиями план «Заблаговременной подготовки»⁸⁹ наглядно описывает наступающее с ними смещение превенции и репрессии. Этим усиливается тенденция к непосредственно превентивному выступлению уголовного права, которая прежде была видна в обосновании превентивного задержания, равно как в развитии правового регулирования массовых мероприятий и особенно превентивного заключения.⁹⁰

Из этого в уголовно-процессуальном праве вытекает *демонтаж гарантий и форм защиты*. Во многих зарубежных правовых порядках при этом речь идёт о новых возможностях длительного полицейского задержания подозреваемых (это в большинстве случаев также служит превентивным целям)⁹¹ или об облегчении доказывания (которое часто достигается посредством расширения уголовного права).⁹² В Германии соответствующая дискуссия о правовых границах превентивной борьбы с терроризмом в связи с применением пыток и

⁸⁷ К унификации уголовно-процессуальных тайных методов расследования с ср.: «Набросок к закону о новом регулировании контроля телекоммуникаций и других скрытых мер расследования, а также о замене директивы от 2006/724/EG» от 27.11.2006. О практике и эффективности прослушивания телекоммуникаций в Германии см.: *Albrecht/Dorsch/Krüpe*, Rechtswirklichkeit und Effizienz der Überwachung der Telekommunikation nach den §§ 100a, 100b StPO und anderer verdeckter Ermittlungsmaßnahmen, 2003. К правовым границам в области растрового наблюдения — ср.: BVerfGE, NJW 2006. — S. 1939—1951.

⁸⁸ Ср. также: *Albrecht* (Сноска. 6), JURA (Ungarn) 2005/2. — 11 и след.; *Klett-Straub*, German Law Journal 7 (2006). — S. 967—975.

⁸⁹ Ср.: *Weßlau*, Vorfeldermittlungen: Probleme der Legalisierung «vorbeugender Verbrechensbekämpfung» aus strafprozessrechtlicher Sicht, 1989; *Wolter*, GA 1999. — S. 158—181; *Kühne*, Strafprozessrecht, 6. Aufl. 2003, Rn. 393.

⁹⁰ Ср.: сноска 158.

⁹¹ См. раздел: II.B.3.b, в особенности сноски 156 и 161. Ср., однако, об антитерроризме, преступности и безопасности: Act 2001 (ATCSA) // Großbritannien auch das Urteil des Appellate Committee des House of Lords in der Sache „A and others v. Secretary of State for the Home Department; X and another v. Secretary of State for the Home Department“ vom 16.12.2004 // All England Law Reports 2005 (3), — S.169—263.

⁹² Ср., напр., введённый в 2006 г. во Франции состав преступления «отсутствие оправдание доходов, соответствующих жизненному стандарту» в ст. 321-6 Code Pénal (а также соответствующий специальный состав преступления, касающийся терроризма в ст. 421-2-3).

сбиванием летательных аппаратов⁹³ наглядно показала, как новые риски ставят под сомнение традиционные границы уголовного права. Трудности раскрытия преступлений и массовый обвал норм в обществе ведут, впрочем, также к отказу от последовательного проведения полезной консенсуальной стратегии улаживания, например, посредством предусмотренного процессом соглашения о приговоре или альтернативных мер улаживания.⁹⁴ Проблемы такой деформализации проявляются, например, в США, поскольку там для лиц, воюющих на стороне неприятеля («enemy combatants»), для которых в отдельных случаях предусмотрен прекращающий процесс договор, в противоположность этому возможен также переход ведения расследования военному ведомству с применением последним взятия под стражу, что осуществляется с уведомлением органов, осуществляющих уголовное преследование.⁹⁵ Правопорядки отдельных стран, сверх того, создают для определённых сфер совершения деликтов *специальные (в большинстве региональные) судебные юрисдикции* (например, для хозяйственных, организованных или комплексных преступлений),⁹⁶ а также особые розыскные мероприятия, которые тем не менее впоследствии в отдельных случаях посредством расширения условий их применения или перечня наказаний могут войти в употребление против общих деликтов.⁹⁷ При этом принимаются во внимание также специальные мероприятия в отношении определённых групп преступников, чьё

⁹³ Ср.: к недопустимости сбивания самолёта в законе о воздушной безопасности: BVerfG, NJW 2006, 751–761; к дебатам о пытках: *Roxin // Arnold u.a.* (Hrsg.), *Menschengerechtes Strafrecht, Festschrift für Albin Eser zum 70. Geburtstag*, 2005. — S. 461–471 (468 и след.), а также *Reemtsma*, *Folter im Rechtsstaat?*, 2005; *Saliger*, *ZStW* 116 (2004). — S. 35–65.

⁹⁴ В общем о процессуальном соглашении ср.: BGH, NJW 2005, 1440–1447, а также предложение федеральной палаты адвокатов о законодательном урегулировании в уголовном процессе соглашения о приговоре см.: ZRP 2005. — S. 235–241, и *Schünemann / Lorenz u.a.* (Hrsg.), *Festschrift für Andreas Heldrich*, 2005. — S. 1177–1195.

⁹⁵ Ср.: *Meyer*, HRRS (<http://www.hrr-strafrecht.de>) [Stand 18.12.2006] 2006. — S. 178–185; *Takei*, *Boston College Law Review* 47 (2006). — S. 581–626. К этому см. также: раздел II.B.2.a и след.

⁹⁶ К особой судебной компетенции, напр., для преступлений «большой сложности» или «очень большой сложности» («grande complexité» bzw. «très grande complexité») во Франции ср.: Art. 704 Abs. 3, а также 706-75 Code de procédure pénale.

⁹⁷ Соответствующие особые мероприятия по вмешательству применительно к определённым деликтам имеют традиции, прежде всего, во Франции, например, в отношении террористических, хозяйственных, финансовых преступлений, коррупции в Европе, морских преступлений, военных и в области государственной безопасности, а также причинения вреда здоровью. Ст. 706–73 и послед. СРР, введённые законом № 2004-204 от 9.3.2004, отныне позволяют сверх этого в отношении деликтов, названных в объёмном каталоге организованной преступной деятельности, удлиненное полицейское задержание, расширенное прослушивание телефонных разговоров, ночные

поведение определяется длительным разрывом с обществом, — мероприятия, которые образно могут быть обобщены под ярлыком «враждебное уголовное право».⁹⁸ Если этим ярлыком не только критически описывается сегодняшнее развитие, но также формулируется руководство к действиям, то это особенно отчётливо показывает опасность «обезграничивания» уголовного права.

сс) Основополагающие изменения в уголовно-правовых и внеуголовно-правовых системах координат проявляются вовне — как реакция на трудности раскрытия преступлений — в возрастании взаимосвязанных обязанностей частного сектора при осуществлении контроля, в том числе в преддверии и за пределами рамок уголовного преследования. При этом речь идёт как об использовании специальных знаний (например, при расследовании в комплексной сфере компьютерной технологии),⁹⁹ так и о создании, обнародовании и анализе частных баз данных в целях превенции и обеспечения уголовного преследования.

Последнее наглядно проявляется при борьбе с отмыванием денег¹⁰⁰ и контроле над торговлей ценными бумагами,¹⁰¹ прежде всего в области телекоммуникационного наблюдения с принятием на себя частными структурами обязательств по подготовке технических возможностей наблюдения и сохранения базы данных.¹⁰² Связанная с этим приватизация и обеспечение гарантий

обыски, скрытое наблюдение, а также акустическое и визуальное наблюдение в помещениях. В области борьбы с терроризмом во Франции, см. в особенности: Закон № 2006-64 от 23.1.2006.

⁹⁸ Ср.: *Jakobs*: 1) HRRS 2006. — S. 289–297 (295), 2) ZStW 117 (2005). — S. 839–851, 3) HRRS 2004. — S. 88–95 (93), 4) ZStW 97 (1985). — S. 751–785. Ср. также: *Arnold*, HRRS 2006. — S. 303–315; *Bung*, HRRS 2006. — S. S. 63–71; *Hürnle*, GA 2006. — S. 80–95, и, наконец, в испаноязычном пространстве: *Zaffaroni*, *El Enemigo en el Derecho Penal*. Bogotó 2006.

⁹⁹ Ср.: *Blr*, *Der Zugriff auf Computerdaten im Strafverfahren*, 1992. — S.S. 367 и след., 387 и след.; *Kugelmann*, TMR 2002. — S. 14–23 (18 и след.).

¹⁰⁰ Ср.: §§ 2, 3, 6, 9, 11 GWG, а также ст. 6 и след. Директивы 2005/60/EG от 26.10.2005, абз.. L 309/15 о предупреждении использования финансовой системы в целях отмывания денег и финансирования терроризма, а также обоснование: сноска 102.

¹⁰¹ Ср.: §§ 9, 10, 33 Abs. 1 Nr. 3 Wertpapierhandelsgesetz, а также Art. 6 Abs. 6 und 19 der Richtlinie 2003/6/EG v. 28.1.2003 ABl. L 96 über Insider-Geschäfte und Marktmanipulationen.

¹⁰² К сохранению баз данных — ср.: die Richtlinie 2006/24/EG vom 15.3.2006, ABl. L 105/54 über die Vorratsspeicherung von Daten, die bei der Bereitstellung öffentlich zugänglicher elektronischer Kommunikationsdienste oder öffentlicher Kommunikationsnetze erzeugt oder verarbeitet werden, а также исследование: *Breyer*, *Die systematische Aufzeichnung und Vorrhaltung von Telekommunikations-Verkehrsdaten für staatliche Zwecke in Deutschland*, 2005. К взаимодействию с частным сектором в целях уголовного преследования — ср.: *Hamm*, NJW 2001. — S. 3100–3101, а также заданные

безопасности¹⁰³ отчасти связаны также с вмешательством в частные доверительные отношения (например, при включении адвокатов в борьбу с отмыванием денег).¹⁰⁴ Желание воспользоваться частными базами данных для обеспечения безопасности будет в будущем возрастать дальше, в особенности для «нацеливания» (targeting) подозрения в терроризме. Уже сегодня существуют технологии (softwaretools), с помощью которых за короткое время могут быть детально представлены из официальных источников и банков данных персональные данные.

Огромное множество относящихся к личности данных в руках частного бизнеса, равно как соответствующий спрос частных и публичных лиц, ответственных за безопасность, приведут в будущем во многих странах к новым масштабам защиты данных и взаимодействию с частным сектором при обеспечении безопасности.

dd) Рабочими группами совместно с представителями из различных — уголовных и неуголовных — сфер расследования в возрастающем темпе оптимизируются данные до сих пор разделённых служб безопасности, а также до сих пор разделённая информация и ограниченные возможности сделать запрос в разделённых массивах данных. В Германии, например, в соответствующих межинституциональных «силовых группировках» (*Task Forces*) в рамках некой «новой архитектуры безопасности» совместно работают представители от генеральной федеральной прокуратуры, полиции, таможни, службы по делам иностранцев, секретных служб и военных учреждений, которые при этом пользуются также сведениями соответствующих частных служб, уполномоченных на борьбу с отмыванием денег. При этой совместной работе и поддерживающей её «антитеррористической базой данных» ещё больше размывается центральное для немецкого права безопасности различие между превенцией и репрессией.¹⁰⁵ Впрочем, в международном масштабе транснациональные сети уголовных преступников с соответствующими

параметры: Art. 19 Abs. 4 der Convention on Cybercrime, ETS Nr. 185 vom 8.11.2001 (к этому см. также: Explanatory Report, Abs. 200—202).

¹⁰³ Ср. также: Ziercke // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.), *Neue Allianzen gegen Kriminalität und Gewalt*, 2006. — S. 33—48 (42 и след.).

¹⁰⁴ Ср.: Richtlinie 2001/97/EG vom 4.12.2001, Abl. L 344/76 zur Änderung der Richtlinie 91/308/EWG des Rates zur Verhinderung der Nutzung des Finanzsystems zum Zwecke der Geldwäsche. В отношении Германии см.: das Gesetz zur Verbesserung der Bekämpfung der Geldwäsche und der Bekämpfung der Finanzierung des Terrorismus vom 8.8.2002, BGBl. I, 2002, 3105, а также Herzog/Mullhausen, *Geldwäschebekämpfung und Gewinnabschöpfung*, 2006, кроме того: Wegner, NJW 2002. — S. 794—796.

¹⁰⁵ К новой «архитектуре безопасности» и новым собраниям данных об антитеррористической деятельности ср.: Nehm, NJW 2004. — S. 3285—3295; Schily (сноска 22) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 12 и след., а также обоснование в сноске 41. Ср. также так называемый общий закон о базах данных: Bundestags-Drucksache 16/2950, который одобрен Бундестагом 1.12.2006.

мультифункциональными «Task Forces» (силовыми группировками) всё больше противостоят международным государственным сетям.¹⁰⁶

Эта «новая архитектура безопасности» с её новыми подвижными структурами и институтами зачастую характеризуется малой прозрачностью и отсутствием контроля. Дефицит контроля особенно проявляется тогда, когда совместная работа и право вмешательства предписаны в надгосударственной плоскости и урегулированы посредством межправительственной кооперации исполнительных властей потому, что тут в сравнении с национальной плоскостью имеется большая демократия и прозрачность. Фактическое значение полицейских справочников и обобщений «лучшей практики» проявляется, например, при принятии их за основу при обосновании в интересах общества (*acquis*) возражений против вступления кандидатов в Европейский союз. Фрагментация международных СМИ, занимавшихся вопросами безопасности и возникшими в связи с этими вопросами новыми формами координации — такими как обзоры процессов Организации Экономического Сотрудничества и Развития, Совета Европы, Европейского Сообщества или Объединённых Наций, — повысили при этом ясность и прозрачность межведомственной совместной работы.¹⁰⁷ Это имеет отношение, прежде всего, к кооперации исполнительной власти в нежестких и эластичных структурах отношений. Соответствующие проблемы контроля и легитимности вышеназванных многоплоскостных систем¹⁰⁸ особенно отчетливо проявятся при международном преследовании терроризма, если при этом будут затребованы и использованы далеко идущие полномочия исполнительных властей — применяемые зачастую также экстерриториально — в особенности в случаях взятия подозреваемых под стражу, «замораживании» их ценного имущества, подслушивании телекоммуникаций или при вторжении в данные Общества международных межбанковских телекоммуникаций (Society of Worldwide Interbank Financial Telecommunication — «Swift»).¹⁰⁹ Здесь накапливаются проблемы территориальных и функциональных границ уголовного права.

¹⁰⁶ Ср.: *Albrecht* (сноска 6), *JURA* (Ungarn) 2005/2. — S. 17; *Diwell* (сноска 41); *Griesbaum u.a.* (Hrsg.). — S. 101–109 (особенно 103 и след., 109); *Nadelmann*, *Cops Across Borders, The internationalization of U.S. criminal law enforcement*, Cambridge-MA 1993, особенно S. 103–188.

¹⁰⁷ Ср.: *Sieber* (сноска 2) // *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 88, 90, а также статьи в сб.: *Biolley/Weyembergh* (Hrsg.), *Comment évaluer le droit penal européen*, Brüssel 2006.

¹⁰⁸ Ср.: сноска 26.

¹⁰⁹ Ср.: к *задержанию подозреваемых в терроризме и связанных с ними* в других странах — отчёт особо учитывающихся зон Совета Европы: *Marty*: 1) *Alleged secret detentions and unlawful inter-state transfers involving Council of Europe member states*, Draft report — Part II (Explanatory memorandum), AS/Jur (2006) 16 Part II (7.6.2006); 2) *Alleged secret detentions in Council of Europe member states*, Information Memorandum II, AS/Jur (2006) 03 rev. (22.1.2006); к замораживанию имущественных ценностей посредством административно-правового регулирования и его узаконения

ее) По ходу этого развития *размываются классические правовые категории* и гарантированные ими функции защиты: прежде всего потребность в превенции и розыскных мероприятиях в отношении «подозреваемых» или «опасных» персон во многих областях центрального континентального уголовного права уменьшает *различие между уголовно-правовой реакцией и полицейской защитой от опасности*. Это имеет место в том случае, если добывание информации в области организованной преступной деятельности и терроризма связано не с подозрением в преступлении, но с — отчасти абстрактным — риском безопасности. Ориентация на превенцию приводит к тому, что новые меры против терроризма, связанные с вмешательством, теперь уже урегулированы не только уголовно-процессуальным правом, но прежде всего полицейским правом и правом секретных служб.¹¹⁰ При этом безопасность достигается посредством, например, административного права, права внешней торговли, права телекоммуникаций и эмиграционного права. Иностранцы рассматриваются как особо опасные, и поэтому против них возможны также специальные меры миграционного права и права временного пребывания, поскольку в многочисленных правовых порядках развивается «двойственная правовая система», которая делает различие между гражданами государства и иностранцами и допускает в отношении последних помимо традиционного выдворения в известной мере также лишение свободы без предъявления обвинения и отказ от презумпции невиновности.¹¹¹ Права «чужеземцев» тем самым урезаны не только в международном военном праве, но уже и во внутреннем национальном праве.

Выше представленное размывание категорий внутренней и внешней безопасности, равно как категорий преступления и войны, в новых «асиммет-

в Европе — решения Суда первой инстанции Европейского Сообщества (EuG) от 21.9.2005 по делу T-306/01, OJ C 281/17 и от 12.12.2006 по делу T-228/02; к *прослушиванию телефонных разговоров* с использованием прослушивающей системы «Эшелон» — отчёт Европейского Парламента от 11.7.2001, A5-0264/2001 PAR1; к *дешифровке банков данных* — *Swift*, Süddeutsche Zeitung Nr. 143. — 24./25.6.2006. — С. 1 и след.

¹¹⁰ Ср.: выше раздел II.B.2.a.add, а также к усилению *полномочий секретных служб* при борьбе с терроризмом в Германии отныне «Проект закона о дополнении Закона о борьбе с терроризмом», Bundestags-Drucksache 16/2921, и к *полицейскому праву* — раздел II.B.3.b.

¹¹¹ Ср.: *Eckert*, The Politics of Security, Max Planck Institute for Social Anthropology Halle, Working Papers No. 76, 2005. К распространению этой системы на получивших права гражданства граждан государства, у которых гражданство снова изъято до соответствующих решений, ср.: в США — *Hooker*, Emory Intl. Law Rev. 19 (2005). — С. 305—381. Применительно к Канаде см.: процесс «security certificate» — Part I Division 9 des Immigration and Refugee Protection Act, который открывает возможность взять иностранца под стражу в рамках особого процесса выдворения. Судебная проверка задержания и последующего выдворения осуществляется при известных обстоятельствах в отсутствии пострадавшего, его правовой защиты и на основе тайно содержащейся информации.

ричных войнах» территориальных государств против международных сетей обуславливает осуществление отдельными государствами в борьбе с терроризмом *военно-правовых мер*. Военное право при этом существенно расширяет меры, связанные с вмешательством.¹¹² Проводимая до сих пор только применительно к США и Израилю дискуссия о применении международного военного права против предполагаемых террористов¹¹³ достигла к началу 2007 года также немецкого права: законопроект Германского федерального министерства внутренних дел направлен на то, чтобы отныне на основании международного военного права сделать допустимым — признанный Федеральным конституционным судом в его решении о Законе «О воздушной безопасности» нарушающим Конституцию — обстрел угнанного террористами летательного аппарата. Новая редакция п. «а» абз. 2 ст. 87 Основного Закона ФРГ должна разрешить для случая «квазизащиты» применение вооружённых сил.¹¹⁴

Это размывание политических и правовых различий между внутренней и внешней безопасностью, преступлением и войной, превенцией и репрессией, полицией и секретными службами, равно как между полицией и армией,¹¹⁵ создаёт в совокупности *новое право* безопасности, которое, прежде всего, нацелено на ликвидацию опасности и для классического уголовного права

¹¹² В качестве примера американских и израильских шагов против терроризма см.: раздел II.B.2.a и след.

¹¹³ Ср.: к *военно-правовым шагам* против терроризма в США и Израиле — раздел II.B.2.a и след. К соответствующим критериям в Германии см. ниже: сноска 163.

¹¹⁴ Сравни: отчёты в *Süddeutsche Zeitung* Nr. 1. — 2.1.2007. — S.1, Nr. 2. — 30.1.2007. — S. 5, Nr. 3. — 4.1.2007. — S. 5, о беседе с федеральным министром внутренних дел *Шойбле*. К новейшим планам по возможной поддержке полиции вооружёнными силами с использованием военных средств при отражении террористического нападения см. также: *Süddeutsche Zeitung* Nr. 264. — 16.11.2006. — S. 6, а также к новым альянсам между полицией и бундесвером — *Ziercke* (сноска 101) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 44 и след.; кроме того, *Klötner*, S. 71—72. В остальном до сих пор в Германии военные меры против терроризма в большинстве случаев отклоняются, ср.: *Schily* (сноска 22) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 13 и след. Поэтому упомянутое решение Федерального конституционного суда по поводу Закона о воздушной безопасности также затрагивало привлечение вооружённых сил не к защите и боевым действиям, но к служебной помощи полиции, а также при катастрофах, ср.: *BVerfG NJW* 2006. — S. 751—761 (754 b и след.).

¹¹⁵ Ср.: *Beck* (сноска 3). — S. 10 и след.; *Münkler* (сноска 65) // *Bundeskriminalamt* (Hrsg.). — S. 17, а также в криминологической перспективе *Albrecht*, *Schweizerische Zeitschrift für Kriminologie* 2002. — S. 5—17 (8 и след.). К правовому положению в США ср.: *Vervaele*, *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice* 2005. — S. 201—254, а также *Seamon/Gardner*, *Harvard Journal of Law and Public Policy* 28 (2004—2005). — S. 319—463; к истории появления Закона о патриотизме США (*Patriot Act*, 2001 г.) и его импликаций в правовом регулировании государственных следственных действий, а также о привлечении частных субъектов к осуществлению расследований см.: *Howell*, *George Washington Law Review* 72 (2003—2004). — S. 1145—1207 (1178—1207). К ситуации в США и Израиле ср.: *Gross*, *The Struggle of Democracy Against Terrorism*, *Charlottesville* 2006, в особенности, S. 92—119.

играет отчасти ещё только ограничительную роль. Вытекающее из этого перенесение задач в иные вне уголовного права области регулирования обуславливает при этом (уже и в полицейском праве, но прежде всего всё же в праве секретных служб, в правовой регламентации положения иностранцев и в военном праве) опасность, состоящую в том, что эти новые отрасли права не гарантируют сопоставимого с уголовным правом уровня защиты. Это касается требования материальным уголовным правом определённости составов преступления и уголовно-правового принципа вины, что превышает даже общий конституционно-правовой принцип соразмерности.¹¹⁶ Аналогичная опасность возникает ввиду порога для вмешательства и отправного пункта подозрения в преступлении (которое в полицейском праве заменяется опасностью), обязанностей пострадавших по содействию расследованию (например, в налоговом праве), бремени доказывания, условных судебных решений и прочих защитных мероприятий, перемещения компетенции от судебной к исполнительной власти или участия парламента в изменении основополагающих правовых норм.¹¹⁷ Наряду с этим существует риск того, что стандарты защиты в связи с изменениями за пределами уголовного права изменятся со временем также внутри уголовного права.

ff) Особенно ясно показывают себя эти сдвиги координат в контроле над преступностью и при локализации опасности на примере мероприятий США против терроризма. Развёрнутый правительством новый план «war on terror» (война террору) служит не только риторическим целям мобилизации всех сил (как это было сделано в «войне против нищеты»), но, прежде всего, также для придания легитимности вмешательству, которое при классическом подходе «law enforcement» (правоохраны) было бы невозможно.¹¹⁸ При этом сомнительные военно-правовые полномочия и другие заявленные компетенции тракуются исполнительной властью крайне расширительно и спорным в правовом отношении образом. Поэтому американский план «war on terror» веско убеждает в том, что вышеуказанные различные перемены в случае их комбинации могут привести также государства с давними традициями защиты ценности свободы к внушительным неправомерным вторжениям в классическое уголовное право. По этой причине отдельные составляющие такого развития должны быть коротко показаны *в общем контексте* ещё на американском примере.

С планом США «war on terror» сразу учреждаются военно-правовые полномочия, которые значительно превышают меры, дозволенные уголовным или

¹¹⁶ Ср. также: *Hassemer* (сноска 80), *StV* 2006. — S. 322, 329 и след.

¹¹⁷ Ср. в этой связи также ввиду отражения опасности: *Hoffmann-Riem*, *ZRP* 2002. — S. 497—501. К парламентскому узаконению уголовного права ср. обоснование — выше, сноска 28.

¹¹⁸ Ср.: *Ackerman*, *Yale Law Journal* 113 (2004). — S. 1029—1091 (1032 и след.); *Meierhenrich*, *Journal of Conflict and Security Law* 11 (2006). — S.1—40 (7 и след.).

полицейским правом. Военное право позволяет — иначе, чем уголовно-процессуальное или полицейское право — в определённых случаях лишение жизни активных участников боевых действий — без доказательства конкретного уголовного преступления — и при известных обстоятельствах вместе с ними также предполагаемых террористов.¹¹⁹ Подозреваемые в терроризме бойцы могут также без доказательства конкретного уголовного преступления на протяжении конфликта содержаться в заключении. Абстрактный исходный пункт для обоснования «war» (войны) есть при этом, по мнению правительства США, то, что Талибан, или Аль Каида, объявил Соединённым Штатам войну и вследствие этого всё ещё находится с США в постоянном военном противостоянии. Но этот подход распространяется затем сверх территориально ограниченного конфликта с Талибаном в Афганистане на всякую форму международного терроризма,¹²⁰ так что с позиций правительства США предполагаемые террористы по всему миру и в любое время могут быть схвачены и в продолжении «war on terror» содержаться в заключении.¹²¹

Новый инструментарий вмешательства в права при этом дополняется второй линией специальных властей, которые равным образом опираются на военный план. С точки зрения правительства, президент может, вследствие длительной войны против терроризма, опираться на конституционные президентские вооружённые силы (war powers) и в качестве главнокомандующего (commander in chief) выносить далеко идущие административные распоряжения, которые в мирное время сохраняла бы за собой законодательная власть.¹²² Таким президентским распоряжением (presidential orders) затем

¹¹⁹ В Израиле во всех подробностях с правовой точки зрения дискутируется целенаправленное убийство гангстера-террориста. См.: (сноска 113). — S. 220 и след., а также теперь обстоятельное решение израильского High Court of Justice HCJ 769/02. — 13.12.2006. Высший суд Израиля в этом решении рассматривает как само собой разумеющееся то, что уголовно-правовые меры не являются достаточными для борьбы с терроризмом (ср., напр., пункты 21 и 26 обоснования судебного решения). Президент суда Барак не признал при этом в своём обосновании относительно международных вооружённых конфликтов (international armed conflicts) наряду с участниками военных действий (combatants) и гражданскими лицами (civilians) также третьей категории нелегальных боевых сил или боевиков (unlawful combatants), как это сделано в законодательстве США американским правительством для случаев терроризма и других ситуаций. Он оправдывает, однако, убийства при допускаемых военным правом действиях против штатских лиц, которые поддерживают активных бойцов (ср.: п. 30 и след.; вице-президент суда Ривлин не придаёт решающего значения отнесению убитых террористов к группам боевиков (unlawful combatants) или «нецивильных гражданских» («uncivilized civilians»), см. п. 2 обоснования).

¹²⁰ Ср.: *Bellinger*, Fifth Anniversary of September 11th Attacks, Remarks, Rome, September 11, 2006, <http://www.state.gov/s/rls/73082.htm> [Stand: 2006-12-18].

¹²¹ О спорности этого обоснования ср.: *Ackerman*, Yale Law Journal 113 (2004). — S. 1029—1091 (1032 и след.).

предполагаемые террористы объявляются «воюющим противником» (enemy combatants), при этом допускается прослушивание разговоров граждан национальным агентством безопасности без судебного разрешения на то и создаются специальные военные трибуналы для судебных процессов против предполагаемых террористов.¹²³

Новый запечатлённый в военном законодательстве инструментарий вмешательства в права в дальнейшем призван оправдывать в качестве специального права, существующего вне классической правоохраны (law enforcement), также упразднение процессуальных гарантий и процедуры, урезающих свободы. Это касается прежде всего модификаций доказывания по Федеральным правилам о доказательствах и доказывании (Federal Rules of Evidence), Федеральным правилам уголовного судопроизводства (Federal Rules of Criminal Procedure) и Унифицированному кодексу военной юстиции (Uniform Code of Military Justice — U.C.M.J.).¹²⁴ Так при внедрении негласного процесса (in camera) и использовании производных доказательств «по слухам» (hearsay evidence) пригодность добытых высказываний даже при применении пыточных методов только отчасти должна будет зависеть от вопросов надёжности (reliability) информации.¹²⁵

Первоначально этот подход должен был сделать возможным то, чтобы подозреваемым в терроризме, идентифицированным в качестве так называемого воюющего противника (enemy combatants), отрезать все пути к обычным судам. Так последовала перепроверка индивидуальных сюжетов, касающихся лиц, интернированных исключительно через военные трибуналы, так называемые трибуналы по пересмотру статуса участников военных действий (Combatant Status Review Tribunals — CSRT). Правда, время от времени Верховный Суд (Supreme Court) осуществлял доступ заключённых в

¹²² Cp.: *Burnham*, Introduction to the Law and Legal System of the United States, 3. Aufl. 2002. — S. 665 и след.; *Ramsey*, University of Chicago Law Review 69 (2002). — S. 1543—1638.

¹²³ Cp.: *Wang*, Harvard Journal on Legislation 43 (2006). — S. 517—534; *Koh*, American Journal of International Law 96 (2002). — S. 337—344. Упомянутые в конце действия признаны в решении Верховного Суда по делу Хемдена (*Hamdan*) нарушающими конституцию, ср.: *Hamdan v. Rumsfeld*, 126 S. Ct. 2749 (2006). Актом Военной комиссии (Military Commission Act) от 2006 г. в качестве реакции на «Хемдена» эти трибуналы теперь в модифицированном виде поставлены на новую законодательную основу. См. к этому: Military Commissions Act of 2006, Pub. L. No. 109—366, 120 Stat. 2600 (2006) и также The Manual for Military Commissions, 2007 (<http://www.defenselink.mil/news/commissionsmanual.html> [Stand 26.2.2007]); *Katyal*, Harvard Law Review 120 (2006). — S. 65—123.

¹²⁴ Cp.: *Ratner*, Litigating Guantanamo // *Kaleck u.a.* (Hrsg.), International Prosecution of Human Rights Crimes, 2006. — S. 201, 208. См. к этому также: *Hamdi v. Rumsfeld* 124 S. Ct. 2633 (2004).

¹²⁵ Cp.: Military Commissions Act of 2006, Sec. 948r, para (c), (d).

Гуантанамо к гражданским судам.¹²⁶ Но была предпринята новая попытка с Актом об обращении с заключёнными (Detainee Treatment Act) и Актом о военных комиссиях (Military Commissions Act) от 2006 года отчасти повернуть эти процессы вспять и сохранить судебный суверенитет военных.¹²⁷

Безусловное предоставление борьбы против террора военным в итоге сделало возможным также выведение подозреваемых из гражданских тюрем. Правительству США дозволяется интернирование подозреваемых в военные учреждения, чтобы держать иностранных заключённых далеко от американского континента и тем самым вывести из их поля зрения подходы к области объективной защиты гражданских прав конституцией США.¹²⁸ Через специфическую интерпретацию международно-правовых предписаний вообще отрицается сама применимость международных предписаний в отношении США.¹²⁹

После решения Верховного Суда США по делу Хемдена отныне должна всё же соблюдаться по меньшей мере общая статья 3 Женевской конвенции.¹³⁰ Вместо этого обнаруживается, что большая часть охарактеризованных выше способов действия обуславливается и делается возможным из-за специфики конституционной доктрины США.¹³¹

Если добавим сюда новейший отчёт специального поверенного Совета Европы, Дика Марти, равно как отчёты СМИ, то получим ещё одну плоскость, которой предписано проведение мероприятий с несоблюдением национальных обязательств и международных предписаний в войне против террора. К одним из этих мероприятий относятся «экстраординарные воздаяния» (extraordinary renditions) ЦРУ, которые складываются из похищений подозреваемых в терроризме, их последующего ареста и допросов вне США без соблюдения принятого в правовом государстве процесса.¹³²

¹²⁶ Ср.: *Rasul v. Bush*, 124 S. Ct. 2686 (2004).

¹²⁷ То, что законодательная власть также одобрила эту меру в Военной комиссии, имеет существенное воздействие на контрольные полномочия Верховного Суда в будущих процессах. Согласно Конституции США выраженная поддержка Президента Конгрессом является ключевым фактором для определения границ его исполнительных полномочий, ср.: *Youngstown Sheet & Tube Co. v. Sawyer*, 72 S. Ct. 863 (1952). — S. 870 и след. (*Jackson J.*, concurring).

¹²⁸ Ср.: *Ratner* (Fn. 121) // *Kaleck u.a.* (Hrsg.). — S. 201, 203 и след., со ссылкой на прежние случаи с гаитянскими беженцами.

¹²⁹ Ср.: *Arnold*, ZaoRV 66 (2006) . — S. 297–320. (310 и след.); *Oeter*, Archiv des Völkerrechts 40 (2002) . — S. 422 и след. (437 и след.).

¹³⁰ Ср.: *Hamdan v. Rumsfeld*, 126 S. Ct. 2749 (2006).

¹³¹ На этом основании надо было бы исследовать, отражаются ли сходные взаимосвязи также в пакетах мер других пострадавших государств, воспроизводится ли подобным образом описанное американское развитие вне контекста Конституции США.

¹³² Ср.: *Marty* (Anm. 107), Draft Report — Part II, Rdnr. 22.

К другим из них причисляются агрессивные, бесчеловечные методы служащих и вооружённых сил.¹³³

Меры, предпринятые в США после атаки 11 сентября 2001 года, идут значительно дальше в сравнении с континентально-европейскими мерам и поэтому особенно ясно высвечивают современные перемены функциональных границ уголовного права. В какой степени новые меры вмешательства в права и новое право безопасности пренебрегают классическими границами защиты прав граждан, в какой мере они фактически действенны и какой побочный эффект они имеют, зачастую в виду новых угроз тем не менее упускается из виду также в Европе и в других регионах. То же касается поиска связанных с меньшим вмешательством в права посредством альтернативных мер социального контроля, которые в свете новых грядущих рисков значительно усилены, нежели употреблявшиеся до сих пор и которые будут проанализированы ниже.

б) Альтернативные планы

На новые риски комплексной преступности следует отвечать не только снятием ограничений на уголовное право, но также выше названной *второй стратегией* развития (вне уголовного права и особенно вовсе вне права) альтернативных мер предупреждения преступлений и неформального социального контроля. Эти меры охватывают широкий спектр возможностей.¹³⁴ К первой группе позитивно действующих проактивных мер защиты относятся, например, самозащита потенциальных жертв с помощью техники (например, в области компьютерных преступлений),¹³⁵ превентивно-процедурный контроль (например, в медицинском праве),¹³⁶ процессуальные правила административного права (например, меры борьбы с коррупцией),¹³⁷ разрешение социальных проблем (например, причин терроризма)¹³⁸ и прочих крими-

¹³³ Ср.: Rodley, The Prohibition of Torture: Absolute Means Absolute, in: Kaleck, u.a. (Hrsg.), International Prosecution of Human Rights Crimes. — S. 185—200 (187 и след.). К допросам, проводимым регулярными вооружёнными силами — ср. теперь: Department of Defense Appropriations Act, 2006, Sec. 1001—1004. См. к этому также документация внутреннего расследования ФБР методов допросов в Гуантанамо: <http://foia.fbi.gov/guantanamo/detainees.pdf> [Stand: 3.1.2007].

¹³⁴ В литературе содержатся по этому вопросу — всё же не всегда ясные и пригодные для практического употребления — дифференциации между первичной, вторичной, третичной и технической превенцией, а также между инструментами превенции, вмешательства (Intervention) и вмешательства постфактум (Postvention). Ср. обобщ.: Kaiser, Kriminologie, 3. Aufl. 1996. — S. 246—271.

¹³⁵ Ср. к необходимости подобных мер: Sieber, The International Handbook on Computer Crime, Chichester 1986. — S. 117—145.

¹³⁶ Ср.: ниже обоснование: раздел III.B.3.c.bb, в особенности, сноска 208.

¹³⁷ Ср.: Sieber/Bügel (сноска 16). — S. 363 и след.

¹³⁸ Ср.: Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz (Hrsg.) (Сноска 54). — S. 184—190.

ногенных факторов (например, в области преступлений, связанных с субсидиями),¹³⁹ а также так называемая структурная превенция (например, в области организованной преступной деятельности).¹⁴⁰

Вторая группа мер охватывает альтернативную систему контроля. Сюда относятся не только санкции за нарушение общественного порядка или санкции административного права и гражданско-правовые иски о компенсации (также в форме многообразного возмещения ущерба), но равным образом и особые стратегии улаживания (например, медиация, примирение преступника и потерпевшего или деятельность комиссий по установлению истины в области международных преступлений),¹⁴¹ а также саморегуляция и совместная регуляция (например, в области Интернета или прессы).¹⁴² В последней из названных областей американские и итальянские правила соблюдения ответственности программ (Compliance-Programmen) при назначении санкций в сфере предпринимательства предоставляют специальные модели, которые наряду с уголовно-правовыми санкциями или уступками поддерживают также частные меры превенции или саморегулирования.¹⁴³ *Этический кодекс* или *кодекс этики* научных работников — наряду с уже существующими законодательными правилами — в настоящее время должны уменьшить прежде всего выше обсуждённые возможности злоупотреблений с весьма опасными продуктами ядерного распада в области науки, затрагивающей человеческую жизнь (life sciences)¹⁴⁴ или противодействовать — ещё шире распространённому — искушению недостоверности исследования.

С введением этих альтернативных или дополнительных контрольных подступов становится возможным преодоление наряду с функциональными также зачастую территориальных границ уголовного права, потому что, например, «частные» меры превенции со стороны предпринимателей и их союзов не ведут к таким же национальным границам, как уголовное право. Примером последнего может служить принятие на себя международно действующими предпринимателями обязательства заблокироваться от нелегальной

¹³⁹ Ср.: Sieber, SchweizStR 1996, — S. 357–395 (377 и след.).

¹⁴⁰ Ср.: Sieber/Bügel (сноска 16). — S. 292–327.

¹⁴¹ Ср.: общ. (сноска 40) // Dolcini/Paliero (Hrsg.). — S. 733, а также спец. к постконфликтным ситуациям — Report of the Secretary-General: The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies, UN Doc. S/2004/616, 3.8.2004, кроме того — Wolfrum // Dahm/Delbrück/Wolfrum, Völkerrecht, Bd. 1/3, 2. Aufl. 2002, § 190. — S. 1014 и след.

¹⁴² Ср.: к саморегулированию в Интернете — Sieber (сноска 44) // Waltermann/Machill (Hrsg.). — S. 319–399 (378 и след.); к порицаниям Немецкого Совета прессы — Urteil vom 11.7.2006, Az. 15 U 30/06, <http://www.miur.de/dok/333.html> [Stand: 2006-12-18].

¹⁴³ Ср.: Sieber, The Quarterly Review of Corporation Law and Society (Tokyo) 4/2006. — S. 73–146.

¹⁴⁴ Ср.: выше, сноска 49.

информации в Интернете.¹⁴⁵ Если усмотреть характерную черту глобализации в выше рассмотренной утрате государством власти и в наступлении «наднационального господства функционеров хозяйства»,¹⁴⁶ то близлежащая возможность решения состоит в усиленном переходе к подключению также негосударственных мер к социальному контролю, что в будущем может приобрести возрастающее значение. В международной области вышеописанные многоплоскостные системы с этими мероприятиями частных действующих лиц и смешанных форм частно-публичного партнерства (private public partnerships) становятся ещё сложнее и непроницаемее. Фрагментация права движется вследствие этого в сторону ещё большей фрагментарности системы социального контроля.¹⁴⁷

Альтернативные и особенно частные программы контроля при этом не только создают новые шансы, но также таят в себе отчасти *правовые и политические риски*. Эти риски лежат прежде всего в разгосударствлении контроля над преступностью, а также в связанной с этим утрате уголовно-процессуальных гарантий, государственно-правового контроля и демократической легитимности вмешательства в основные права. Это обнаруживается, например, тогда, когда вышеупомянутое принятие на себя провайдерами Интернета под страхом санкций обязательства блокировать незаконную информацию ведёт к многоплоскостной и неконтролируемой частной цензуре.¹⁴⁸ Ясно также, что если международные спортивные объединения устанавливают агрессивно-наступательные санкции против допинга, то они являются в уголовно-правовых масштабах инструментом «strict liability» (строгой ответственностью) и нарушением презумпции невиновности.¹⁴⁹ Тем не менее связанные с этим вопросы о пределах уголовного права до сих пор едва ли проявились. При их постановке критически рассматривается также нарастающее в правовой философии смешение обще-

¹⁴⁵ Ср.: Sieber (сноска 46) // Waltermann/Machill (Hrsg.). — S. 319–399 (379 и след.).

¹⁴⁶ Di Fabio, Der Verfassungsstaat in der Weltgesellschaft, 2001. — S. 69.

¹⁴⁷ Ср.: обоснование, выше, сноски 26 и 28.

¹⁴⁸ Sieber // Waltermann/Machill (Hrsg.), (сноска 44). — S. 319–399 (379 и след.). Тенденции к приватизации уголовного права обнаруживаются в отдельных правопорядках, например, при частных службах безопасности (которым подобают особые полномочия), при приватизации исполнения наказания (например, в США), при выполнении частыми структурами обязанностей для государственного наблюдения (например, при раскрытии отмыкания денег, при контроле телекоммуникаций и при контроле сырья для изготовления наркотиков), при замене уголовно-правовых санкций гражданско-правовыми (например, исками о возмещении убытков в тройном размере (treble damage-Klagen) или внутренними производственными). См. выше: разделы II.B.2.a.cc, а также II.B.2b.

¹⁴⁹ Ср.: Soek, The Strict Liability Principle and the Human Rights of Athletes in Doping Cases, The Hague 2006. См. также: Vierweg/Sielmann (Eds.), Legal Comparison and the Harmonisation of Doping Rules, Berlin 2007, кроме того — Koch // Rührich/Vierweg (Hrsg.), Doping-Forum, 2000. — S. 53–61 (61).

ства и государства.¹⁵⁰ Следующее из этого соотношение общества и государства ослабляет государственный потенциал в отношении медиации и нейтрализации общественных конфликтов, так что слабая сторона (иными словами обвиняемый) не более, чем прежде, защищена государством.

3. Соответствующие исследования: на пути к теории функциональных границ уголовного права

На основе проанализированного здесь развития строится второе ключевое положение новой исследовательской программы фрайбургского Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка в разработке теоретических и практических основ функциональных границ уголовного права. При поиске узловых компонентов названной соответствующей *теории функциональных границ уголовного права* речь прежде всего идёт о трёх центральных постановках вопроса: а) В какой мере осуществляются в различных правовых системах сдвиги функциональных границ уголовного права и в какой мере эти перемены оправданы новыми угрозами или какими иными причинами они обусловлены? б) В какой мере эти сдвиги функциональных границ уголовного права фактически повышают безопасность общества, в какой мере ставят они под угрозу свободу граждан и какие сохраняют принципы и дифференциации, в какой мере развивают уголовную политику будущего? с) Какие альтернативные или дополнительные (за пределами уголовного права) меры предоставляются в распоряжение для снижения рисков, какие побочные воздействия имеют эти меры на безопасность общества, а также на свободу его граждан и какие принципы или дифференциации в этой связи значимы для будущей уголовной политики?

а) Изменения и их причины

При поиске причин выше проанализированных изменений уголовного права принимаются во внимание не только набросанные здесь параметры новых рисков. Исследуются также другие возможные причины констатированного современного отпадения границ уголовного права, например, возрастающая потребность в защите в рискованном обществе,¹⁵¹ изменение страха перед преступлениями,¹⁵² утрата ценностей в глобальном обществе и связанный с этим призыв к «нулевой толерантности», реакция на редко возникающие риски с большим числом смертных случаев,¹⁵³ возможное нецелевое

¹⁵⁰ Ср.: игнорирование государства у *Jakobs*, Norm, Person, Gesellschaft — Vorüberlegungen zu einer Rechtsphilosophie, 1997. Критически об этом — *Kargl*, GA 1999. — S. 52—66 (66).

¹⁵¹ Ср.: к мнению граждан о сильном государстве в рискованном обществе — *Sieber*, CR 1985. — S. 100—113 (112 и след.).

¹⁵² Ср.: для Германии — Bundesministerium des Innern/Bundesministerium der Justiz (Hrsg.), (Сноска 54). — S. 485—533.

¹⁵³ Ср.: к реакции на так называемый страх перед рисками (dread risks) в области террористических посягательств посредством иррационально-подозрительного отношения в свете теории отношений — *Gigerenzer*, Risk Analysis 26 (2006). — S. 347—351.

применение уголовного права национальными правительствами и наднациональными институтами для завоевания (восстановления) доверия у избирателей, а также драматизация опасностей прессой, союзами защиты жертв или отдельными учреждениями, отвечающими за безопасность.¹⁵⁴ В этой связи значим также вопрос, в какой мере ведут новые специфические риски только к появлению специальных полномочий, а в какой мере также используются в качестве повода для общего усиления репрессии.

б) Эффективность и правовые гарантии

Вопросы о последствиях новых сдвигов уголовного права теперь наряду с практической стороной и интенсивностью введения новых правил затрагивают также границы, в которых классическая постановка целей уголовного права, а также человеческое достоинство, принцип вины, принцип правового государства, принцип разделения власти и принцип демократии (всё же оспариваемый на наднациональном уровне) могут противопоставляться обезграничиванию уголовного права.¹⁵⁵ Это относится, например, к применению новых информационно-технических средств расследования, к изменению оценок с учётом новых рисков, к смещению уголовного права к превенции, к взаимоотношениям между уголовным правом и полицейским правом, а также к включению частного сектора к контролю над преступностью. В связи с перемещением уголовно-правовой материи в административное право полиции, таможни, секретных служб и службы по делам иностранцев, а также (в отдельных государствах) армии представляют интерес, прежде всего, догматические основы нового распространяющегося права безопасности и в особенности анализ действующих здесь государственно-правовых гарантий.¹⁵⁶

Если эмпирический анализ нынешнего положения с угрозами в известной мере и оправдывает усиление превентивных полномочий государства, то в отдельных случаях возникает вопрос, должны ли необходимые превентивные меры быть урегулированы скорее в «новой колее» права безопасности, в полицейском праве, в праве служб информации, в иных сферах административно-правового регулирования или по-прежнему в уголовном праве. Такая постановка проблемы проясняется, например, при возникновении вопроса, должно ли и может ли осуществляться преследование человека, который едет в террористический образовательный лагерь, возвращается из такого лагеря

¹⁵⁴ Ср.: *Cornils/Greve*, Denmark on the Road to Organized Crime, in: *Fijnaut/Paoli* (Hrsg.), *Organised Crime in Europe, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond*, Dordrecht 2004. — S. 853–878; *Elbert*, ZStW 118 (2006), S. — 953-967; *Hassemer* (сноска 80), StV 2006, 325. *Elbert* тоже говорит наглядно об «обществах негарантированности и страхе перед чужими».

¹⁵⁵ Ср.: к вопросам принципа демократии в надгосударственной плоскости — обоснование, выше, сноска 28.

¹⁵⁶ Ср. также: BVerfG, NJW 2006, 1939–1951; *Hassemer* (сноска 80), StV 2006, 328 и след.

или по другому основанию подозревается в качестве «потенциального» террориста («Schlüfer») или «опасной персоны», но всё же ещё не подлежит уголовному наказанию.

Выше представленное американское право наглядно демонстрирует возможность этого и опасности нового «военного права», которое желает содержать вражеского бойца в заключении неопределённое время.¹⁵⁷ Французское право для подобных случаев продлило возможную продолжительность общего полицейского задержания в нескольких случаях — особенно в отношении организованной преступной деятельности и терроризма — соответственно на четыре и шесть дней и при этом — вероятно, с целью получения признания — ослабило гарантии правового государства в отношении соответствующего обоснования подозрения в преступлении, сроков представления задержанных суду и предоставления адвоката.¹⁵⁸ Английское право с его вновь созданными «приказами о контроле» (Control Orders) обнаруживает варианты и риски унифицированной полицейской и уголовно-правовой системы, предоставляющей полиции и судам широкие полномочия по поддержанию безопасности, и уже предусматривает стандартизированный процесс усиления прав человека, предусмотренных ст. 15 «Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях» Европейской конвенции о правах человека.¹⁵⁹ В противоположность этому немецкое право предусматривает только в узких рамках превентивные полицейские полномочия по сжато ограниченному во времени задержанию «опасных персон» (например, футбольных хулиганов).¹⁶⁰ Германское федеральное министерство юстиции в настоящее время всё же изучает уголовно-правовое решение этой проблематики посредством распространения § 129a УК, который также мог бы сделать возможными превентивные действия против определённых затаившихся террористов («Schlüfer») через новые составы приговорительных деяний (как получение образования по терроризму в соответствующем тренировочном лагере) в связи с уже существующими уголовно-процессуальными полномочиями

¹⁵⁷ Ср.: выше, раздел II.B.2.a.е, а также след.

¹⁵⁸ Ср.: в особенности Gesetz No. 2003-239 v. 18.3.2003 und Art. 706-88 Code de procedure pénal.

¹⁵⁹ Ср.: Control Orders — Prevention of Terrorism Act 2005 v. 11.3.2005. См.: общ. к антитеррористическим мерам в Объединённом королевстве также — The Terrorism Act 2000 v. 20.7.2000, The Anti-Terrorism, Crime and Security Act 2001 v. 14.12.2001, а также — The Terrorism Act 2006 v. 30.3.2006, кроме того — House of Commons/Home Affairs Committee, Terrorism Detention Powers, Fourth Report of Session 2005-06, Vol. 1, London, 20 June 2006. К новой правительственной программе премьер-министра Блеера (с целью продления прежнего 28-дневного срока до 90-дневного срока), сравн.: Süddeutsche Zeitung Nr. 264. — 16.11.2006. — S. 7.

¹⁶⁰ Ср., например, § 28 PolG-BW; Art. 17, 20 BayPAG (задержание до двух недель максимум). Сравн. также проект статьи 24 «е» Швейцарского Федерального закона о соблюдении внутренней безопасности (24-часовой срок).

на вмешательство (в особенности абз. 3 § 112 УПК). Потенциал для манипуляций широко распространённого превентивно мотивированного перемещения законодателем уголовной наказуемости на предварительные действия, а также уже действующее в качестве основания задержания применительно к специальным деликтам опасность повтора (§ 112а УПК) всё же явно создают проблемы и опасности соответствующих «системных изменений».¹⁶¹ Это происходит, прежде всего, тогда, когда соприкасаются меры, заложенные в весьма смещённых в предварительную преступную деятельность и отчасти неопределённых составах преступлений, таких, как § 129а УК, который уже сегодня делает возможным значительное процессуальное вмешательство с превентивной целью.¹⁶² Хотя в случае прохождения подготовки в террористическом тренировочном лагере важна профилактика, но с уголовно-правовой точки зрения возникает трудный вопрос о том, чьё правовое благо нарушается инкриминируемым деянием и основательно ли соответствующие смещение уголовно-правовой защиты в предварительную стадию.¹⁶³ Пример пребывания в тренировочном террористическом лагере указывает на то, что действующее немецкое уголовное право ввиду его классических задач репрессии и защиты правовых благ, а также его принципа вины под углом зрения систематизации не соответствует чисто превентивной постановке целей.

Поэтому всё-таки остаётся открытым вопрос, не лучше ли — теперь ещё более очевидно предписанное — соединение мер интенсивного вмешательства в права человека с уголовным правом (с его привязкой ответственности к наличию состава преступления; определением ведомственных правомочий по ведению дел и по контролю со стороны независимой прокуратуры; оставлением окончательных решений за судом и прочими гарантиями защиты свобод), нежели классическое полицейское право, привязанное к недостаточно точному понятию опасности, ограниченное только принципом соразмерности, хотя и употребляемое всякий раз с ведома суда. Из этого возникает вопрос об «экспорте» уголовно-правовых гарантий в полицейское право или другие области «права безопасности». Институт превентивного заключения с его строгой (уголовно-правовой) регламентацией показывает, что чисто превентивные меры против «опасных персон» также могут быть урегулированы в

¹⁶¹ К государственно-правовому и уголовно-политическому осмыслению § 112а StPO сравн.: Hassemer (сноска 80), StV 2006, 323 и след.; Roxin, Strafverfahrensrecht, 25. Aufl. 1998, § 30 Rn. 13 f. Общ. к «апокрифическим» причинам задержания см.: Spinellis // Hoyer u.a., Festschrift für F.C. Schröder, 2006. — S. 861—875 (867 и след.).

¹⁶² Ср.: к критике этих организационных деликтов — обоснование, сноска 79.

¹⁶³ К — оспариваемой — эффективности понятия правового блага ср.: Roxin, Strafrecht. Allgemeiner Teil — Grundlagen, 4. Aufl. 2006, § 2 Rn. 1—141 (insbes. Rn. 2 ff.); Dubber, ZStW 117 (2005). — S. 485—518 (в особенности, S. 501 и след.); Hassemer/Neumann (Сноска 4), // Kindhäuser/Neumann/Paeffgen (Hrsg.), Vor § 1 Rn. 108—195; Wohlers, GA 2002, 16—20 (16 f.). К также спорности законности § 129а см.: обоснование выше, сноска 79.

едином русле с уголовно-правовыми гарантиями.¹⁶⁴ Несмотря на то, что при превентивном задержании и других мерах безопасности, предусмотренных уголовным правом, происходит отказ от принципа вины, накопление взаимосвязанных квалифицированных составов преступления, уголовно-процессуальных гарантий, а также проверенных судом прогностических заключений о будущей опасности осуждённого в любом случае могло бы гарантировать лучшие стандарты защиты, нежели они достигаются (пусть даже со значительно меньшей интенсивностью вмешательства) при превентивных мерах полицейского права.

Вместе с тем роль превенции в рамках уголовного права, равно как роль уголовного права и его гарантий в рамках общего права безопасности, ещё во многих аспектах нуждается в прояснении.¹⁶⁵ Но то же самое относится к отграничению уголовного права от военного права, которое в Германии предполагает — что спорно в отношении нападения террористической (международной) сети — действительное и противоправное нападение внешнего вооружённого противника, равно как к толкованию права на самооборону, согласно ст. 51 Устава ООН.¹⁶⁶ Итак, вопрос о необходимости и виде превентивных мер в виду выше проанализированных рисков, а также обсуждённых здесь догматических взглядов и проблем отграничения доказывает вновь, что фактическое развитие комплексных форм преступности обращает классическое уголовное право к его основополагающему методу и причисляет «границы уголовного права» к центральным грядущим исследовательским вопросам. Выдвигаемая дискуссия о значительных изменениях уголовного права высвечивает помимо этого то, как важен эмпирически перепроверяемый анализ новых рисков, обусловленных ими потребностей в защите, а также принимаемых во внимание различных подходов к контролю.

¹⁶⁴ Ср.: BVerfGE. — S. 109, 133-190 (133 и след.). Об отнесении дополняющего наказание превентивного заключения к уголовному праву в смысле разделения компетенций Основным законом ср.: BVerfG, NJW 2004. — S. 750—761. О судопроизводстве Федерального Верховного Суда по вновь введённому § 66b StGB (последующее превентивное заключение) см. решения: — StV 1006. — S. 63 — 71, а также *Ullenbruch*, NJW 2006. — S.1377—1385.

¹⁶⁵ Ср. также: *Hassemer* (сноска 80), StV 2006. — S. 322 и след.

¹⁶⁶ О «внешней» защите и «внутреннему» вынужденному положению по немецкому праву ср.: Art. 87 а в особенности Abs. IV, Art. 115 а GG, а также: *Dürig // Maunz / Dürig*, Grundgesetz Kommentar, Loseblattsammlung, 47. Lfg. 2006, Art. 87 а, особенно Rn 100, а также *Herzog*, aaO, Art. 115 а, особенно Rn. 21, 26. О толковании Art. 51 der UN Charta и вопросов военного права в отношении террористов ср.: основополагающие статьи в сб.: *Walter/Vöneky/Rüben/Schorkopf* (Hrsg.), *Terrorism as a Challenge for National and International Law: Security versus Liberty?*, 2004, в особенности S. 789 и след. К феноменологической проблеме асимметричного вмешательства в структуры производственных сетей см. также: выше сноску 110, а также к ситуации в США и Израиле см. выше, раздел II.B.2.a. и след.

с) Альтернативы и оценки

Теория пределов уголовного права охватывает таким образом наряду с отграничением её от других концепций права безопасности прежде всего вопрос об альтернативных категориальных подходах к реакции на отклоняющееся поведение, будь они формальны или неформальны. Это поднимает дальнейшие основополагающие вопросы о соотношении управления общественными отношениями посредством уголовного права с другими стратегиями формального и неформального контроля, а также о «приватизации» права безопасности. Прежние исследования — прежде всего организованной преступной деятельности — показали, что проактивно действующие внеправовые превентивные мероприятия (например, устранение причин нелегальных криминальных рынков) могли бы быть не только весьма эффективнее, чем уголовно-правовые, полицейские или вовсе военные мероприятия, но также и зачастую менее наступающими на свободы индивидуума, в сравнении с правовыми полномочиями на принуждение.¹⁶⁷ Поэтому анализу этих мер нужно больше уделять внимания, чем прежде.

С. Выводы и основные положения (центральные пункты) исследования

Общий обзор представленных высказываний показывает, что проблемы территориальных и функциональных пределов уголовного права имеют общие или близкие причины. Эти проблемы касаются не только технического, хозяйственного и политического изменения общества, которое протекает в глобальных рамках. Это изменение охватывает не только преступность, риски или их восприятие. Оно изменяет также основополагающую *государственно-правовую и теоретико-правовую ориентирующую (референтную) систему* уголовного права. Оно изменяет основополагающие государственно-правовые и теоретико-правовые отправные для уголовного права системы. В обществе (всемирного риска) наряду с двухполярным внутринациональным отношением между гражданином и государством в иерархически организованном «замкнутом» правовом порядке с единственным сувереном и ясно определённым уголовным правом выступают вперёд многочисленные национальные, наднациональные и международные, публичные и частные действующие силы в комплексных многоплоскостных системах с различными формами социального контроля, различными правовыми подсистемами, весьма различно выстроенной защитой гражданских свобод и со сложными взаимоотношениями. Эта перемена общества, преступности и исходной системы уголовного права взывает к классическому уголовному праву, ориентированному своими категориями на государственную территорию и репрессию, но требует его фундаментальных изменений, прежде всего ввиду его *территориальных и функциональных границ*.

¹⁶⁷ Ср.: Sieber/Bügel (сноска 16). — S. 292–327.

Исследуемые вопросы территориальных и функциональных границ уголовного права должны затронуть *криминологические, теоретико-правовые, государственно-правовые и уголовно-правовые основы*, чтобы выстроить объясняющую модель функций и пределов уголовного права в обществе всемирного риска, а также подготовить ответы на вызовы современности. Соответствующие теоретические программы могли бы затем предусмотреть ориентированное на практику исследование уголовной политики, не только более эффективной, но и гарантирующей на основе универсально действующих прав человека лучшие защиту свобод и соблюдение принципов правового государства. Поспешно под политическим давлением наступившая в США и Англии законодательная реакция на атаки 2001 года в Нью-Йорке и 2005 года в Лондоне показала, что ответы на соответствующие вопросы должны даваться не только политиками в эмоциональных дискуссиях после подобных спектаклю преступлений, но прежде того учёными в области уголовного права.

Множество и сложность поставленных вопросов при этом делают всё же непозволительной поспешность ответов или упрощённых теорий. Гораздо важнее разработать методологические подходы для ответов на поставленные здесь вопросы и в особенности развить соответствующие исследовательские методики для предлагаемой программы.

III. МЕТОДЫ И КООРДИНАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из рассмотренных основополагающих вопросов и их влечения во всеобъемлющий теоретический подход к территориальным и функциональным границам уголовного права в мировом рискованном обществе вытекают прежде всего три задачи: прежде всего установить общие исследовательские методы для ответа на набросанные здесь отдельные вопросы. (См.: ниже, раздел «А»). Затем следует ответить на вопрос, как многочисленные отдельные исследования, осуществляемые во фрайбургском Институте зарубежного и международного уголовного права в форме общих проектов, отдельных проектов и диссертаций, в отношении предложенной комплексной постановки вопросов координируются (см.: раздел «В»). Осуществление исследовательской программы требует, наконец, также соответствующей образовательной подготовки и подключения начинающих учёных (см.: раздел «С»).

А. Общие методы исследования

Общие методы для ответа на поставленные здесь отдельные вопросы определяются, прежде всего, через различную эмпирическую, нормативную и политико-правовую постановку вопросов новой исследовательской программы.

1. Эмпирические исследовательские техники социальных наук

Для анализа соответствующих форм деликтов, эффективности уголовно-правовых мер, основ для определённых реакций политических деятелей и других *криминологических вопросов*, поставленных в исследовательской программе, необходимы в первую очередь эмпирические исследовательские техники

социальных наук.¹⁶⁸ Этими техниками являются центральные рабочие методы криминологической исследовательской группы института, с которыми нужно работать в тесном взаимодействии, соответственно установке основателя института Ханса-Хайнриха Ешека на связь «Уголовного права и криминологии под одной крышей».¹⁶⁹ При этом надо развивать также методы, давая сведения о реакции населения и политических деятелей на новые риски безопасности.¹⁷⁰ Отсюда центральное значение обретают также методы эволюции программ уголовной политики.¹⁷¹

2. Уголовно-правовая догматика и универсальная уголовно-правовая наука

Последующей предпосылкой анализа поставленных нормативных вопросов является правовая догматика. Она обретает значение, например, для предположенной исследовательской программы, когда нужно определить категории и составные системы вновь возникающего (уголовно-правового и внеуголовно-правового) права безопасности.¹⁷² В классическом уголовном праве (особенно немецком), при его усовершенствовании, *уголовно-правовая догматика* посредством систематического упорядочения, образования понятий, толкования, определения методов и установления показателей издавна содействует справедливости, защите прав, равенству прав и рациональной правовой мотивации.¹⁷³ То же самое должно иметь место в отношении надгосударственного и международного права, которое развивается в настоящее время под сильным влиянием общего англосаксонского права (*common law*). Возникающая здесь «европейская уголовно-правовая догматика» характеризуется всё же большим весом проблемного мышления по сравнению с немецкой уго-

¹⁶⁸ Ср.: *Albrecht*, *Rechtstatsachenforschung zum Strafverfahren*. — 2005; *Kaiser*, *Kriminologie*, 3. Aufl. — 1996. — С. 32—67.

¹⁶⁹ Ср.: *Jescheck*, *Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach*, 1980; *ders.*, *Strafrecht und Kriminologie unter einem Dach* // *Albrecht/Kürzinger* (Hrsg.), *Kriminologie in Europa — europäische Kriminologie?*, 1994. — С. 7—11. К началу совместной работы ср.: *Kaiser*, *ZStW* 83 (1971). — С. 881—910.

¹⁷⁰ См. выше: раздел I.B.3.a.

¹⁷¹ Ср.: *Biolley/Weyembergh* (Hrsg.), *Comment évaluer le droit pénal européen*. — Brüssel, 2006.

¹⁷² Ср.: *Hassemer*: 1) (сноска 80), *StV* 2006, 328 ff.; 2) (сноска 161) // *Hoyer u.a.* (Hrsg.), *Festschrift für F.C. Schroeder*, 2006. — С. 62, а также выше: раздел II.B.3.b.

¹⁷³ Ср. к понятию, методам и целям уголовно-правовой догматики: *Alexy*, *Theorie der juristischen Argumentation*, 2. Aufl., 1991, в частности С. 307 и послед.; *Hassemer*, *Strafrechtsdogmatik und Kriminalpolitik*, 1974. — С. 143—194; *Hoyer*, *Strafrechtsdogmatik nach Armin Kaufmann*, 1977, в особенности С. 2 и послед.; *Langer*, *GA* 1990, 435—466; *Jescheck/Weigend*, *Lehrbuch des Strafrechts*, 5. Aufl., 1996. — § 6 I. — С. 42; *Roxin*, *Strafrecht Allgemeiner Teil*, Bd. 1: Grundlagen, 4. Aufl., § 7 Rn. 1 с лед.; *Vogel*, *Juristische Methodik*, 1998. — С. 123 и след.

ловно-правовой догматикой.¹⁷⁴ Надгосударственное и международное право поднимают при этом новые методические вопросы, например, когда международное право формируется через общие правовые принципы или европейское право — посредством сопоставления правовых ценностей.¹⁷⁵

Построение системы, формирование понятий и определение основных показателей как методы уголовной догматики не могут, тем не менее, ограничиваться лишь действующим правом и его усовершенствованием. Эти методы и обратная связь с уголовно-правовой системой скорее делают возможным также обращение к всемирно распространённым и общепринятым положениям для международно сравнимой постановки проблем.¹⁷⁶ Развитие такой «*универсальной уголовно-правовой науки*», «международной грамматики уголовного права» или «общевропейской уголовно-правовой системы» подразумевает, тем не менее, что общие профессиональные проблемы и структуры, стоящие над национальными порядками метаобласти, сразу идентифицируются и делаются сопоставимыми и на этой основе развивается научная программа.¹⁷⁷ Поэтому возникающая таким образом международная или универсальная уголовно-правовая наука не остаётся в позитивном праве, а международным сообществом учёных криминалистов направляется к завоеванию общеприемлемых решений.¹⁷⁸ Такая универсальная уголовно-правовая наука служит как уголовно-правовой догматике действующего национального и международного уголовного права, так и соответствующей реформе уголовного права.¹⁷⁹

¹⁷⁴ Ср. основополагающ.: *Vogel*: 1) GA 2002. — S. 517–534 (522 и след.); 2) GA 1998. — 127–150.

¹⁷⁵ Ср.: *Sieber* (сноска 2) // *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 103–109.

¹⁷⁶ Ср.: О постановке цели получения общего знания параллельно исторической информации: сноска 193, *Dubber* // *Reimann/Zimmermann* (Hrsg.), *The Oxford Handbook of Comparative Law*, Oxford 2006. — S. 1287–1325 (1305 и последующ.); *Fletscher*, *The Grammar of Criminal Law*, Bd. 1, Oxford 2007, sowie *Hirsch*, *ZStW* 116 (2004). — S. 835–854 (S. 840 ff. und insbes. S. 849 в сноске. 32); *Vogel*, GA 1998. — S. 127–150. О проявлении уголовно-правовой догматики и уголовной политики в уголовно-правовой системе ср.: vgl. *Hassemer* (сноска 170). — S. 155–176.

¹⁷⁷ Ср.: подр. об этом: раздел III.B.3.a., а также развёрнуто: *Sieber* (сноска 2) // *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 114 и след, 137 и след., 140 и след.

¹⁷⁸ Ср. особ.: *Hirsch*, *ZStW* 116 (2004). — S. 835–854 (особ. S. 850 и след.).

¹⁷⁹ К лежащим в основе этой двойной функции взаимосвязям уголовно-правовой догматики и уголовной политики см.: *Hassemer* (сноска 170), в особенности S. 143 и след., 155, 176. При этом остаётся не выясненным, может ли правовая догматика развиваться *только* на основе *реально существующей* уголовно-правовой догматики или она может разрабатываться также как «генерализированное чисто уголовно-правовое учение, т. е. одномасштабно действующее для всех мыслимых уголовно-правовых порядков знание». В последнем смысле: *Langer*, GA 1990, 435–466. См. также к правовой теории как «общей правовой догматике», которая превышает установленный правопорядок и поэтому отличается от отдельных правовых догматик степенью абстракции её понятийных построений: *Dreier* (сноска 2). — S. 94 и след.

Основу такой универсальной науки уголовного права наряду с методами правовой догматики составляют уголовно-правовое сравнение и уголовно-правовое системное сравнение.

3. Уголовно-правовое сравнение и системное сравнение в многоплоскостных системах

а) Глобальный контекст предлагаемой исследовательской программы, её вклад в развитие международной уголовно-правовой науки и её международно-ориентированная политико-правовая целенаправленность имеют следствием то, что уголовно-правовое сравнение и сравнительные методы исследования¹⁸⁰ при осуществлении программы играют центральную роль.

При этом сравнение права необходимо, прежде всего, для фиксации положения и анализа современного развития: поскольку уголовное право и право санкций урегулированы различными — национальными и международными — правовыми порядками и системами, постольку только международный мониторинг состояния и сравнение могут дать общую картину современного всемирного развития, его взаимосвязей и базиса, а также своевременно показать эту картину вместе с её опасностями, как это первоначально пытается сделать настоящая статья. В будущем потребуются такая фиксация положения, прежде всего, в отношении эволюции надгосударственного и национального уголовно-правового развития в Европейском Союзе, в котором принцип взаимного доверия должен быть гарантирован не только разово кандидатами на присоединение, но надолго всеми государствами — членами союза.¹⁸¹ Однако и анализ действующего права требует уголовно-правового сравнения для восполнения пробелов европейского права через правовое сравнение показателей и международного права через выработку общих правовых принципов.¹⁸²

Для уголовно-политических целей новой исследовательской программы поставляет уголовно-правовое сравнение *новые идеи для решений* как внутри, так и вне уголовного права и поддерживает политику «хорошего управления» (good governance) и «градации» (benchmarking) различных уголовно-политических моделей. Охват также внеуголовно-правовых мероприятий и сравнение различных моделей даёт при этом в процессе международной гармонизации шансы для преодоления нынешней тенденции уголовного права к репрессии и усилению наказания. В этом имеется также методическая основа для правовой гармонизации, которая является необходимым условием для увеличившегося уголовного-политического пространства и функционирующей модели кооперации по преодолению территориальных границ уголовного права.

¹⁸⁰ Ср.: Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 78—151.

¹⁸¹ Ср.: Biolley/Weyembergh (Hrsg.), Comment évaluer le droit pénal européen, Brüssel, 2006 — S. 219—233 (225 и след.).

¹⁸² Ср.: Sieber (сноска 2) // Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 103—109.

Уголовно-правовое сравнение — в форме сравнения ценностей и базовых ценностей — может при этом представить подходы к решению основополагающей *проблемы ценностей научно обоснованной уголовной политики*. Эта проблема ценностей состоит в том, что уголовная политика зачастую зависит от основных ценностей, которые уже более научно не доказываются, а должны фиксироваться в качестве субъективных решений. Если при этом исходить из основных ценностей с высокой степенью абстракции, таких как свобода человека в открытом обществе¹⁸³ или права человека, то область рационально выводимых выводов не позволяет себя распространить на прежде обсуждённые догмы. Гарантированное методически уголовно-правовое сравнение может также сделать и в это собственный вклад, прежде всего потому, что оно показывает возможные альтернативы при принятии основных ценностей, взвешивании и выведении выводов и даёт повод для перманентной саморефлексии.¹⁸⁴ Эти основные ценности и методы правовой догматики вместе с накопленным сравнимым международным запасом решений и криминологической эволюцией различных решений затем образуют базу для весомых уголовно-политических предложений.

с) Тем не менее сравнение требует при этом сравнимых данных. Это проблематично не только при уголовно-правовом сравнении правовых систем, но и при сравнении между разного рода правопорядками и между отдельными правопорядками в *многоплоскостных системах* с фундаментально различными основными ценностями. Принципы национальных государств (как, например, принцип демократии) нельзя переносить поэтому в *многоплоскостные системы* без дальнейшего обоснования в национальном или частном порядке.¹⁸⁵ Сравнение систем разных видов (например, национальной государственной, международной и частной) и особенно изучение международного и надгосударственного уголовного права требует, прежде всего, структурного анализа соответствующих порядков, исследования его политических и международно-правовых основ, а также определения общепризнанных и действующих во всех системах порядка ценностей, которые содержатся прежде всего в правах человека.¹⁸⁶ Теоретико-правовые, государственно-правовые, государственно-организационные, относящиеся к европейскому праву и правам человека предварительные вопросы поэтому имеют возрастающее значение для анализа, а также сравнения между международными и надгосударственными уголовно-правовыми системами и внутри них.

¹⁸³ Ср.: сноска 2.

¹⁸⁴ Ср.: *Sieber* (сноска 2) // *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 122.

¹⁸⁵ Ср.: сноски 26 и 29.

¹⁸⁶ См.: сноски 27 и 30, а также к уголовно-правовому сравнению как методу и предмету исследования развёрнуто: *Sieber* (сноска 2), *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 111—125, и к определяющим ценностям особенно: S. 121—123.

Такая постановка проблем проясняет, что уголовно-правовое сравнение для предлагаемой исследовательской программы должно быть не только методом, но также центральным предметом исследования. Отсюда вытекает потребность в развитии теории уголовно-правового сравнения, которая ставит во взаимосвязь его предпосылки, методы и действенность.¹⁸⁷

В. Концепция и координация исследовательского проекта

1. Цели координации исследования

Новая исследовательская программа уголовно-правового отдела простирается не только в рамках комплекса постановки вопросов для собственных индивидуальных уголовно-правовых программ, но также имеет в виду ряд иных участвующих сотрудников, докторантов и приглашённых учёных. Основополагающее исследование в институте им. Макса Планка, протекающее вместе с этими проектами, тем не менее не может быть простым нанизыванием отдельных изолированных проектов на предмет исследования, но, фокусируя исследовательскую мощь в одной исследовательской программе, должно добиваться прибавочного продукта, который превышает сумму отдельных проектов.¹⁸⁸ Поэтому центральное значение для претворения программы исследования наряду с концентрацией исследовательских тем имеет прежде всего концепция и согласование отдельных исследовательских проектов, которые в форме совместных и отдельных проектов (в частности, также многочисленных диссертаций) осуществляются во Фрайбургском институте зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка.

2. Концентрация постановки вопросов в центральных областях

Необходимая координация большей части проектов осуществляется в рамках исследовательской программы посредством *формирования трёх больших сфер и нескольких полей исследования*, которым выработанная здесь постановка вопросов о территориальных и функциональных границах уголовного права придаёт особое значение. Поля исследования при этом в далеко простирающихся организационных областях института корреспондируют с соответствующими его секторами по странам и направлениям исследований, в которых специальные отраслевые знания нацелены на эти специальные объекты.

В связи с особым значением *уголовно-правового сравнения* для претворения представленной программы уголовно-правое сравнение при этом *как центральный метод* само образует первую большую исследовательскую сферу со специальным полем исследования.

Во второй исследовательской сфере образуются дальнейшие исследовательские поля ввиду надгосударственных и международных *правопорядков, а*

¹⁸⁷ Ср. первые подходы: Sieber (сноска 2), Sieber/Albrecht (Hrsg.). — S. 126 и след.

¹⁸⁸ Ср.: выше, ссылка 2.

также правовых систем, в которых особо значимы выше названные исследовательские вопросы о территориальных и функциональных границах, т. е. в *европейском уголовном праве* и *международном уголовном праве*. В связи с механизмом возникающих многоплоскостных систем добавляется область классической *правовой помощи* и *новых международных форм кооперации* в качестве поля дальнейшего исследования.

Концентрация рассматриваемой постановки вопросов и исследовательских проектов осуществляется не только в отношении значимых правовых систем, но, исходя из этого, также в отношении *определённых областей делинквенции*, в которых заявленная основополагающая проблема проявляется особенно отчётливо. Это касается представленной интересующей проблемы прежде всего в области исследования *злоупотребления Интернетом*, а также глобальных медицинских рисков и др.¹⁸⁹ Охвачены будут также другие формы *комплексной преступности*, как, например, хозяйственная преступность, организованная преступная деятельность и терроризм, в которых *границы уголовного права* обнаруживаются особенно явно.¹⁹⁰

Эти области и направления исследования, как и разрабатываемая в настоящее время новая постановка вопросов, должны в дальнейшем быть представлены в нескольких новых исследовательских проектах, которые в институте особенно с января 2005 года начали осуществляться.¹⁹¹

3. Направления исследований и исследовательские проекты

а) Уголовно-правовое сравнение

¹⁸⁹ Эти направления исследований отчасти соответствуют уже проводившимся во Фрайбургском институте им. М. Планка исследовательским работам. Новизна состоит в том, что исследования в этих направлениях концентрируются на специфической постановке вопросов и узловых пунктах: отдельные работы теперь влиты в исследовательскую программу, которая создаёт условия для требуемого синергетического эффекта, прежде всего, ввиду возможного построения теории. Поэтому соответствующие исследовательские проекты нередко теперь имеют значение для нескольких направлений исследований и узловых пунктов исследования, например, если на пути уголовно-правового сравнения на основе многочисленных национальных правовых порядков выводятся общие правовые принципы для международного уголовного права, имеющие значение для функциональных границ уголовного права. В подобных случаях эти проекты могут приносить выгоду в нескольких исследовательских направлениях и таким образом взаимодействовать с ними.

¹⁹⁰ О подробностях планирования проектов см.: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.), Forschungsbericht 2004–2005, 2006. — S. 40 и след.

¹⁹¹ Ресурсы уголовно-правовой исследовательской группы Фрайбургского института зарубежного и международного уголовного права ко времени смены руководства в конце 2003 года были связаны ещё в значительной мере с завершением множества прежде начатых проектов, которым нужно было отдавать предпочтение. О тем временем законченных и ещё длящихся старых проектах, см.: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (сноска 187). — S. 20, 22 и след.

Уголовно-правовое сравнение в силу его значения для глобальной постановки правовых вопросов есть не только *значимый исследовательский метод* осуществления исследовательской программы, но в значительно большей мере также само оно является *центральный предмет исследования*. Цели задачи и методы уголовно-правового исследования образуют поэтому и центральный пункт исследования, и важнейший инструмент направления исследования, в котором соответствующие отдельные достижения института должны дальше развиваться с помощью названной теории. Задачи, методы и теоретические подходы уголовно-правового сравнения в последние два года также стояли в начале новых исследовательских работ Фрайбургского института. При этом особое значение для практической реализации предлагаемой исследовательской программы представляют методы уголовно-правового сравнения, в особенности универсальное, функциональное, систематическое, базирующееся на конкретных случаях, сопоставляющее показатели, равно как обеспеченное компьютерной техникой уголовно-правовое сравнение.¹⁹²

Для дальнейшего развития уголовно-правового сравнения — прежде всего с целью основополагающего сравнительно-правового исследования — необходим массив данных о различных национальных и международных правовых порядках.¹⁹³ Этот массив данных необходим не только в свете методических вопросов уголовно-правового исследования. Он служит также многочисленным будущим проектам в качестве основной базы сведений о национальном и международном уголовном праве. Эти потребности должны удовлетворяться посредством развития банка данных и компьютерной экспертной системы.¹⁹⁴ Целью представляемого долгосрочного исследовательского проекта является концепция информационной системы на обеспеченной методически и теоретически основе, построения соответствующего прототипа общей части уголовного права, развития систематического обзора соответствующих правовых вопросов, равно как связанное с ними дальнейшее развитие методов уголовно-правового сравнения. Этот — основополагающий и долгосрочный — проект исследовательской программы понимается также как ответ на лозунг *Клауса Роксина* от 1999 г., который обозначил всеобъемлющее изложение уголовного права всех европейских и важнейших внеевропейских государств как «грядущую задачу мировой науки уголовного права».¹⁹⁵

¹⁹² Ср. близк. к этому: (ссылка 2): *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 131—151.

¹⁹³ В отношении правового сравнения и зарубежного права ср.: *Jung*. — JuS 1998. — 1—7 (2); *Rheinstein*, Einführung in die Rechtsvergleichung, 2. Aufl. — 1987. — S. 22—25, 27—28.

¹⁹⁴ О соответствующих возможностях и пределах правовой информации см.: *Sieber*. — JURA 1993. — S. 561—571.

¹⁹⁵ *Roxin*, Die Strafrechtswissenschaft vor den Aufgaben der Zukunft, in: *Eser/Hassemer/Burkhardt* (Hrsg.), Die deutsche Strafrechtswissenschaft vor der Jahrtausendwende. — 2000. — S. 369—395 (381 и след.).

Исследовательский проект при этом является, прежде всего, вкладом в выше названную универсальную уголовно-правовую науку и в достижение сформулированной свыше столетия назад Францем фон Листом дальней цели некоего общего уголовно-правового учения на сравнительно-правовой основе.¹⁹⁶ В центре осуществляемого в настоящее время исследования сверх того стоит анализ универсальной метаструктуры соответствующих проблем и регламентаций, которые необходимы в качестве основы универсальной уголовно-правовой науки с тем, чтобы вообще можно было бы сравнивать различные во всём мире правила урегулирования. Такой проект с его информационной структурой одновременно сулил бы пользу для критического обмена с зарубежными учёными, если бы система Фрайбургского института предоставляла бы в распоряжение «мост к миру» через Интернет.¹⁹⁷ Вместе с другими начатыми после смены руководства института проектами по уголовно-правовому сравнению и зарубежному уголовному праву¹⁹⁸ работа над этим проектом уже привела к новым знаниям о методах уголовно-правового сравнения.¹⁹⁹

б) Международная правовая система

Для постановки вопросов обсуждаемой исследовательской программы наряду с охваченным рамками правового сравнения зарубежным правом также значение имеют прежде всего наднациональные и международные правовые порядки, вопросы правовой помощи и другие формы кооперации во многих плоскостях.

аа) Многослойное *европейское уголовное право* (Европейского Союза, но также Совета Европы) представляет интерес для новой исследовательской программы прежде всего в аспекте территориальных границ уголовного права и особенно в аспекте его модели кооперации уголовно-правовых систем²⁰⁰

¹⁹⁶ Ср.: *von Liszt*, Zur Einführung, Rückblick und Zukunftsplane, in: Internationale Kriminalistische Vereinigung, Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichen-der Darstellung, Band I: Das Strafrecht der Staaten Europas. — 1894. — S. XX f., XXV. К этому также см. выше: сноска 170.

¹⁹⁷ Ср. близко к этому проекту: *Sieber* (ссылка 2), в: *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 131—151; Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка 187). — S. 42—51.

¹⁹⁸ Этими проектами затрагиваются, напр., факторы, субъекты и процессы правовой гармонизации, основные различия между исламским и западным правом, а также новый опыт преодоления макро- и микропреступности в Италии. Ср. к актуальной области уголовно-правового сравнения, а также зарубежного права: *Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht* (Hrsg.) (ссылка 187). — S. 40—67.

¹⁹⁹ Ср.: *Sieber* (ссылка 2), в: *Sieber/Albrecht* (Hrsg.). — S. 78—151.

²⁰⁰ К развитию уголовного права в Европе ср.: *Hecker*, Europäisches Strafrecht. — 2005; *Satzger*, Europäisierung des Strafrechts, Eine Untersuchung zum Einfluss des Europäischen Gemeinschaftsrechts auf das deutsche Strafrecht. — 2001; *Sicurella*, Diritto Penale e competenze dell'Unione Europea. — 2005; а также die Referate der Dresdener Strafrechtslehrrer-tagung. — ZStW 116 (2004). — S. 275—474. См. также: *Sieber*, ZStW 103 (1991). — S. 957—979 (963 и след.).

Целью исследования большого проекта европейского уголовного права является развитие моделей для будущего европейского уголовного преследования, а также соответствующих принципов принятия решений по политическому и хозяйственному объединению. Исследовательский проект сравнивает и оценивает различные федеральные и надгосударственные модели кооперации уголовно-правовых право порядков. Особое внимание уделяется процессу выравнивания уголовного права в надгосударственных моделях решений, равно как принципу обоюдного признания решений в моделях кооперации.²⁰¹ Поэтому через приобщение дальнейших (также централистских) уголовно-правовых порядков должны быть разработаны основополагающие принципы и общие правовые принципы европейского уголовного правосудия, которые, впрочем, должны наполняться надгосударственными и кооперационными моделями решений или быть в модифицированной форме перенесёнными на них. Несистематизированные нормы уголовного права в Проекте Конституции Европы, равно как дискуссия о европейском приказе о задержании и европейском порядке доказывания, показывают, что такая основополагающая концептуальная работа является предпосылкой для будущей европейской уголовной политики. Этой основополагающей работе по интеграции уголовно-правовых систем способствуют дальнейшие проекты и диссертации, посвящённые европейскому приказу о задержании и принципу обоюдного признания в праве доказывания.²⁰²

bb) Значение *международного уголовного права*²⁰³ для исследовательской программы заключается, прежде всего, в его функции моделирования сращения национальных уголовно-правовых порядков при универсальном урегулировании ответственности и преследовании определённых преступлений против человечества. После завершения одного длившегося в институте несколько лет исследовательского проекта, посвящённого сравнению национального международного права разных стран,²⁰⁴ отныне исследуются прежде всего процессы возникновения всемирно действующего правопорядка.

Большой проект направлен на развитие общих правовых принципов международного уголовного права на примере соучастия в преступлении, в особенности в значимой для международного уголовного права ситуации «наказуемости руководителей преступных групп и сообществ». Через сравнение

²⁰¹ Ср. к определению различных моделей выше: разд. II.A.2.b; 3.a.

²⁰² К различным исследовательским проектам института в области европейского уголовного права ср.: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка 187). — S. 70—81.

²⁰³ Обобщение о развитии международного уголовного права ср.: Cassese, *International Criminal Law*, Oxford u.a. — 2003; Werle (ссылка 23), особенно S. 1—28.

²⁰⁴ Ср.: заключительный том: Kreicker, *Nationale Strafverfolgung völkerrechtlicher Verbrechen*. — 2006, а также Eser/Kreicker bzw. Eser/Sieber/Kreicker herausgegebenen sechs gleichnamigen Bände mit den dazugehörigen Landesberichten.

урегулирования соучастия с особым принятием во внимание важной для международного уголовного права субъекта «совместного преступного предприятия» (joint criminal enterprise) поставляет этот проект также научное знание для центрального вопроса исследования о функциональных границах уголовного права с учётом внешних государственных отношений. Исследование осуществляется при этом в рамках уже действующей информационной системы Макса Планка уголовно-правового сравнения и образует на примере претенциозной постановки проблемы сравнительного правоведения с охватом одновременно свыше 40 правовых порядков также первую пробу проекта и связанное с этим развитие теории уголовного-правового сравнения.²⁰⁵

Ближние цели преследовались завершённым в 2004 году проектом о назначении наказания в международном уголовном праве.²⁰⁶ Кроме того, дальнейшие замыслы в области международного уголовного права обращены на примере рассмотрения вопроса о геноциде в Руанде к параллельности различных национальных правовых порядков и международных норм.²⁰⁷ Эти проекты по международному уголовному праву вместе с исследованиями европейского уголовного права и вслед за ними названными работами по информационному уголовному праву закладывают первые кирпичи в теоретическое проникновение в вопросы о территориальных границах уголовного права в обществе всемирного риска и развитие моделей международно-действующего уголовного права.

сс) *Международная кооперация* различных национальных правовых порядков с целью международно действующего уголовного права классическим образом осуществляется через международную служебную и правовую помощь. Выше охарактеризованные актуальные изменения глобализации ведут, тем не менее, к существенным изменениям этого института, а также к его дополнению посредством новой кооперации. Эти изменения затрагивают новые механизмы облегчения правовой помощи, таких как непосредственное признание решений и предоставляемых данных. Кроме того, возникают новые формы совместной работы в международных силовых группировках и институциях, которые отчасти ведут к комплексным многоплоскостным системам.

По этому поводу в январе 2006 года институт принял участие в немецко-американской конференции по правовым вопросам немецко-американской совместной работы в области противодействия терроризму. В дополнение

²⁰⁵ Ср.: *Sieber/Koch/Simon*, Strafbare Mitwirkung von Führungspersonen in Straftätergruppen und Netzwerken: Eine rechtsvergleichende Analyse // *Max-Planck-Gesellschaft* (Hrsg.), *Jahrbuch der Max-Planck-Gesellschaft* 2006 (auf CD-ROM).

²⁰⁶ Ср.: *Sieber* (Hrsg.), *The Punishment of Serious Crimes, A comparative analysis of sentencing law and practice*, 2 Bände. — 2004.

²⁰⁷ К актуальным направлениям исследования международного уголовного права ср.: *Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht* (Hrsg.) (ссылка 187). — S. 84–98.

к вышеназванному исследовательскому проекту об уголовно-правовых формах кооперации в будущем европейском уголовном праве дальнейший проект, начатый в 2007 году, будет затрагивать, прежде всего, создание и обусловленность материального уголовного права как составной части новых международных форм кооперации и исследовать предпосылки их признания.

с) Центральная область социальных отклонений

Разработка постановки вопросов предлагаемой исследовательской программы осуществляется не только общим абстрактным образом, но также в конкретном преломлении к проблемам в соответствующих сферах социальных отклонений, в которых вопросы о территориальных и функциональных границах могли бы быть особо отчётливо поставлены и увязаны с понятием «комплексной преступности».

аа) При этом киберпреступность²⁰⁸ и соответствующее право Интернета²⁰⁹ представляют особый интерес как с точки зрения территориальных, так и функциональных границ уголовного права: как было выше установлено, перенос данных в международных компьютерных сетях ведёт к размыванию классических категорий пространства и времени и вместе с тем к прототипу транснациональной преступности, который характеризуется большими рисками и особой комплексностью.

В самом начале исследований компьютерной преступности и информационного уголовного права стоит анализ соответствующих отклонений: их объекта — отражающего нематериальный характер информации — и их специфических рисков. На этой почве затем исследуются возможности и пределы национального и международного контроля транснациональной преступности в сложной технической среде. Это осуществляется целым рядом отдельных исследований. Потенциал *власти* и *контроля* на основе распоряжения персональными данными представляет интерес как с точки зрения новых рисков, так и в плане новых следственных мероприятий в Интернете. Проект, посвящённый анонимности в Интернете, рассматривает взвешивание между необходимым контролем Интернета и правом на информационное самоопределение в свободном от контроля пространстве. Дальнейшие разработки шансов на успех национальных мероприятий по защите и взлому Интернета, по экстерриториальному применению уголовного права, а также развитию альтернативных мер социального контроля поставляют важные результаты для территориальных и функциональных границ уголовного права.²¹⁰ Тут обнару-

²⁰⁸ Ср.: Sieber, Computerkriminalität und Strafrecht, 2. Aufl. — 1980.

²⁰⁹ Ср.: Sieber: 1) The International Emergence of Criminal Information Law. — 1992; 2) NJW 1989, 2569—2580; 3) The Emergence of Information Law // Lederman/Shapira (Hrsg.) (ссылка 79). — S. 1—29.

²¹⁰ Ср.: к различным исследовательским проектам института в области правовой регламентации Интернета: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка. 187). — S. 102—119.

живается точка соприкосновения с криминологической исследовательской группой института, прежде всего, с её направлением эмпирических исследований уголовного процесса.²¹¹

bb) Глобальные риски в области медицины, биотехнологий и других научных исследований, затрагивающих человеческую жизнь (*life sciences*), в рамках новой исследовательской программы представляют интерес не только в аспекте территориальных границ уголовного права, например, в плане международных вопросов о различных критериях ценностей, а также в плане уступок сторонним правовым порядкам (в том числе при исследовании внедрённых эмбрионов²¹²) и в плане международных контактов по поводу основополагающих параметров законодательных оценок. В этой области удаётся также получить знания о новых рисках и функциональных границах уголовного права, в особенности о практикующихся здесь альтернативных методах контроля рисков. Примером этому служат разделение задач между спортом и государством при борьбе с допингом, самозащита индустрии от подделки медикаментов, переориентация правового контроля с уголовно-процессуального «наблюдения» на предварительную компетентную и гарантирующую качество проверку, на служебное и судебное установление необходимых для получения одобрения требований, на деятельность частных и государственных комиссий по этике для оценки «пограничных показателей» медицинского вмешательства (включая всё усиливающуюся международную клиническую проверку медикаментов), а также на исключение кодексами этики и этическими кодексами научных работников злоупотреблений учёных при работе с продуктами ядерного распада и биотехнологиями.²¹³ Поэтому традиционное для института направление медицинского права²¹⁴ будет ориентироваться

²¹¹ Ср.: обобщение: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка. 187). — S. 170–189. Критический взгляд на потенциал криминологии см.: Lüderssen, StV 2004. — S. 97–101 (101); о подходе криминологии к компьютерным преступлениям ср.: Moitra, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice 2005. — S. 435–464.

²¹² Ср.: Dabs/Müssing und Eser/Koch//Deutsche Forschungsgemeinschaft (Hrsg.), Forschung mit humanen embryonalen Stammzellen.— 2003.— S. 1–35 und 37–78; Hetz, Schutzwürdigkeit menschlicher Klone? — 2005; Koch, Erzeugung und Verwendung, therapeutischer Klone' aus rechtlicher Sicht//Dabrock/Ried (Hrsg.), Therapeutisches Klonen als Herausforderung für die Statusbestimmung des menschlichen Embryos, 2005. — S. 183–207.

²¹³ О допинге ср.: ссылка 146, статьи в: Rohricht/Vieweg (Hrsg.), Doping-Forum, Aktuelle rechtliche und medizinische Aspekte. — 2000; Prokop, Die Grenzen der Dopingverbote. — 2000. О новейшем развитии права в отношении оказания помощи в наступлении смерти в различных странах см.: Schreiber // Rogall (Hrsg.), Festschrift für Rudolph. — 2004. — S. 543–552. Об апробации медикаментов ср.: Hügeler, Arzneimittelprüfung am Menschen, Ein strafrechtlicher Vergleich aus deutscher, österreichischer, schweizerischer und internationaler Sicht. — 2004.

²¹⁴ Ср.: Eser, Perspektiven des Medizin(straf)rechts // Frisch (Hrsg.), Gegenwartsfragen des Medizinstrafrechts. — 2006. — S. 9–31.

в длительной перспективе на новые риски в области наук, затрагивающих человеческую жизнь (life sciences) и возможности контроля над ними.²¹⁵

После окончания осуществлённого в институте проекта о статусе эмбриона²¹⁶ следует параллельно исследованию подделки медикаментов начать исследовательскую работу об альтернативных контрольных стратегиях в области медицины и других life sciences. Специальные возможности контроля исследовательских рисков посредством кодекса этики (of conduct) — с особым уделением внимания новым рискам в области life sciences — будут исследоваться в рамках не одного исследовательского проекта, а в деятельности, ориентированной на практику рабочей группы Общества им. М. Планка по разработке этического кодекса для собственных исследований общества. Эти альтернативные контрольные мероприятия по ходу правового сравнения могут исследоваться, систематизироваться и оцениваться. Добытые при этом результаты должны пополнить соответствующие, однако более технически сориентированные знания в области киберпреступности и через это — в качестве дополнения к исследованиям различных областей деликтов — содействовать систематизации и оценке альтернативных мер социального контроля.

с) Центральные вопросы затронутой исследовательской программы о границах уголовного права ставятся также в *дальнейших областях комплексной преступности*, прежде всего в областях хозяйственной преступности, организованной преступной деятельности и терроризма. Это относится как к выше проанализированному «устранению границ уголовного права», так и к особенно значимым в свете представляемой программы исследований альтернативным контрольным мерам.

В центре предложенного исследования пределов уголовного права будет поставлен исследовательский проект терроризма. При этом будут проанализированы, сравнены и оценены в различных правовых порядках прежде всего причины и следствия антитеррористического законодательства с точки зрения его вмешательства в свободы граждан. Эти исследования должны стать частью более широкого междисциплинарного планирования проектов совместно с криминологической исследовательской группой института, как и других институтов общества им. Макса Планка и их европейских партнёров.²¹⁷ Бла-

²¹⁵ Ср.: ссылка 47.

²¹⁶ Ср.: Eser/Koch/Seith (Hrsg.), Internationale Perspektiven zu Status und Schutz des extrakorporalen Embryos, Baden-Baden — 2007, а также подробнее о прежних проектах института в области медицинского права: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка. 187) — S. 122—126.

²¹⁷ См. подробно о различных исследовательских проектах института в области границ уголовного права: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка. 188) — S. 130—141. О предложенной общей исследовательской инициативе различных институтов общества им. М. Планка в области исследований терроризма ср.: Max-Planck-Gesellschaft, Terrorismus, Krieg, politische Gewalt, Forschungsperspektiven der Max-Planck-Gesellschaft 2005. — 2005. — S. 113—114.

годаря этому должны быть получены ответы на вопрос, в какой мере законодательство подвержено влиянию объективного роста рисков и субъективного ожидания общественности и/или политических деятелей. Этот проект совместно с отдельными диссертациями о терроризме, проектами о рисках Интернета и наук, затрагивающих жизнь человека (life sciences), как и продолжающимися проектами,²¹⁸ образует первые элементы выше названной теории функциональных границ уголовного права во всемирном рискованном обществе.

С. Международная исследовательская школа компаративного уголовного права им. Макса Планка

Успешное осуществление исследовательской программы также требует средне- и долгосрочной её увязки с соответствующей образовательной подготовкой подрастающего поколения учёных. Этой подготовке служит получившая начало в марте 2007 года *«Исследовательская школа компаративного уголовного права им. Макса Планка»*.²¹⁹ Эта исследовательская школа организуется уголовно-правовым отделом института в совместной работе с криминологическим отделом и факультетом правоведения Фрайбургского университета им. Альберта Людвига. Целью школы являются защиты диссертаций с темами, посвящёнными сравнению или — также в контексте других работ исследовательской школы — включающими в себя правовое сравнение или основанными на таковом в особенности в плане постановки вопросов новой исследовательской программы о границах уголовного права. В центре исследовательского интереса при этом стоят гармонизация и интернационализация уголовного права, а также его международные институализирование и пределы. Центральные пункты исследований приходится на комплексную преступность (и на такие её области, как преступления в Интернете, терроризм), на научное понимание преступности, на развитие преступности и дискурсы (отображения) преступности, как и на сравнительно-правовую постановку вопросов в областях уголовно-правовой истории

²¹⁸ Постановке вопроса о функциональных границах уголовного права уже специально посвящены начатый в 2005 году диссертационный проект о новом уголовно-процессуальном подходе к организованной преступной деятельности во Франции, а также начатый в 2006 году диссертационный проект о борьбе с терроризмом в Англии. Действующий диссертационный проект занимается обязанностями частных лиц взаимодействовать с государством при осуществлении уголовного преследования. Диссертация о подходе к Compliance-Programmen (соответствии программам) как альтернативе для предотвращения преступной предпринимательской деятельности распространяет соответствующий анализ альтернативных мер на области компьютерных преступлений и злоупотреблений в сфере life sciences. Ср.: Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht (Hrsg.) (ссылка 187). — S. 130–141.

²¹⁹ Ср. об учреждении международной исследовательской школы им. М. Планка и её среуальной ??? стипендиальной программы: <http://www.mpg.de/instituteProjekteEinrichtungen/schoolauswahl/criminalLaw/index.html> [Stand: 2006-12-18].

и девиантологии. Если благодаря этому общие основополагающие вопросы исследовательской программы свяжут различные проекты института и диссертационные работы, то это одновременно может привести к синергетическому эффекту и новому знанию не только в отношении отдельных разработок, но также для общей предложенной здесь исследовательской программы и постановке ею проблем, распространяющейся вширь. Исследовательской программе долгое время будет существенно способствовать специальная образовательная подготовка молодых учёных в представленной области.

IV. ВЫВОДЫ

1. Уголовно-правовое отделение фрайбургского Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка после смены директоров продолжает основанную *Хансом-Хайнрихом Ешеком* и *Гюнтером Кайзером* и также их приемниками, *Альбином Эсером* и *Хансом-Йоргом Альбрехтом*, ориентацию института на междисциплинарную связь «под одной крышей» криминологической и уголовно-правовой исследовательских групп, а также на уголовно-правовое сравнение как на основополагающий метод.²²⁰ Ново при этом, прежде всего, то, что исследование, а также созданная в институте в 2007 году новая международная школа компаративного уголовного права им. М. Планка развиваются впервые в рамках *долгосрочной и прозрачной исследовательской программы*. Эта программа принимает в расчёт требования, которые выдвигает сегодня к исследованиям научная конкуренция в Обществе им. М. Планка: она фокусирует работу с её центральными пунктами и исследовательскими направлениями на важные вопросы будущего, требует анализа основополагающих вопросов, теоретических подходов и методических вопросов, поддерживает подрастающее поколение учёных и, самое главное, ведёт к вытекающему из отдельных вопросов прибавочному продукту.

2. Новая исследовательская программа имеет три надстроенные одна на другую *исследовательские цели*: а) анализ *фактических* изменений в социальных отклонениях и рисков для безопасности в обществе, носящих печать глобализации, а также технических и хозяйственных перемен, (b) анализ и критическая оценка соответствующих *нормативных* изменений в действующем уголовном праве и в правоприменительной практике, а также (с) развитие ответов на современные и грядущие вопросы *уголовной политики* по поводу этих изменений.

Ввиду этих исследовательских целей в предлагаемой статье исследованы современные изменения общества, развития преступности и уголовного права с тем, чтобы заложить основание для уточнения вопросов, подлежащих ис-

²²⁰ Ср.: статьи в *Albrecht/Sieber* (Hrsg.) *Perspektiven der strafrechtlichen Forschung*, Amtswechsel am Freiburger Max-Planck-Institut für ausländisches und internationales Strafrecht 2004.

следованию. В качестве исходного пункта анализа были в виде ключевых слов обозначены понятия: «мировое общество», «информационное общество» и «рискованное общество», — и вслед за тем проанализированы социальные изменения. С этими изменениями возникают сегодня *новые вызовы по отношению к уголовному праву*, которые характеризуются возрастающей транснациональной преступностью, а также поднимающимся потенциалом рисков и весьма сложной структурой.

Возрастающая *транснациональная преступность* базируется прежде всего на глобальных технических и политических изменениях, которые создают новые условия для пересечения границ, например, в международных сетях данных или на глобальных нелегальных рынках. Эти новые условия транснациональной преступности дают повод для установления *территориальных пределов* уголовного права, т. к. национальное уголовное право уже с трудом справляется с транснациональной преступностью, если действие его решений на других территориях требует предварительных длительных ведомственных или связанных с оказанием правовой помощи процедур и если национальные уголовно-процессуальные порядки отклоняются друг от друга. Эти территориальные границы и возможности их преодоления посредством *международно действующего уголовного права* представляют поэтому первый узловой пункт будущих исследований, которые нацелены на теорию международной интеграции уголовного права.

С техническими, хозяйственными и политическими переменами выходят наружу *возрастающие риски, усложняющаяся* преступность, а также особые сложности раскрытия преступлений, как это наблюдается, например, в преступных структурах, покоящихся на международно организованном разделении труда и при внедрении новой техники в совершение преступлений. Возрастающие риски проявляются при этом, прежде всего, в области терроризма, организованной преступной деятельности, хозяйственной преступности, преступлений в Интернете, а также возможных злоупотреблений в области наук, затрагивающих человеческую жизнь. Этот процесс в контексте глобализации усилился из-за утраты контроля со стороны классического национального государства, процесс, который в настоящее время национальные государства всё же пытаются сгладить посредством создания новых сетей межгосударственной совместной работы, мер технического наблюдения, нового «права безопасности», ориентированного на идею превенции, а также посредством закрепления за частным сектором обязанностей по взаимодействию с государством, равно как альтернативных мер социального контроля. Эти изменения ведут классическое уголовное право в связи с его задачей гарантировать защиту общества в целом и свободы отдельного индивида к его *функциональным границам*. Развитие выше проанализированных теоретических и практических оснований для функциональных границ уголовного права, а также возникающих на этих основаниях вопросов *права*

превенции и безопасности и альтернативные меры социального контроля представляют второй узловой пункт исследования.

В обоих узловых пунктах выдвигаются при этом одинаковые, близкие или тесно взаимосвязанные основополагающие вопросы, например, о изменении уголовного права на почве продления двухполярных отношений между гражданином и классическим национальным государством в комплексные частично пересекающиеся и конкурирующие *многоплоскостные системы* с многочисленными национальными, наднациональными и частными субъектами, а также вопрос о вытекающей отсюда фрагментации права во всемирном рискованном обществе.

3. Уголовно-правовой отдел анализирует эти всемирные изменения преступности и контроля над преступностью в фактической, нормативной и уголовно-политической областях, прежде всего, с целью улучшения уголовной политики. Центральными исследовательскими методами для достижения намеченной цели наряду с используемыми криминологической исследовательской группой в качестве основных методами эмпирических социологических исследований являются сразу подключение основополагающих правовых вопросов (теории права, международного права, права Европы, прав человека) к установлению рамок уголовно-правовых рекомендаций, выдаваемых новым многоплоскостным системам. Затем особое значение имеют методы правовой догматики, взаимодействие с международной наукой уголовного права, а также уголовно-правовое сравнение. Уголовно-правовое сравнение является при этом в предлагаемой программе не только методом исследования, но и собственно центральным его предметом.

4. Фрайбургский институт им. М. Планка зарубежного и международного уголовного права перед лицом изменений общества XXI столетия следует дальше путём, который предначертал профессор доктор Ханс-Хайнрих Ешек как в своей вступительной лекции в 1954 году,²²¹ так и самым основанием им в январе 1977 года института. Ханс-Хайнрих Ешек к радости автора, а также сотрудников, сотрудников и гостей института продолжает участвовать в развитии института и регулярно в нём трудиться. Предложенная статья посвящена его 92-летию, отпразднованному 10 января 2007 года. *Ad multos annos!*²²²

²²¹ Cp.: *Jescheck*. Entwicklung, Aufgaben und Methoden der Strafrechtsvergleichung, 1955. — сноска 2.

²²² Многие лета! (*Лам.*)

В.А. Номоконов*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИННОСТИ, НАРКОТИЗМА И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Становление и первые шаги дальневосточной криминологической школы были связаны прежде всего с деятельностью выдающегося советского и российского ученого проф. П. С. Дагеля.¹

П. С. Дагель начал свою научную и учебную деятельность в Дальневосточном государственном университете в 1961 г., где за короткий срок прошел путь от ассистента до профессора, доктора юридических наук, заведующего кафедрой уголовного права. В 1962 г. он подготовил и успешно защитил в ЛГУ под руководством профессора М. Д. Шаргородского кандидатскую диссертацию «Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью».

С полным основанием его можно считать одним из организаторов юридического образования и науки на Дальнем Востоке России: под его руководством созданы кафедры уголовного права и школа дальневосточных криминологов.

Труды П. С. Дагеля отличала фундаментальность и концептуальность, новизна решений важных вопросов уголовного права и криминологии, глубоким и тонким анализ юридических институтов, внимание к вопросам политики. В них четко прослеживались идеи укрепления законности, гуманизма, демократии. Проф. П. С. Дагель исходил из необходимости развивать уголовно-правовую науку, опираясь на социологические исследования, проявлял живой интерес к проблемам криминологии и уголовной политики.

П. С. Дагель, наряду с другими отечественными криминологами, твердо стоял на позициях материалистического объяснения причин преступности в СССР, связывая последние с определенными объективными противоречиями развития общества. Он один из первых в стране разработал оригинальную концепцию причин неосторожных преступлений, основы теории и практики их предупреждения.²

* **Виталий Анатольевич Номоконов** — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации, председатель Приморского отделения Российской криминологической ассоциации, член-корреспондент РАЕН (Владивосток, Россия).

© В.А. Номоконов, 2009.

¹ Дагель Плевхан Сергеевич (1929—1983 гг.) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

² См.: *Дагель П.С.* Причины преступности в СССР и причины индивидуального преступного поведения // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве. — Владивосток, 1983; *Он же.* Причины неосторожных преступлений в СССР // Сов. государство и право. — 1973. — № 3.

Широкую известность в отечественной криминологии имеют такие его работы, как «Учение о личности преступника в советском уголовном праве» (1970), «Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы» (1982), вышедшая в последние дни жизни книга об уголовной политике (1982) и многие другие.

Большой вклад внес П. С. Дагель и в подготовку научных кадров. Многие его ученики стали кандидатами (доценты А. Г. Корчагин, Н. Н. Гагаров, Е. М. Щербина) и докторами наук (профессора А. И. Коробеев, В. А. Номоконов, Р. И. Михеев, Л. И. Романова, В. В. Яровенко).

Сегодня с полным основанием можно утверждать, что дальневосточная криминологическая школа не только состоялась, но и получила признание в кругах широкой научной общественности. Многие работы представителей школы стали своего рода классикой жанра. Официальным признанием высокого научного уровня и результативности исследований дальневосточников стало присвоение в разное время почетных званий «Заслуженный деятель науки» профессорам П. С. Дагелю, Р. И. Михееву и А. И. Коробееву, звания «Заслуженный юрист» проф. Ю. А. Афиногенову, звания «Заслуженный деятель высшей школы» Л. И. Романовой.

Существенный вклад в развитие криминологии внес проф. Р. И. Михеев³. Круг научных интересов Р. И. Михеева был крайне широк, разнообразен и часто не ограничивался рамками уголовного права и криминологии.

Р. И. Михеев являлся ведущим преподавателем и ученым Юридического института ДВГУ. Его имя и труды широко известны ученым и практикам, студентам, аспирантам и преподавателям далеко за пределами Владивостока и Приморского края.⁴

Он автор более 400 научных и учебно-методических работ по смежным проблемам права и философии, истории и социологии, экономики и политики, естествознания и техники, психологии и психофизиологии, биологии и генетики, медицины, геронтологии и гериатрии, педагогики и образования, культуры и религии, экологии и безопасности жизнедеятельности и др.

Широкую известность и признание в стране получили труды проф. А. И. Коробеева⁵. С 1977 г. работает на кафедре уголовного права Дальневосточного государственного университета, с 1994 г. в должности заведующего. В 2001 г. избран заместителем академического директора Межрегионального института общественных наук Дальневосточного государственного университета. Был участником XI Конгресса ООН по

³ Михеев Рудольф (Родион) Иванович (1937–2001) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

⁴ См., напр.: *Михеев Р.И.* Невменяемый. Социально-правовой очерк. — Владивосток, 1992.

⁵ Коробеев Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

предупреждению преступности и уголовному правосудию (15—25 апреля 2005 г., Бангкок, Таиланд).

Основными направлениями его научных исследований являются: разработка теоретических основ российской уголовной политики, проблемы борьбы с неосторожной преступностью, транспортными преступлениями, техногенными авариями и катастрофами, сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран АТР⁶.

Крупным специалистом по проблемам правовой и криминологической борьбы с наркотизмом является проф. Л. И. Романова.⁷ Она защитила кандидатскую диссертацию в 1975 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова на тему «Преступность несовершеннолетних в условиях портового города (на материалах г. Владивостока)».

В 2001 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе (криминологические и уголовно-правовые аспекты)».

Область ее научных исследований: криминальный наркотизм, причины деструктивных форм зависимости, личность преступника, региональные особенности преступных проявлений, юридическая антропология.

Проводимые Л. И. Романовой криминологические исследования на протяжении более двадцати лет по разным направлениям позволили не только проанализировать основные характеристики наркомании и наркотизма, но и проследить эволюцию данных явлений, обнаружить появление новых тенденций, закономерностей и отличительных особенностей на территории самого большого в России, но недостаточно изученного Дальневосточного федерального округа.⁸

С 2003 г. Л. И. Романова возглавила работу Научно-методического центра ДВГУ по профилактике наркомании, который занимается подготовкой и переподготовкой специалистов для Приморского края.

Яркий след в отечественной науке оставил проф. С. Я. Улицкий.⁹ Его пригласили работать в Дальневосточный государственный университет в конце 1966 г. Здесь он прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры уголовного права.

⁶ См.: *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. — Владивосток, 1987.

⁷ Романова Лариса Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель высшей школы РФ.

⁸ Основные работы: «Наркотики и преступность» (Владивосток, 1998), «Наркотики: преступления, ответственность» (Владивосток, 2000), «Квалификация преступлений, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества» (Владивосток, 2001), «Наркопреступность в Дальневосточном регионе» (Владивосток, 2002), «Наркомания и наркотизм» (СПб., 2003).

⁹ Улицкий Семен Яковлевич (1928—2006) — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права.

Круг научных интересов С. Я. Улицкого был весьма широк. Он писал работы по уголовно-правовой тематике, по проблемам криминологии, уголовного процесса, конституционного, административного и других отраслей права, а также по вопросам политики и общей теории государства и права.

В последние годы особое внимание читателей привлекли его мемуары «Уроки жизни» (1999 г.), «Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений» (2002 г.), «Размышления о действии уголовного закона» (2003 г.) и «Политические и правовые проблемы смертной казни» (2004 г.).

Весомый вклад в развитие дальневосточной научной школы внес доцент В. И. Шульга.¹⁰ Область его научных интересов: региональная преступность; преступность Дальнего Востока; организованная преступность и коррупция; транснациональная преступность.¹¹

В работах В. И. Шульги, в частности, обосновано положение о том, что региональная преступность должна представлять собой самостоятельную сферу криминологических исследований, а региональные криминологические исследования — самостоятельную область криминологии; что регионально-территориальное образование как совокупность природно-ресурсных, экономических, социальных, демографических и иных компонентов предопределяют состояние и развитие региональной преступности; одновременно состояние региона в целом и региональной преступности, в частности, определяются состоянием общего конгломерата и ее преступности, в которую входит тот или иной регион и ее преступность. Так, к примеру, в России административно-территориальные образования с разными социально-экономическими и социально-демографическими стартовыми возможностями предопределили разный уровень состояния и развития региональной преступности в них.

Неблагоприятные условия развития дальневосточного региона предопределили региональные особенности преступности, которые выразились в ее негативных количественно-качественных показателях по сравнению с показателями преступности в административно-территориальных образованиях Центральной России. Более того, по законам развития как системного образования преступность Дальнего Востока негативным образом влияет на социально-экономическое и демографическое развитие дальневосточного региона в целом и его частей.

В. И. Шульга основательно изучил и проблему организованной преступности. По его мнению, последняя представляет собой не столько совокупность

¹⁰ Шульга Владимир Иванович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права и процесса ВГУЭС.

¹¹ Основные публикации: Организованная преступность и борьба с ней: Учебное пособие. — Владивосток, 1995; Основные тенденции преступности и ее предупреждение в Дальневосточном регионе: Пособие. — М., 1996; Социо-криминологическая и правовая оценка деятельности организованных группировок криминальной направленности: Монография. — Владивосток, 2004.

организованных преступлений и/или преступлений, совершаемых организованными образованиями, сколько системное образование, состоящее из образующих ее как единое целое организационно построенных преступных формирований, их организованной преступной деятельности и организованного преступного управления формированиями и деятельностью. Коррупция в организованной преступности становится ее системообразующим свойством.

Опасной самостоятельной формой транснациональной преступности является организованная транснациональная преступность, которую можно рассматривать как массовое отклонение от социальных норм в результате человеческой деятельности определенных асоциальных организованных групп, направленное на систематическое нелегальное извлечение сверхприбылей в результате противоправной деятельности либо противоправными методами, либо в противоправной форме по удовлетворению в международных масштабах потребностей в разрешенных и/или запрещенных товарах и услугах, и/или с помощью конфиденциальной информации о них с обязательным пересечением государственных границ не менее чем двух государств.

Значительный вклад в разработку криминологического учения о причинности внес проф. В. А. Номоконов.¹² В 1991 г. в Московском юридическом институте (ныне — МГЮА) он защитил докторскую диссертацию «Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность».

Область его научных исследований: проблемы причинности и ответственности; проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией.¹³

Концепция причинности в криминологии в работах В.А. Номоконова основывается на фундаментальной идее о деформации общественных отношений как глубинном источнике антиобщественного и преступного поведения. Данная идея в свое время, похоже, «носила в воздухе»: о глубоких деформациях в общественной жизни неоднократно говорил руководитель СССР М. С. Горбачев. Чуть позже эта же идея легла в основу глубокого исследования академика В. Н. Кудрявцева.¹⁴

¹² Номоконов Виталий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор. Вице-президент Российской криминологической ассоциации, председатель Приморского отделения Российской криминологической ассоциации. Член-корреспондент РАЕН.

¹³ Основные работы: «Преступное поведение: детерминизм и ответственность» (Владивосток, 1989), «Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты» (Владивосток, 1998), «Организованная преступность — 4» (М., 1998), «Организованная преступность: тенденции и перспективы борьбы» (Владивосток, 1999), «Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность» (Владивосток, 2001), «Россия в фокусе криминальной глобализации» (Владивосток, 2003); Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней (Владивосток, 2004). Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью (СПб.: 2005); Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. (Владивосток, 2005).

¹⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Социальные деформации. — М, 1992.

Общим объективным источником антиобщественного и преступного поведения являются, по нашему мнению, деформации общественных отношений, а общим его субъективным источником — отчуждение личности, ее ценностно-нормативной системы от ценностей государства.

В работах В. А. Номоконова обоснован вывод о том, что источником преступности могут служить не любые социальные противоречия, а лишь их разновидность — социальные деформации, т. е. такие противоречия, которые становятся тормозом общественного развития, социального прогресса. Но это не только «противоречия-тормоз», но и соответствующие искажения, деформации общественных отношений.

Другими словами, с точки зрения данного подхода, причины преступности отдельных преступлений заключаются в глобальной или частичной ущербности социума, а отдельных преступлений — в социальной, психической, моральной или духовной ущербности индивида и (или) его микросреды.

Противоположным по своему социальному вектору явлением выступает «социальная гармония», обладающая антикриминогенным потенциалом.

На основе выявления критериев гармоничности общества сформулировано предложение дифференцировать криминогенные социальные деформации по следующим трем основным группам: «Ограничения свободы», «Социальная несправедливость» и «Дегуманизация /Отчуждение/».

Показаны содержание и структура причинного комплекса преступности. Автор исходит из нетрадиционного понимания последнего как комплекса глубоких деформаций общественных отношений, тормозящих экономический, социальный и духовный прогресс общества, ограничивающих свободу субъектов общественной жизни, вызывающих социальную несправедливость и отчуждение граждан от ценностно-нормативной системы государства, их деморализацию и провоцирующих нарушения уголовного закона.

Нами сформулировано определение причинного комплекса индивидуального преступного поведения как комплекса деформаций микросреды и личности, который выражает индивидуальное отчуждение, конфликт личных интересов с государством и создает сравнительно высокую вероятность совершения данным лицом преступления.

В результате проведенных исследований сконструирована теоретическая модель механизма социальной детерминации преступного поведения, показаны его основные элементы и их взаимосвязь; для введения в научный оборот предложены новые понятия причинных комплексов преступности и причин индивидуального преступного поведения.

С 1997 г. по настоящее время проф. В. А. Номоконов возглавляет Центр по изучению организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ, созданный и действующий на грант Министерства юстиции США и

Американского (г. Вашингтон) университета. В настоящее время названный Центр входит в структуру Юридического института и продолжает работу по названному пролонгируемому гранту.

Центром выполнены различные научные исследования в области проблем организованной и экономической преступности, коррупции, торговли людьми, наркобизнеса, киберпреступности, в которых участвовали д.ю.н., проф. Л. И. Романова, д.ю.н., проф. Н. И. Щедрин, к.ю.н., проф. А. Г. Корчагин, к.ю.н., доцент А. М. Иванов, к.ю.н., доцент Г. Ф. Маслов, к.ф.н., проф. Л. Д. Ерохина, к.ю.н. доц. В. И. Шульга, к.ю.н. М. Ю. Буряк, к.ю.н. Т. В. Тропина и др.

Ежегодно сотрудниками Центра публикуются учебные пособия, монографии и другие работы, отражающие результаты исследований (всего более 200). Вот только один факт: юридический институт ДВГУ за последние пять лет опубликовал 36 книг. Из них половина — это книги Центра.¹⁵

Результаты исследований сотрудников Центра размещаются на собственном сайте (www.crime.vl.ru), на который в настоящее время ежедневно заходит в среднем 2200 пользователей. Чрезвычайную популярность приобрел форум названного сайта: на нем активно обсуждаются темы организованной преступности и коррупции.

В последние годы названным Центром продолжена разработка нового научного направления — исследование транснациональной организованной преступности (ТОП). Изучены взаимосвязь глобализации и преступности, теневой экономики и глобализации, факторы криминальной глобализации,

¹⁵ Так, за истекшие 9 лет можно выделить следующие основные публикации: Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. — Владивосток, 1998; *Корчагин А.Г.* Экономическая преступность. — Владивосток, 1998; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. — Владивосток, 1999; *Иванов А.М., Корчагин А.Г.* Преступление и наказание в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. — Владивосток, 1999; *Иванов А.М.* Организованная преступность и борьба с ней в Японии. — Владивосток, 2000; *Романова Л.И.* Наркотики, преступления, ответственность. — Владивосток, 2000. *Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю.* Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. — Владивосток, 2001; *Иванов А.М., Корчагин А.Г.* Сравнительное уголовное право. — Владивосток, 2001; Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. — Владивосток, 2001; *Сухаренко А.Н.* «Российская» организованная преступность в США. — М., 2002; Россия в фокусе криминальной глобализации. — Владивосток, 2002; *Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю.* Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. — М., 2003; Дальний Восток: хроника организованной преступности (обзор прессы 1997–2003 гг.). — Владивосток, 2004; *Шульга В.И., Сальникова С.В.* Социально-криминологическая и правовая оценка деятельности организованных групп криминальной направленности. Монография. — Владивосток, 2004; Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней. — Владивосток, 2004; Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. — Владивосток, 2005; Власть и коррупция. — Владивосток, 2006; Дальний Восток: хроника организованной преступности — 2. — Владивосток, 2006; *Буряк М.Ю.* Торговля людьми и борьба с ней. — Владивосток, 2006.

а также влияние глобализации информационных процессов на преступность. Рассмотрено соотношение российской и транснациональной организованной преступности, конкретно исследована роль преступных группировок Дальнего Востока России в криминальном вывозе природных ресурсов за рубеж, наркотрафике и т. п. Проанализированы взаимосвязь глобализации, миграции и торговли людьми и особенности этих процессов на Дальнем Востоке РФ.

С 2004 г. Центром реализуется программа по проведению совместно с Американским университетом ежегодных летних школ уголовного права и криминологии для молодых преподавателей и аспирантов, в которых участвуют ведущие отечественные и зарубежные ученые и практики.

Следует отметить, что представители дальневосточной криминологической школы стараются активно взаимодействовать с другими криминологическими школами как в России, так и за рубежом. В особенности это касается Российской криминологической ассоциации (РКА), в создании (1991 г.) и деятельности которой принял активное участие ее вице-президент проф. В. А. Номоконов (наряду с лидером Петербургского криминологического клуба заслуженным деятелем науки РФ доктором юридических наук проф. Д. А. Шестаковым). Членами РКА проведено значительное количество научных семинаров и конференций, издано большое число научных сборников на актуальные темы современной криминологии.

В последние годы активно развиваются научные связи с китайскими коллегами, в том числе криминологической школой проф. Хе Бинсуна (КНР). Российские ученые приняли деятельное участие в международных научных конференциях в Шаньдунском университете (г. Цзинань, КНР) в 2004–2006 гг.

Существующие в современной отечественной криминологии различные концепции могут быть определенным образом сгруппированы по тем или иным направлениям—школам. Так, применительно к России проф. Д. А. Шестаков выделяет три основные школы, с чем в принципе можно согласиться. Первые две им именуются условно как «диалектическая» и «психологическая».

Диалектическая школа представлена такими криминологами, как академик В. Н. Кудрявцев, профессора А. И. Долгова, П. С. Дагель, В. А. Номоконов и др. В рамках названной школы последовательно развивается идея социальных противоречий как источника преступности, достаточно глубоко исследуется механизм социальной детерминации преступного поведения. Творческий ресурс этой школы далеко не исчерпан. Так, например, нуждается в дальнейшем развитии конструктивная идея причинного комплекса преступности (и индивидуального преступного поведения).

Психологическая школа (профессора Ю. М. Антонян, Е. Г. Самовичев и др.) углублённое внимание обращает на психологические источники преступного поведения (неудовлетворённость, депрессивные настроения, повышенный

уровень тревожности, агрессивности и т. п.¹⁶). Отдавая должное глубине психологического проникновения в социальную жизнь в целях объяснения причин преступности, следует обратить внимание на эклектичность данной концепции, когда в один ряд, например, ставятся первичные и производные детерминанты, например, расхождение общества и тревожность населения. Уязвимым в названной концепции является также объявление преступлений такими же «естественными» состояниями человека, как рождение и смерть, утверждение, что «человек не может жить без преступления», и т. п.¹⁷

Школа доктрины преступных подсистем (профессора Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, С. У. Дикаев, П. А. Кабанов, С. Ф. Милоков и др.) может быть названа «социологической», поскольку едва ли не все её представители относят криминологию к социологии преступности, т. е. в конечном счёте именно к социологической, а не юридической науке. Правда, Д. А. Шестаков делает оговорку: «хотелось бы, чтобы криминология не только оставалась социологией преступности, но также стала бы философией государственного реагирования на неё».¹⁸

В теоретической основе школы преступных подсистем, которую называют также невско-волжской криминологической школой, лежит концепция «преступность — свойство социальных подсистем», на основе которой возникли такие известные в России отрасли криминологии, как «семейная криминология», «политическая криминология», «экономическая криминология», «криминология закона» и т. д. Школу отличает ряд теоретических положений и в отношении реакции государства на преступность.

Большинство отечественных криминологов, хотя и считает криминологию самостоятельной наукой, тем не менее, всячески подчёркивает её синтетический характер, неразрывную связь, даже симбиоз в ней социологической и уголовно-правовой науки. Об этом же, собственно, идёт речь и в разрабатываемой школой преступных подсистем криминологии закона. В принципе, почти все согласны с тем, что рассматривать криминологию всего лишь как социологию преступности, значит серьезно обеднять её содержание и, главное, отрывать её от нормативных понятий, закреплённых в уголовном законе.

Границы криминологии в значительной мере определяются границами уголовного закона, точнее, пределами криминализации (и пенализации), а также квалификации общественно опасных деяний. Правда, справедливым следует считать и обратное утверждение: криминологические исследования

¹⁶ См., например: *Антонян Ю.М.* Концепция причин преступности и причины преступности в России // *Российский следователь*. — 2004. — № 8.

¹⁷ *Там же*. — С. 27.

¹⁸ *Шестаков Д. А.* Криминология на рубеже двух тысячелетий // *Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России*. — 1999. — № 2. — С. 73–77; *Перспективы криминологии* // *Криминология: Учебник для юридических вузов* / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. — СПб., 1999. — С. 35.

должны, помимо прочего, также лежать в основе определения границ криминализации деяний постольку, поскольку уголовное право и криминология имеют в целом общий объект исследования: закономерности преступности и борьбы с ней. Но все же уголовное право (за исключением уголовной политики) не выходит на уровень преступности. В границах криминологии находится и исследование явлений, закономерно (причинно) связанных с преступностью, ее отдельными видами и конкретными преступлениями.

Однако едва ли можно согласиться с претензиями ряда криминологов на корректировку «неправильного» уголовного закона. Так, подчас утверждает, что поскольку законы государства «далеко не всегда справедливы», постольку «под преступлением можно понимать... деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно (выделено мной. — В. Н.) к признанию его в качестве такового законом».¹⁹ Едва ли можно согласиться с таким противопоставлением одноименных понятий в криминологии и уголовном праве.

Если криминологические исследования свидетельствуют о пробеле в криминализации общественных опасных деяний определенного вида, то это может служить основанием лишь для соответствующих законодательных инициатив. В противном случае мы, боюсь, безнадежно запутаемся в разграничении одноименных понятий в уголовном праве и криминологии.

Представляется, что альтернативное определение преступности, предлагаемое невско-волжской школой, — «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов»²⁰ — на самом деле несколько подменяет предмет изучения. Свойство общества порождать преступность есть *криминогенность* этого общества, т. е. преступность самого социума (преступное общество). На мой взгляд, следует все же разграничивать преступность как социальное явление, складывающееся из всей массы совершенных реально преступлений, и криминогенность как одно из свойств социума, продуцирующее будущую преступность. Последнее свойство общества, конечно, нуждается в специальном исследовании, но оно не может быть отождествлено с преступностью как реальным социальным явле-

¹⁹ Шестаков Д.А. Криминология. Краткий курс. — СПб., 2001. — С. 80.

²⁰ Шестаков Д. А.: На криминологическом семинаре // Правоведение. — 1981. — № 2. — С. 106; Понятие преступности в российской и германской критической криминологии // Правоведение. — 1997 — № 3. — С. 108; Криминология. Преступность как свойство общества. Учебник для вузов. — СПб., 2001. — С. 72; Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. — 2005. — № 1. — С. 45—53; Криминология. Учебник для вузов. 2-е изд. — СПб., 2006. — С. 134—141.

нием, как причины нельзя отождествлять со следствием. Точно так же на индивидуальном уровне мы ведь различаем криминогенность личности как ее склонность к преступлению и уже совершенное преступление.

Представляется, что современные российские криминологические школы лишь с определенной долей условности можно также дифференцировать по географическим признакам или персоналиям. Более обоснованным было бы говорить о единой отечественной криминологической школе, несмотря на всю существующую пеструю палитру часто даже взаимоисключающих криминологических положений или концепций. Все это — лишь свидетельство продолжающегося становления российской научной школы в целом, а также естественного плюрализма позиций в научной среде.

В. И. Поклад*

УКРАИНСКАЯ ШКОЛА КРИМИНОЛОГИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Первые криминологические учреждения в Украине («кабинеты по изучению личности преступника и преступности» в Одессе, Киеве и Харькове), образованные в 20-е годы XX века, были, как известно, уничтожены на волне репрессий тоталитарного режима. Криминология и криминологическая тематика были фактически запрещены. Лишь через 50 лет по инициативе академика П.П. Михайленко была образована небольшая киевская научно-исследовательская лаборатория, основным профилем которой стал криминологический. Но скоро он сам был подвергнут репрессиям, что должно было бы остановить развитие этого научного саженца. Однако усилиями других криминологов, в том числе последователей и учеников П.П. Михайленко, это учреждение не только было сохранено, но и значительно развилось, будучи преобразовано в масштабный научно-исследовательский институт — филиал Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР.

Позже на качестве криминологических исследований негативно отразилась централизация науки в СССР. Так, выше упомянутый филиал Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР в 1985 году снова был уменьшен до лаборатории, поскольку тогдашний союзный министр внутренних дел Федорчук считал, что «наука может быть только в Москве...».¹ Тем не

* **Василий Иванович Поклад** — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел (Луганск, Украина).

© В.И. Поклад, 2009.

¹ *Закалюк А.П.* Стан та перспективи розвитку кримінологічної науки в Україні // Вісті Кримінологічної асоціації України. Альманах. — Випуск 1. — Харків, 2004. — С. 3.

менее, отдельные криминологические работы все же привлекали внимание научной общественности. Например, А. Закалюк и В. Сахно в 1980-х годах разработали оригинальную методику прогнозирования противоправного поведения несовершеннолетних.²

Но в целом научные исследования в области криминологии оказывались, образно говоря, «периферийными в кубе»: во-первых, по отношению к науке «уголовное право», во-вторых, по отношению к работам ведущих криминологов СССР и, в-третьих, по отношению к основным достижениям западной криминологии.

После 1991 года ситуация радикально не изменилась. И хотя стали появляться научные публикации на темы, которые ранее считались закрытыми, активно начали проводиться эмпирические исследования, криминологию в Украине по-прежнему нельзя отнести к наиболее динамично развивающимся наукам. Сохраняется вторичность криминологии по отношению к уголовному праву. Попытка А. Зелинского, отталкиваясь от метафорически заостренного образа криминологии как «шута при дворе его величества уголовного права», выстроить стройную систему серьезной аргументации в пользу изменения предметного статуса чрезмерно «заюридизированной» науки о преступности, ее, если можно так выразиться, диверсификации в сторону социологической и психологической составляющих,³ особого резонанса не вызвала.

Безоговорочное доминирование в Украине «нормативистской криминологии»⁴ влияет на позиции неюрисстов, изучающих преступность. В частности, И. Руценко (защитивший диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук по теме «Социология преступности») делает вывод о непродуктивности дискуссии по поводу предмета и статуса криминологии, поскольку «отечественная криминология уже сложилась идейно, структурно, организационно и изменить ее юридическую ориентацию маловероятно».⁵

Принятая в 2002 году членами Координационного бюро по проблемам криминологии Академии правовых наук Украины Концепция развития криминологической науки в Украине в начале XXI века принципиально обошла стороной проблемы предметной идентификации криминологии, установив на первой же странице железобетонную конструкцию: «...концепция развития криминологической науки должна основываться на концептуальных основах

² Закалюк А.П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. — М., 1986.

³ Зелінський А. Перспективи подальшого розвитку кримінології // Право України. — 2001. — № 1.

⁴ Там же — С. 107.

⁵ Руценко І.П. Соціологія злочинності. — Харків, 2001. — С. 18.

развития отечественной юридической науки».⁶ Попутно хочется отметить, что в качестве «основы отечественной юридической науки» у авторов Концепции просматривается исключительно методология марксистской парадигмы с ее упрощенными оппозициями материального и духовного, общественного бытия и общественного сознания, с иерархизацией сфер общественной жизни по схеме взаимодействия базиса и надстройки.

Отдельные попытки выведения криминологических исследований за пределы юридической науки являются, скорее, исключениями, чем подтверждением ориентации на доминирующие в мировой криминологии тенденции. «Официальный» статус имеют лишь работы, выполненные по канонам научной специальности 09.00.08. («Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»), которые отводят криминологии роль интерпретатора данных уголовно-правовой статистики. Использование в диссертационных исследованиях социологических методов является скорее ритуальным элементом и в большинстве случаев не выдерживает критики с позиций методологической проработки и репрезентативности данных.

Тем не менее, на общем фоне выделяются своим современным уровнем и нетрадиционностью подходов работы В. Тулякова в области виктимологии,⁷ А. Зелинского по криминальной психологии,⁸ А. Костенко по социально-натуралистическому осмыслению права и преступности,⁹ И. Рущенко по социологии преступности.¹⁰

В Луганском университете внутренних дел с 2000 года проведение криминологических исследований осуществляется на базе социологической лаборатории, которая за предыдущие годы зарекомендовала себя как один из ведущих социологических центров востока Украины. Первоначально в творческом коллективе доминировала точка зрения о том, что истинно научная криминология может быть только социологией преступности, включающей в себя сбор, обработку и интерпретацию данных о преступности исключительно социологическими методами.

Именно на этом этапе нами было положительно воспринято понимание преступности как свойства общества воспроизводить преступления,¹¹

⁶ *Концепція розвитку кримінологічної науки в Україні на початку ХХІ століття* // Академія Правових наук України. Координаційне бюро з проблем кримінології. Інформаційний бюлетень. — Київ, 2002. — № 5.

⁷ *Туляков В.А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы. — Одесса, 2000.

⁸ *Зелинский А.Ф.* Криминальная психология. — Киев, 1999.

⁹ *Соціальний натуралізм як методологічний принцип юриспруденції і кримінології* // Вісник Академії правових наук України. — 2004. — № 4.

¹⁰ *Рущенко І.П.* Соціологія злочинності. — Харків, 2001.

¹¹ *Шестаков Д. А.* Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 4(5). — С. 13.

являющееся одним из ключевых теоретических положений невско-волжской криминологической школы.

Постепенно, по мере накопления опыта проведения эмпирических исследований (особенно в части интерпретации полученных результатов) пришло понимание того, что стремление преодолеть чрезмерную юрисдикцию криминологии не может означать ее отгораживания от уголовного права.

На основе теоретического осмысления эмпирических результатов сформировалась собственная модель понимания преступности, в соответствии с которой преступность, как социально-правовое явление, имеет трехмерную характеристику. Первое измерение — *личностно-психологическое* (человек, его потребности и желания, характер, воля, стремления, ориентации и субъективно обусловленное поведение). Второе измерение — *социальное* (одобрение или осуждение поведения в соответствии с социальными нормами). Третье измерение — *правовое* (государственная уголовно-правовая стигматизация, оценивание поведения в соответствии с нормами уголовного права). Отсюда понимание преступления как результата конфликта между потребностями (желаниями) *личности* (побуждающими к определенным действиям), *социально-нормальными* способами их удовлетворения и *уголовно-правовыми* запретами определенных действий.

Следовательно, подлинное познание преступности не может осуществляться вне единства психологической, социологической и уголовно-правовой парадигм внутри криминологии как комплексной науки. В этом контексте нам представляются весьма продуктивными идеи Д. Шестакова о взаимосвязи преступности с иными саморазвивающимися общественными системами, о взаимосвязи и взаимообусловленности преступности и законодательства, о типах массового преступного поведения.¹²

Отличительным признаком формирующегося в Луганске центра криминологических исследований является приоритет эмпиризма. Начиная с 2002 года проводятся межвузовские конкурсы криминологических исследований молодых ученых и итоговые конференции. Уже прошли пять таких конкурсов и конференций: 2002 — «Специфика региональной преступности»; 2003 — «Конфликты и преступления»; 2004 — «Насилие в конфликтах и преступлениях»; 2005 — «Виктимологические аспекты преступности»; 2006 — «Криминальная субкультура как фактор преступности».

На октябрь 2007 года запланировано провести конкурс криминологических исследований и конференцию на тему «Влияние наказаний на преступность».

¹² Шестаков Д. А. Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 4(5). — С. 13.

Результаты исследований, конкурсные работы и материалы конференций частично были опубликованы в 2006 году в сборнике «Виктимологические аспекты преступности. Криминологические исследования».¹³ Сейчас принято решение сделать выпуск сборников «Криминологические исследования» регулярным. Для начала — ежегодным, с сохранением приоритета презентации, в первую очередь, результатов оригинальных эмпирических исследований.

Эмпирические исследования будут приоритетными для молодого коллектива кафедры и лаборатории и в дальнейшем. Наш регион является исключительно интересным для «полевого» изучения преступности. Здесь присутствуют и хозяйственная депрессивность, и маргинальность населения, и пограничный статус, и массовые миграции, и повышенный уровень количества заключенных в местах лишения свободы на территории области, и социальная конфликтность, и многое другое, что традиционно относится к факторам криминогенности.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кто заинтересован в эмпирической апробации криминологических гипотез. Первым шагом могло бы стать взаимное информирование о готовящихся эмпирических исследованиях для того, чтобы стороны (партнеры) могли вносить свои предложения и дополнения в программы и инструментарий для получения сравнительных данных. Активное накопление эмпирического материала, его последующее осмысление, на наш взгляд, может способствовать развитию теоретической криминологии.

¹³ *Віктимологічні аспекти злочинності. Кримінологічні дослідження. Випуск 1.* — Луганськ, 2006. — 152 с.

Б. Б. Тангиев*

НАУЧНЫЙ ЭКОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И КОНЦЕПЦИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Преступность — достаточно сложное явление, которое состоит из совокупности различных видов преступлений. Если преступление рассматривается с позиции уголовного права, то оно характеризуется отдельными элементами состава преступления: объектом, объективной стороной, субъектом, субъективной стороной. При этом каждое преступление рассматривается в отдельности от другого как самостоятельный объект исследования.

При криминологическом подходе преступление рассматривается, во-первых, в контексте одновременно условий внешней для человека среды и характеристик самого человека; во-вторых, не как одномоментный акт, а как определенный процесс, развертывающийся в пространстве и во времени.¹

Необходимость применения такого криминологического подхода к экологической преступности в настоящее время обусловлена тем, что масштабы человеческой деятельности уже не могут сосуществовать с благоприятной окружающей средой. А значит, необходимо регулировать взаимодействие человека и природы с целью предотвращения нанесения ей еще большего ущерба и как следствие — сохранения человечества как вида.

Загрязнение окружающей среды — это негативное физико-химическое, радиоактивное, биологическое и иное изменение качества природной среды (атмосферного воздуха, вод, почвы и пр.) в результате хозяйственной и иной деятельности человека, превышающее установленные нормативы вредного воздействия на окружающую среду.

Несмотря на ту работу, которая проводится по защите окружающей природной среды, влияние на нее хозяйственной деятельности человека характеризуется производством все большего числа новых веществ и выбросами их в окружающую среду, увеличением количества отходов и другими факторами, которые приводят к изменению естественных ландшафтов, к загрязнению атмосферы и природных водных объектов. Особенно это отмечается в крупных

* **Бахаудин Батырович Тангиев** — кандидат юридических наук, кандидат технических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций (Санкт-Петербург, Россия).

© Б. Б. Тангиев, 2009.

¹ *Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2003. — С. 58.

городах и промышленных центрах Российской Федерации.

Специфика экологических преступлений заключается в том, что они не только представляют опасность в рамках одной страны, но и затрагивают интересы мирового сообщества. На Генеральной ассамблее ООН систематически обсуждаются проблемы ухудшения состояния окружающей среды, угрожающие общей безопасности не меньше чем гонка вооружения. Человечество забирает из воздуха, морей и земли все полезное, а возвращает лишь отходы и отраву. В конечном счете, все мировое сообщество должно внести вклад в решение этой глобальной проблемы.

На сегодняшний момент в России происходит процесс осознания ответственности за загрязнение окружающей среды. Но темпы развития этого процесса чрезвычайно малы.

В этой связи следует привести результаты анкетирования, в ходе которого было опрошено 200 человек, не имевших специальных познаний в области экологии и охраны окружающей среды, и лиц, которые обладали такими познаниями. Респондентам был задан вопрос: «Какие факторы, по Вашему мнению, могут повлиять на улучшение экологической обстановки, в частности, в районе Санкт-Петербурга (необходимо было распределить ответы по эффективности предложенных мер)» в соответствии с указанными вариантами ответов.

Распределение ответов можно привести в следующем виде по категориям опрошенных лиц (диагр. 1).

Диаграмма 1

Следует обратить внимание, что большинство граждан (не специалисты) на последнее место поставили именно воспитание населения в духе уважения к природе и окружающей среде, чего нельзя сказать о профессионалах в области экологии. По их мнению, воспитание играет не последнюю роль в улучшении экологической обстановки не только в черте Санкт-Петербурга, но и на территории всей России, поскольку взаимная ответственность граждан и государства в данной области должна проявляться именно в добровольном и осознанном соблюдении гражданами норм в области охраны окружающей среды, а государством — в обеспечении благоприятной окружающей среды для всех и каждого в отдельности.

Оценивая полученные данные, автор приходит к выводу, что в таких условиях недостаточно просто создать отдельную отрасль криминологии — экологическую криминологию, как инструмент борьбы с экологической преступностью. Необходимо на уровне государства решить ряд важных комплексных вопросов, связанных с экологией.

Во-первых, необходимо радикальное совершенствование отечественного законодательства в области охраны окружающей среды с целью устранения пробелов и противоречий. Одновременно с этим решить проблему взаимодействия природоохранных органов с правоохранительными органами с целью улучшения качества их работы.

Во-вторых, на государственном уровне выработать экономические механизмы, которые смогли бы создать заинтересованность у предпринимателей в организации экологически чистых производств или в оснащении предприятий специальными очистителями и утилизаторами отходов (например, путем предоставления налоговых льгот, предоставлением на льготных условиях кредитов на развитие и модернизацию предприятия, свободных экономических зон и т. п.).

В-третьих, экономическое поощрение создания специализированных предприятий по утилизации и переработке отходов, предприятий, создающих оборудование для экологически чистого производства, и т. п.

В-четвертых, воспитание населения в духе уважения к природе и окружающей среде, путем внедрения образовательных программ в учебных заведениях страны, со стимулирующим эффектом, как то: сбор металлолома, макулатуры и других видов вторсырья. Ведь в прошлом это не плохо практиковалось у отрядов пионеров, в настоящее время пусть это будут бойскауты или др. молодежные организации.

Вышеперечисленные меры должны применяться одновременно с достижениями уголовно-правовой и криминологической наук.

В этой связи научный эколого-криминологический комплекс видится как научное направление, которое на базе достижений общей современной отечественной криминологии будет изучать криминогенные проявления, посягающие на установленный в Российской Федерации экологический правопо-

рядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей среде и здоровью человека.

В обоснование необходимости выделения научного эколого-криминологического комплекса следует сказать, что с середины 70-х годов XX в. в отечественной криминологии выделились отдельные отрасли, которые возникли на основании концепции взаимосвязи с определенными саморазвивающимися системами общества — это семейная, политическая, экономическая криминология и некоторые другие.

При тщательном рассмотрении отраслей общей криминологии выявится такая закономерность, которая, несомненно, покажет их значение и наметившуюся связь с зарождающимся научным эколого-криминологическим комплексом как новым направлением криминологической науки, который лаконично вписывается в стройную концепцию преступных, социальных подсистем, с присущей только ей методологией.

Рождение научного эколого-криминологического комплекса — это объективная реальность, обусловленная повышенной опасностью экологических преступлений, недостаточными исследованиями детерминантов экопреступности и экопреступника. Как наглядно свидетельствует практика, дальнейшее развитие общей криминологии, опираясь лишь на устоявшиеся методы в данной области, становится в определенной степени затруднительным и обременительным. Новые отрасли и направления, в их числе и научный эколого-криминологический комплекс, формируются согласно обусловленным закономерностям, а также в соответствии с парадигмой социальных подсистем.

В этой связи полагаем верным утверждение Д.А. Шестакова о том, что «процесс возникновения новых криминологических отраслей на основе выделения в качестве предмета исследования взаимосвязи преступности с иными саморазвивающимися общественными системами, по-видимому, будет продолжаться...».² Учитывая высокую общественную опасность экологической преступности, значительное влияние окружающей среды на развитие человека как биологического организма, а также на «здоровье» общества в целом, автор полагает, что выделение научного эколого-криминологического комплекса является насущной необходимостью, поскольку современная экологическая ситуация на планете, не говоря уже о России, оставляет желать лучшего. Как уже ранее было отмечено, влияние неблагоприятной окружающей среды может быть столь негативно, что результатом может оказаться полное уничтожение человечества либо абсолютная его деградация.

Опасность экологической преступности и значимость для всего человечества проблемы сохранения благоприятной окружающей среды, обеспечения достоверной информации о её состоянии и проблема сохранения челове-

² Шестаков Д.А. Криминология — XX век / Под ред. проф. В.Н.Бурлакова, проф. В.П. Сальникова. — СПб., 2000. — С. 10.

чества как вида и есть основной довод в пользу необходимости создания нового научного направления российской криминологии, которое будет призвано освещать взаимосвязь окружающей среды и преступности, преступного воздействия на природу (окружающую среду), в том числе с иными функционирующими и саморазвивающимися общественными системами.

В этой связи необходимо очертить границы нового научного направления и определить прежде всего сферу его научного влияния, цели и систему средств их достижения.

Учитывая вышеизложенное, научный эколого-криминологический комплекс призван исследовать происхождение экологической преступности, ее исторические корни и динамику развития. Он должен проанализировать различные стороны жизни общества и причины возникновения противоречий между ним и окружающей средой, дать наилучшую и полную характеристику экологическому преступлению (экологической преступности, экологического преступника) и выявить все детерминанты экологической преступности, а также дать прогноз последствий для общества в условиях увеличения экологической преступности и влияния на окружающую среду, что позволит успешнее вести борьбу с данным явлением и вырабатывать действенные механизмы профилактики.

Исходя из этого, значение научного эколого-криминологического комплекса как нового научного направления криминологии, бесспорно, велико. Хотя может возникнуть вопрос, почему же изучение экологической преступности невозможно в рамках общей криминологии. В ответ на это можно привести следующие доводы: если существуют такие отрасли криминологии, как семейная, экономическая, политическая, а также криминология средств массовой информации и др., то, учитывая опасность экологической преступности (которая была доказана автором в ранних работах, см. лит.) и значимость исследований в области противодействия ей, то скорее всего возникновение научного эколого-криминологического комплекса — это не просто научная необходимость, а объективная закономерность, продиктованная неизбежностью сохранения человека как вида.

В этой связи место научного эколого-криминологического комплекса в жизни современного общества можно выразить в виде схемы (схема 1).

Для реализации поставленных перед ним задач эколого-криминологический комплекс будет изучать:

- 1) виды экологических преступлений;
- 2) особенности индивидуального преступного поведения лица;
- 3) причины экологической преступности во взаимосвязи с различными объективными и социальными явлениями и процессами (характерными для различных слоев общества);
- 4) результативность тех или иных мер по борьбе с экологической преступностью и по ее профилактике.

Схема 1

Разработка рекомендаций по поводу глобальных эколого-криминальных угроз России	Предложения и рекомендации по борьбе с экологической преступностью правоохранительным, природоохранными органам	Проведение эколого-криминологической экспертизы законодательства и разработка рекомендаций по его совершенствованию
Внедрение достижений науки и техники в процесс анализа экологической преступности и контроля уровня негативного влияния на окружающую среду (АСЭКМ)	НАУЧНЫЙ ЭКОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС	
	Разработка основ взаимодействия на международном уровне в области охраны окружающей среды от преступных посягательств	Формирование общественной идеологии в области экологии и охраны окружающей среды

С помощью подобных институтов научный эколого-криминологический комплекс будет вырабатывать:

- 1) рекомендации по совершенствованию борьбы с экологической преступностью, и комплекс профилактических мер;
- 2) действенные меры по устранению причин и условий криминальных явлений в сфере экологии с использованием достижений других научных знаний, методов и разработок.

Так, в своих предшествующих работах³ автор неоднократно обращал внимание на то, что настоящее законодательство в области охраны окружающей среды недостаточно развито, более того, на сегодняшний день природоохранное законодательство носит декларативный характер и не может стать серьезным противодействием нарастающей транснациональной экологической преступности. Ярким примером криминогенной ситуации в области охраны окружающей среды служит отсутствие судебно-следственной практики по делам об экологических преступлениях. Ранее в работе этот вопрос разбирался и анализировался, исследовались криминогенные обстоятельства, влекущие за собой такой результат в правоприменительной практике. Причем криминогенные обстоятельства существуют не только в экологическом законодательстве. Это порок всего законодательства Российской Федерации в данной сфере правового регулирования. Не зря за рубежом оно оценивается как коррупционное и криминогенное.

³ Тангиев Б.Б. Эокриминология (oikoscrimenlogos) Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография. Под общ. ред. В.П. Сальникова, предисловие Д.А. Шестакова. — СПб., 2005. — С. 550. Тангиев Б.Б. Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография. — СПб., 2006. — С. 444.

В этой связи следует отметить, что известные ученые С.В. Бородин и В.В. Лунеев предложили проект Положения «О криминологической экспертизе проектов или действующих законов и иных нормативных актов», разработанный в Институте государства и права РАН. В статье, опубликованной в журнале «Государство и право» в 2002 г., авторы обосновывают необходимость именно криминологической экспертизы законов и других нормативных актов с позиции их влияния на криминогенную ситуацию в стране, а также с точки зрения криминогенных последствий, которые могут возникнуть с их принятием.⁴

Следует отметить позитивный характер этого предложения, и, по мнению автора, закономерно и необходимо в таком случае говорить о криминологической экспертизе законов в области экологии и охраны окружающей среды. Причем важность и значимость такой экспертизы становится бесспорной, если учитывать особую общественную опасность правонарушений в этой области и сильное влияние «беззакония» на экологическую обстановку не только в стране, но и во всем мире.

Криминологическая экспертиза законов в области экологии и охраны окружающей среды (иначе ее можно назвать эколого-криминологическая экспертиза) ни в коей мере не подменяет понятие экологической экспертизы. Экологическая экспертиза, согласно Закону «Об охране окружающей среды», проводится исключительно в целях установления соответствия планируемой хозяйственной и иной деятельности требованиям в области охраны окружающей среды и основывается на Федеральном законе «Об экологической экспертизе». Тогда как эокриминологическая экспертиза решает вопросы «о криминогенности или антикриминогенности тех или иных положений закона или проекта закона»⁵, нормативного правового акта в области экологии и охраны окружающей среды. При этом задача в решении таких вопросов не должна ставиться исключительно только перед криминологами. Эти вопросы должны решаться во взаимодействии с другими специалистами различных отраслей права и других областей знаний.

Разработка основных положений эокриминологической экспертизы позволит использовать её в работе автоматизированной системы эокриминологического мониторинга (АСЭКМ). Так, ранее указывалось, что АСЭКМ позволит выявлять пробелы в законодательстве и разрабатывать рекомендации по их устранению. На базе эокриминологической экспертизы такой процесс будет усовершенствован. Поскольку АСЭКМ будет содержать базу нормативно-правового материала и законодательства, то на основе информационных технологий возможно в рамках АСЭКМ создать автоматизированную

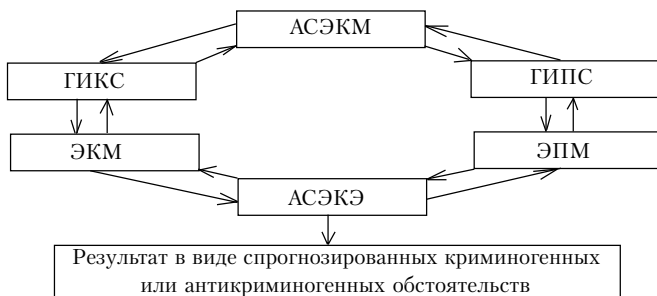
⁴ Бородин С.В., Лунеев В.В. О криминологической экспертизе законов и иных нормативных актов // Государство и право. — 2002. — № 6. — С. 40—45.

⁵ Там же.

зированную систему экокриминологической экспертизы (АСЭКЭ), которая, работая на основе экокриминологического и эколого-правового мониторинга, сможет спрогнозировать возникновение тех или иных криминогенных или антикриминогенных обстоятельств в условиях действия того или иного закона в области экологии и охраны окружающей среды.

Работу АСЭКЭ в упрощенном варианте можно продемонстрировать в виде следующей схемы (схема 2.):

Схема 2

Автор полагает, что необходимость создания такой системы в области экологии продиктована тем, что многие законы, так или иначе, требуют экспертной оценки с научно обоснованной позиции криминологии. Безусловно, проведение такого рода работы над экологическим законодательством страны позволит снизить латентность экологических правонарушений и их количество, а также окажет сильное профилактическое воздействие на потенциальных правонарушителей.

В защиту обоснования необходимости выделения **научного эколого-криминологического комплекса** следует отметить, что уровень подготовки работников правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью в настоящее время остается очень низким. Это, естественно, оказывает сильное негативное влияние на результативность выявления, раскрытия экологических преступлений и на привлечение лиц, причастных к общественно опасным экологическим деяниям, к уголовной ответственности. Поэтому одной из задач научного эколого-криминологического комплекса станет разработка основных методов работы правоохранительной системы с целью повышения эффективности ее деятельности в данной области. В этой связи вызывают определенный научный интерес следующие данные, полученные в ходе опроса сотрудников правоохранительных органов. Так, на вопрос: «Борьбу с какими из видов преступлений, на Ваш взгляд, следует считать приоритетной?» (ответы предлагалось дать в произвольной форме без ссылок на УК) 40% опрошенных на первое место поставили терроризм и организованную преступность,

на второе место 30% опрошенных поставили коррупцию, третье место досталось наркомании и алкоголизму — 20%, четвертое место распределилось почти поровну между чиновничьим произволом, заказными убийствами, захватом заложников и т.п. — 4 — 5%, на пятом месте — 5 — 7 % — остальные виды преступлений, в том числе и экологическая преступность.

Примечательно, что 5 — 7 % из опрошенных выделили экологическую преступность (в числе прочих видов) только потому, что они в той или иной мере по роду службы сталкивались с экологией.

Исходя из этого, следует вывод, что правоохранительные органы не считают борьбу с экологической преступностью приоритетной. Более того, проведенный подобный опрос среди граждан, не имеющих никакого отношения к правоохранительным органам, практически не выделил в предложенном перечне экологическую преступность.

Затем, среди ранее опрошенных был проведен повторный опрос, которому предшествовала часовая лекция, суть которой сводилась к тому, что в ходе разъяснения роли экологии в нашей жизни был сделан акцент на влиянии экологической преступности и повышенной ее вредоносности для здоровья населения, на необратимость процессов надвигающейся экологической катастрофы. При этом приводились статистические данные и реальные примеры из жизни. Респондентам задавались следующие вопросы:

Блок вопросов №1:

1. Можете ли Вы против своей воли стать террористом?
— 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).
2. Существует ли для Вас вероятность стать наркоманом или алкоголиком против Вашей воли?
— 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).
3. Можете ли Вы стать членом организованного преступного сообщества, если Вы того не желаете?
— 100% опрошенных дали ответ — Нет (исключено).

Блок вопросов №2:

1. Вы уверены, что место Вашего проживания соответствует экологическим требованиям (нормам)?

Варианты ответов: а) да;
б) нет;
в) не знаю.

Результаты опроса: «нет» ответили — 80%
«не знаю» — 15%
«да» — 5%

2. Можно ли признать употребляемую Вами пищу экологически чистой?

Варианты ответов: а) да;
б) нет;
в) затрудняюсь ответить.

Результаты опроса: «нет» ответили — 90%
«затрудняюсь ответить» — 10%
«да» — никто не ответил.

3. Соответствует ли воздух, которым Вы дышите, вода, которую Вы пьете (употребляете в пищу), предъявленным международным стандартам, нормам и требованиям?

Варианты ответов: а) да;
б) нет;
в) не уверен.

Результаты опроса: «нет» ответили — 95%
«не уверен» — 5%
«да» — никто не ответил.

Блок вопросов №3:

1. От какого вида преступлений Вас и членов Вашей семьи не сможет защитить государство?

Варианты ответов: а) терроризм;
б) организованная преступность;
в) наркомания;
г) экологическая преступность;
д) другие виды преступлений.

Результаты опроса: «а» ответили — 8 — 10%;
«б» ответили 9 — 12%;
«в» ответили 10 — 15%;
«г» ответили 63 — 75%;
«д» ответили 5 — 7%.

2. С результатами (последствиями) каких преступлений Вам и членам Вашей семьи приходится сталкиваться ежедневно?

Варианты ответов: а) экологических преступлений;
б) террористических акций;
в) разбоев, грабежей, краж;
г) мошенничества;
д) вымогательства;
е) другими видами преступлений.

Результаты опроса: «а» ответили — 100%.

Примечательно, что в результате интервьюирования граждан, представляющих различные слои населения, после проведения соответствующей беседы с приведением статистических данных о зависимости высокой смертности, низкого уровня рождаемости, различных заболеваний от экологической обстановки и др., все согласились со следующими доводами:

1. Человек против своей воли практически не может стать наркоманом, террористом, алкоголиком, членом организованной преступной группировки и др. (случаи насильственного воздействия или принуждения исключаются).

2. Гипотетическая вероятность любого вида преступления непременно присутствует в отношении любого члена нашего общества, но она ничтожно мала в сравнении с воздействием и последствиями неблагоприятной окружающей среды, вызванными в первую очередь экологическими преступлениями.

3. Весь комплекс последствий различных видов преступлений в своей совокупности несоизмерим с одним видом — экологическими преступлениями и их последствиями.

4. В настоящее время наука не располагает всей полнотой данных по количественной и качественной составляющей выживаемости биологических организмов. Однако остается неоспоримым тот факт, что антропогенная и техногенная деятельность человека оказывает негативное влияние на окружающую среду и может привести к уничтожению всего живого на Земле.

Главное отличие экологических преступлений заключается в том, что:

а) с течением времени последствия и ущерб от экологического преступления могут увеличиваться и приводить к необратимым процессам (уничтожение экосистем, влияние на генотип человека, появление очагов неизвестных ранее болезней и вирусов). При этом весь спектр негативных последствий от экологической преступности невозможно выявить;

б) это вид преступления, для которого де-юре — де-факто не существует никаких сухопутных, воздушных, морских и других границ;

в) обладают самой высокой латентностью;

г) затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, все биологические образования;

д) по своей специфике и неоднородности самый трудоемкий и сложный вид для выявления, закрепления его следов, документирования, а также установления всей совокупности признаков соответствующих составов экологических преступлений, предусмотренных уголовным законодательством;

е) представляют собой общественно опасное экологическое деяние с необратимыми последствиями;

ж) это вид преступлений, для доказывания которых необходимо проводить многочисленные экспертизы и анализы (биологические, химические, криминологические, медицинские, физические и др.).

з) это вид противоправного поведения, который характеризуется наивысшей степенью нигилизма, так называемым эколого-правовым нигилизмом, который, к огромному сожалению, присущ не только населению, но и проявляется в деятельности правоохранительных и государственных органов.

На завершающем этапе данного исследования уже опрошенным гражданам было предложено вновь ответить на ряд вопросов. Результаты были уже совершенно другими — противоположными первоначальным, так как

основная масса респондентов высказались за то, что экологические преступления — это один из самых опасных видов преступной деятельности.

Таким образом, из данного криминологического исследования видно, что уровень экологической просвещенности, грамотности и экологического сознания наших граждан находится на очень низком уровне. Причем описанный опыт показал, что при помощи соответствующих приемов можно привлечь внимание граждан к проблеме экологии. Так, путем простых сравнений, направленных на улучшение процесса познания, респонденты смогли проанализировать ситуации (казусы), при которых они выступали бы в качестве потерпевших. При этом участники эксперимента наиболее ярко представляли себя в роли жертвы террора или умышленного убийства (эти виды преступлений при первоначальном опросе набрали наибольшие проценты). Объясняется это тем, что данные виды преступлений и их последствия наибольшим образом освещаются в средствах массовой информации, кино, радио и т.п., чего нельзя сказать об экологических преступлениях, проблемах и последствиях эколого-маргинального поведения. Именно этим объясняется получение совершенно иных данных после проведения эксперимента с использованием специальной тематической лекции, где этот информационный пробел был восполнен, и респонденты смогли оценить весь спектр угроз, которые содержат в себе экологические преступления, как основной фактор, обуславливающий экологическую катастрофу.

В этой связи следует сказать, что еще одна задача или проблема эколого-криминологического комплекса, которую придется решать, это повышение уровня экологического правосознания населения страны, а также выработка стратегии и механизмов снижения уровня эколого-правового нигилизма, как со стороны общества, так и со стороны государства в целом, а также со стороны правоохранительных, общественных и государственных органов.

При этом отдельное внимание должно быть сконцентрировано на программе всеобщей экологизации, стратегия которой будет строиться на концептуально-методологических подходах, принципах, специфике и особенностях формирования как экологизированного правового мировоззрения, с целью минимизации эколого-правового нигилизма, свойственного как современному обществу, так и организации общероссийской системы управления экосистемами, где безусловный приоритет будет отводиться экологичности выбора и принятия управленческих решений. Для этого, в первую очередь, необходима политическая воля, а законодательные основы созданы в достаточной степени. Лишь есть необходимость на первом этапе провести систематизацию законодательной базы, она может выглядеть как свод основных законов, регулирующих экологические системы окружающей среды. На втором этапе будет создана реальная предпосылка по единой кодификации. Если рассматривать с позиции эффективности правоприменения,

то акцент необходимо поставить на юридической ответственности по соответствующим параметрам (уголовная, гражданская, административная, дисциплинарная и т. п.). Параметры будут распределены в базе данных АСЭКМ по формам и видам юридической ответственности. Моделирование и инструментарий на основе математических методов, используемых при выборе управленческих решений, экокриминологических прогнозов и профилактических мероприятий на основе математических расчетов и технических параметров, в настоящей работе сознательно оставлены без особого внимания, в силу большого объема и специфики. Рассмотрению этих вопросов автор посвятил отдельные монографии.⁶

⁶ См.: Тангиев Б.Б. 1) Модели оценивания и прогнозирования экологической ситуации в экосистемах на основе интеграции данных в автоматизированном мониторинге. — СПб., 2001. — 200с. 2) Совершенствование геоинформационных технологий и автоматизированных систем экологического мониторинга по обеспечению безопасности аквэкосистемы региона на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Монография. — СПб., 2003. — 243с. 3) Экологическая преступность — основная угроза национальной безопасности (уголовно-правовое исследование). Монография. — СПб., 2004. — 182 с. 4) Экологическая преступность: Криминологический и уголовно-правовой анализ (гл. 6 Концепция автоматизированной системы эколого-правового мониторинга (АСЭПМ) и геоинформационных технологий (ГИТ) как метод экокриминологического контроля экологической преступности). Монография. — СПб., 2004. — 156 с.; 5) Криминология экологической преступности. Монография. — СПб., 2004. — 165 с. 6) Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография. — СПб., 2006. — 342 с.

МАССОВОЕ ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА «ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ» от 29.02.2008

С.М. Иншаков*

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В любой отрасли знаний на определённом этапе развития та или иная проблема приобретает приоритетное значение. Определяется это двумя факторами:

- во-первых, её актуальностью;
- во-вторых, готовностью науки к её решению.

Сегодня к числу приоритетных проблем криминологии можно уверенно отнести латентную преступность.

Исследование латентной преступности — это та сфера, где криминологи, к сожалению, пока не продвинулись слишком далеко. Непознанное всегда является вызовом научной мысли, побудителем исследовательского поиска. В современных условиях, когда человечество инвестирует огромные средства в изучение далёких планет, вряд ли можно смириться с тем, что мы не имеем сведений о фактической преступности.

Изучение латентной преступности — ключевая, системообразующая проблема, решение которой может вывести криминологические исследования на новый уровень.

Во-первых, в отдельных случаях цифры сами по себе могут быть весьма убедительны. Во-вторых, цифры, характеризующие латентную преступность, могут изменить представление не только о масштабах этого явления, но и о сущности преступности, а также о принципиальных аспектах взаимодействия социума и преступности.

Борьба с преступностью — сложный и многогранный процесс. Разработка мер противодействия криминальному феномену предполагает материальное, кадровое и научное обеспечение. При этом отправной точкой в этом деле является получение сведений об объекте воздействия. Если человек будет искать потерянную вещь не там, где он её обронил, а там, где светло, маловероятно, что ему удастся что-то найти. Точно так же, если при разработке мер борьбы с преступностью не будет приниматься во внимание «тёмная цифра», то далеко не вся преступность окажется объектом воздействия разработанных мер.

* **Сергей Михайлович Иншаков** — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий отделом латентной преступности Академии Генеральной прокуратуры РФ (Москва, Россия).

© С.М. Иншаков, 2009.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Термин «латентный» в переводе с латинского означает «скрытый, невидимый». В XIX в. его в основном использовали в медицине, говоря о латентных болезнях — таких заболеваниях, которые внешне ничем не проявляют себя, тайно подтачивают здоровье человека и ведут его к гибели. В XX в. криминологи сформулировали проблему латентной преступности. Многие учёные стали сравнивать криминальный феномен с айсбергом, у которого лишь 1/8 часть на поверхности, а 7/8 — это скрытая часть.

О том, что в поле зрения исследователей попадает не весь массив совершенных преступлений, а лишь видимая его часть, учёные начали догадываться много веков назад. Пионерами в этой области были основоположники политической арифметики Дж. Граунд и Э. Галлей. Интересные мысли о латентной преступности высказывали и учёные в XIX в. Например, А. Кетле предлагал выделить три категории преступлений:

- обнаруженные преступления с обнаруженными преступниками;
- обнаруженные преступления с необнаруженными преступниками;
- преступления и преступники оставшиеся неизвестными правосудию.²

Русский учёный Ф. Захаревич для раскрытия сущности латентной преступности использовал красочный образ: «Число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть ещё средство вполне достаточное для установления числа преступлений, истинно совершаемых, подобно тому, как число рыб, пойманных неводом, не указывает числа рыб, плавающих в реке».³

Мощный импульс изучению латентной преступности в середине XX в. дали исследования так называемой беловоротничковой преступности. Американский ученый из Иллинойского университета Э. Сатерленд проанализировал факты хищений, злоупотреблений служебным положением, коррупции, хозяйственных и экономических преступлений, совершаемых представителями высших слоев общества. Результаты его анализа ошеломили современников. Преступления, совершаемые «сливками общества», многократно превосходят по своей общественной опасности и по размеру материального ущерба традиционную преступность. Кражи, совершаемые представителями трущоб, оказались каплей по сравнению с морем хищений в лакированном мире бизнеса. Парадоксальным результатом его исследований было следующее: несмотря на то, что степень общественной опасности преступлений представителей низших слоёв общества ниже, вся мощь карательной машины обрушивается именно на них. Криминальные представители respectable общества, как правило, остаются безнаказанными. Это научное

² См.: Кетле А. А. Социальная физика, или Опыт исследования человеческих способностей. — Киев, 1911. — С. 262.

³ Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел. — 1853. Ч. 41. — С. 258.

открытие привело исследователя к постановке достаточно острой политической проблемы: «Почему закон применяется по-разному к преступникам в белых воротничках и к другим преступникам».⁴

Таким образом, из исследования Э. Сатерленда логически вытекал вывод о том, что те, кто попал в поле зрения судебной системы и находится в тюрьмах (контингент, на основе изучения которого криминологи конструируют свои теории), — лишь незначительная часть реального криминального мира, это наименее ловкие и наиболее обездоленные из преступников.

Эти выводы имели колоссальный резонанс во всем мире, в своё время они произвели эффект разорвавшейся бомбы, осколки которой долетели и до России. Вот как оценил ситуацию в нашей стране один из ведущих российских криминологов В.В. Лунеев: «Наиболее «неучтёнными» преступлениями оказываются коррупция и хищение государственного имущества. По нашим подсчётам соотношение фактических и регистрируемых преступлений этого типа — примерно 1:1000. В целом учёту органов внутренних дел поддается так называемая преступность бедности — злодеяния, совершаемые маргиналами и слабоадаптированными субъектами. А самая опасная — «преступность богатства, власти и интеллекта» — в «бухгалтерию» МВД, как правило, не попадает».⁵

В 1947 г. американские исследователи И. Валерстайн и К. Вайл в одном из научных журналов опубликовали статью «Наши законопослушные правонарушители», в которой привели результаты интересного исследования. Они опросили около двух тысяч жителей Нью-Йорка на предмет, не совершали ли они когда-либо преступления. Результаты опроса были ошеломляющими. 91% опрошенных признали, что им приходилось совершать те или иные преступления (в том числе и такие серьезные, как грабежи, разбои, похищения автомобилей и иных ценных вещей), за которые они не были привлечены ни к какой ответственности, поскольку их преступления остались нераскрытыми либо незарегистрированными. Аналогичные исследования проводили и другие ученые.⁶

Все эти догадки, гипотезы и открытия вплотную подвели криминологов к углублённому исследованию латентной преступности. На повестку дня была поставлена проблема постижения сущности латентной преступности, оценки её состояния, структуры и других показателей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Первым шагом в плане анализа латентной преступности как самостоятельного объекта исследования было определение понятия того, что изучается.

⁴ См.: Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. — М., 1966. — С. 54.

⁵ Лунеев В. Калькулятор для правоохранителей — предмет первой необходимости // Общая газета, 1996. — № 10.

⁶ См.: Криминология / Под. ред. Дж.Ф. Шелли. — СПб., 2003. — С. 117.

Оказалось, что сделать это не так-то просто, поскольку подходы к исследованию латентности, а соответственно, и исходные дефиниции были весьма различными.

Сегодня достаточно устоявшимся является определение преступности как совокупности преступлений. Если рассуждать чисто теоретически, то логично всю совокупность совершаемых в обществе преступлений классифицировать следующим образом:

- преступность фактическая (данное понятие охватывает все преступления, совершаемых в обществе);
- преступность зарегистрированная (эта совокупность включает все преступления, которые должным образом зарегистрированы правоохранительными органами и сведения о которых вошли в официальную отчетность, учтены государственными статистическими органами).

Поскольку далеко не все преступления регистрируются, то в структуре фактической преступности наряду с зарегистрированной можно выделить и незарегистрированную её часть. Её-то обычно и называют латентной преступностью.

Исходя из интересов практики (потребности оценить эффективность деятельности тех или иных органов, а также потребность оценить масштабы безнаказанности), отдельные авторы охватывают понятием латентная преступность, во-первых, нераскрытые преступления, а, во-вторых, совокупность всех преступников, которые, совершив преступление, остались безнаказанными. Такие подходы, хотя и не являются классическими, имеют научную и практическую ценность. Д. А. Шестаков различает неучтённость (латентность): 1) преступной государственной политики; 2) вновь возникающих видов преступлений, которые или прямо не предусмотрены уголовным законом, или, если и предусмотрены, в практике применяющих закон органов не признаются в качестве таковых; 3) преступлений, не учтённых в силу невыполнения чиновниками обязанности регистрировать соответствующие заявления; 4) преступлений, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями; 5) скрытых преступлений, известных только самим преступникам.⁷

На наш взгляд, наиболее корректной является следующая дефиниция. **Латентная преступность — это незарегистрированная государственными органами часть фактической преступности (незарегистрированная часть всей совокупности преступлений, совершаемых в обществе).**

Виды латентной преступности

Традиционным является деление латентной преступности на естественную и искусственную.

Искусственная латентность — результат деятельности правоохранительных органов. Этот вид латентной преступности охватывает все случаи сокры-

⁷ Шестаков Д. А. Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. — СПб., 2006. — С. 154.

тия преступлений представителями государства. Формы сокрытия могут быть различными. Наиболее распространенными являются следующие:

- отказ от принятия заявления по надуманным основаниям;
- принятие заявления с последующим его уничтожением и, соответственно, непринятием мер к регистрации преступления, возбуждению уголовного дела, началу расследования;
- необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела;
- необоснованное прекращение уголовного дела (в отдельных случаях сопряженное с уничтожением доказательств).

Мотивы сокрытия преступлений могут быть различными. Чаще всего в основе сокрытия лежат:

- чрезмерная загруженность работников правоохранительных органов, стремление уменьшить объем работы на службе;
- уверенность, что раскрыть преступление не удастся, на фоне стремления получить положительную оценку своей служебной деятельности;
- выполнение указаний вышестоящих руководителей;
- корыстные мотивы (получение взятки за сокрытие преступления — в денежной форме либо в форме встречных услуг).

Естественная латентность основывается на естественном стремлении практически каждого преступника скрыть свое деяние и уклониться от ответственности. Иногда к естественной латентности относят преступления, причинившие вред конкретному лицу, о которых потерпевшие не заявили в правоохранительные органы. Обычно в основе такой пассивности лежит либо страх мести со стороны преступников, либо неверие в то, что правоохранительные органы смогут восстановить справедливость и привлечь к ответственности виновных. Вряд ли такую ситуацию следует считать нормальной и естественной. Поэтому более корректно делить все латентные преступления на три группы: 1) невыявленные; 2) незаявленные; 3) скрытые.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главной методологической проблемой, которая возникает при изучении латентной преступности, является вопрос о ее познаваемости. Теоретически можно допустить существование непознаваемых явлений — таких, например, как бесконечность. Непознаваемость другой группы явлений обусловлена их так называемой трансцендентной сущностью (например, душа). Трудности познания латентной преступности лежат совсем в иной плоскости. Непознанной латентная преступность является потому, что информацию о ней утаивают люди. В принципе, о каждом из совершенных преступлений кому-то известно (преступнику, пострадавшим, очевидцам). Латентной она оказывается лишь в силу того, что эта информация не попала в орбиту правоохранительных органов, либо не была теми надлежащим образом реализована. Таким образом, мы не знаем о латентной преступности не потому, что не можем её познать, а потому что не сработали те или иные социальные механизмы

передачи информации. Сущность познания латентной преступности заключается в частичном или полном восстановлении нарушенных каналов информации и получении сведений о неизвестных ранее преступлениях (иногда в неофициальной, но приемлемой для научных целей форме). Например, потерпевший не сообщил о совершенном в отношении него преступлении в правоохранительные органы, но сообщил об этом проводившему опрос научному сотруднику.

Изложенное позволяет сделать вывод: латентная преступность в принципе познаваема. Проблема её познания заключается в разработке соответствующих методик, которые позволили бы с максимальной точностью познать её масштабы, структуру, динамику и другие характеристики. Если на определенном этапе развития человеческой мысли методы, которые бы позволили выявить латентную преступность со стопроцентной точностью, ещё не открыты, не разработаны, то задача исследователей этого феномена распадается на две части:

- во-первых, необходимо разрабатывать методы и методики изучения латентной преступности, совершенствовать процедуру их корректного научного применения с тем, чтобы с каждым этапом исследования данные об изучаемом объекте всё более и более приближались к объективным;

- во-вторых, проводить изучение латентной преступности на основе имеющегося исследовательского инструментария, поскольку информация о ней (даже с учётом ошибок репрезентативности и погрешностей, присущим тем или иным методам) имеет значительную научную и практическую ценность.

Гносеологические аспекты исследования

Две серьёзные проблемы встают перед каждым, кто приступает к исследованию латентной преступности:

- 1) на данный момент не существует надежной методики, которая позволила бы четко измерить параметры латентной преступности;
- 2) не существует экономных методик изучения латентной преступности, и это создает немало организационных и психологических проблем.

Несмотря на отсутствие надежных методик, латентная преступность исследуется достаточно активно и в нашей стране и за рубежом.

На первый взгляд парадокс, но на самом деле никакого парадокса в этом нет. Дело в том, что существует несколько видов научного знания (как форм отражения реальности):

- точное знание;
- полное знание;
- вероятностное знание;
- гипотетическое знание.

Причём нельзя сказать, что какое-то из них 1-го сорта, а какое-то — 2-го сорта. Каждый из указанных видов знания — результат различной степени проникновения в сущность исследуемого объекта. В отдельных случаях уро-

вень развития науки не позволяет более глубоко постичь предмет — поэтому приходится довольствоваться тем, что есть.

В отдельных случаях неполное знание вполне удовлетворяет потребностям практики. Например, число $p = 3,14$. Предел точности всегда должен соответствовать принципу разумной достаточности. Это, во-первых.

Во-вторых, следующее. Научный максимализм в первом приближении достаточно привлекателен. На уровне здравого смысла каждый согласится, что точное и полное знание лучше неточного и неполного. Однако на начальных этапах разработки тех или иных областей познания максимализм может оказаться не только тормозом, но и препятствием.

Отрицая этапность в познании — от неполного к полному, от гипотетического и вероятностного к точному знанию — мы можем вообще упустить возможность познания тех или иных явлений, сущность которых не лежит на поверхности.

Виды изучения латентной преступности

К видам изучения латентной преступности относятся:

- выявление латентных преступлений;
- оценка латентной преступности;
- измерение латентной преступности.

На сегодняшний день сверхзадача, стоящая перед исследователями латентной преступности, заключается в том, чтобы выйти на уровень:

- 1) измерения латентной преступности;
- 2) получения точного знания о параметрах латентной преступности (в пределах заданной погрешности).

На данный момент мы завершаем переход от оценок к измерению. По некоторым видам преступлений это весьма проблематично, но эти проблемные преступления не составляют основной массив.

Полученные нами знания о латентной преступности носят вероятностный характер. Это вероятные знания с нижним пределом точности.

Одновременно наши исследования позволяют сформулировать гипотезы, — т. е. гипотетическое знание о латентной преступности. Причём не фантазии, а именно знание, основанное на достоверно установленных научных фактах.

Организационные проблемы исследования

Одной из самых главных организационных проблем исследования является то, что для получения репрезентативных данных о латентной преступности в стране необходимо:

- во-первых, обследовать весьма значительный массив социологического материала (уголовных дел, приговоров, иных документов, провести опрос нескольких тысяч респондентов и т.д.);
- во-вторых, провести исследование в различных регионах.

Провести такое исследование по силам лишь достаточно большой исследовательской группе. Например, в нашу исследовательскую группу входило

более 130 человек. По зарубежным меркам, это достаточно скромная цифра, однако в нашей стране создать такую группу на постоянной профессиональной основе вряд ли возможно. Поэтому мы прибегали к помощи добровольных помощников: ассоциировавшихся в нашу научно-исследовательскую группу внештатных научных сотрудников, аспирантов, студентов, представителей общественных организаций, работников правоохранительных органов.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Латентная преступность многолика. Различные виды преступлений можно выявить различными методами. К их числу относятся следующие.

1. Социологическое наблюдение:
 - полное;
 - включенное.
2. Изучение документов.
3. Изучение виктимизации;
4. «Саморегистрирующаяся преступность»;
5. Статистический анализ;
6. Экономический анализ;
7. Факторный анализ;
8. Экспертные оценки;
9. Изучение общественного мнения;
10. Математическое моделирование.

Социологическое наблюдение — это целенаправленное восприятие исследователем отдельных фактов социальной жизни, тех или иных фрагментов социальных процессов.

Социологическое наблюдение бывает включённым и полным. Включённое — это такой вид социологического наблюдения, когда исследователь сам становится участником изучаемых процессов и наблюдает их как бы изнутри. Например, один из участников научно-исследовательской группы, изучавшей латентную преступность (капитан-десантник, мастер спорта по боксу), переодевшись солдатом, провел несколько дней в войсковой части. В первую же ночь старослужащие сломали ему челюсть. Изучение латентной преступности указанным методом сопряжено с определённым риском.

Полное социологическое наблюдение — это наблюдение со стороны. Исследователь наблюдает и регистрирует какие-либо явления (в нашем случае латентные преступления). Одна из участниц нашей исследовательской группы провела в метро интересный эксперимент. Она определяла, через сколько времени пассажир, небрежно относящийся к сохранности своего кошелька, может оказаться жертвой вора-карманника. В этих целях она вешала сумку через плечо так, что та оказывалась у неё за спиной. В сумке был кошелёк — его единственным содержимым была записка со словами: «Вы стали участником криминологического эксперимента». По результатам такого эксперимен-

та вычислена примерная интенсивность карманных краж в час пик. Минимальный интервал — полчаса (одна карманная кража каждые полчаса). Максимальный — три часа.

Изучение документов — классический метод социологии. Он пригоден и для изучения латентной преступности. Сведения, которые могли бы указывать на наличие латентных преступлений, можно почерпнуть в уголовных делах, постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, журналах регистрации жалоб и обращений граждан в органы внутренних дел, журналах регистрации больных в медицинских учреждениях и др. К сожалению, этот метод не позволяет получить данные, сопоставимые с результатами исследования латентной преступности другими методами. Однако в некоторых аспектах он представляет значительную ценность.

Этот метод позволяет изучить лишь часть латентной преступности — ту часть, которая должна быть выявлена в процессе прокурорского надзора и контрольной деятельности правоохранительных органов. Соответственно этот приём даёт возможность оценить эффективность прокурорского надзора и контрольной деятельности вышестоящих органов в данной сфере — это, во-первых. А во-вторых, цифра латентной преступности, полученная с помощью этого метода, должна быть меньше цифр, полученных тремя указанными выше методами. Если это соотношение нарушается, то можно делать вывод о недостоверности результатов изучения незарегистрированной преступности. Таким образом, косвенно этот метод может свидетельствовать о корректности или некорректности исследования.

Изучение виктимизации как исследовательский метод в 60-е гг. XX в. вошло в набор стандартных процедур, с помощью которых исследуют латентную преступность в развитых странах. «Виктима» — в переводе с латинского это жертва, виктимизация — процесс превращения граждан в жертв преступлений. В сочетании с методом экспертных оценок этот метод даёт достаточно высокий уровень достоверности данных о латентности преступлений, причиняющих вред определённой жертве.

На практике применяют несколько вариантов изучения виктимизации:

- неопределённый опрос (не уточняется, жертвой какого преступления стала личность и когда это произошло);
- опрос по определённым преступлениям;
- опрос о виктимизации за определённый период («Не оказались ли Вы жертвой преступления в течение 2005 года?»);
- расширенный опрос — с уточнением, обращались ли граждане за помощью в правоохранительные органы, зарегистрировали ли там информацию о преступлении, нашли ли преступника, осудили ли его (иногда с уточнением причин — почему не обращались, почему не были приняты меры?).

По результатам опроса рассчитывается, какой процент опрошенных граждан оказался жертвой преступлений. Эта цифра характеризует преступность,

причиняющую вред жертвам. Ее сопоставление с данными официальной статистики позволяет рассчитать масштабы латентной преступности. Если проводился расширенный вариант опроса, то расчёт латентной преступности можно делать непосредственно на основе результатов интервьюирования.

Метод «саморегистрирующейся преступности» впервые был применён в ряде зарубежных государств в 40-х гг. прошлого века при опросе молодых людей, отправляющихся на службу в вооружённые силы. К удивлению многих, до 90% опрошенных утвердительно ответили на вопрос о совершении ими какого-либо преступления. С тех пор суть указанного метода (опрос на предмет, не совершали ли опрашиваемые каких-либо преступлений) не менялась, однако процедура применения его постоянно совершенствовалась в направлении обеспечения анонимности опроса. Надо заметить, что обеспечение анонимности, как правило, повышает достоверность опросов — в данном же случае с учётом характера вопросов это особенно актуально.

В практике изучения латентной преступности применялись следующие варианты этого метода:

- неопределённый опрос («Совершали ли какое-либо преступление в течение всей жизни?»);

- анкетирование с определением конкретных преступлений (опрашиваемым предлагается перечень преступлений: совершённое подчеркнуть; если факты имели место неоднократно — цифрой указать, сколько раз за определённый период).

Статистический анализ — многоплановый метод. В аспекте изучения латентной преступности нас интересует сопоставление цифр, характеризующих различные виды преступлений, а также параметры динамики преступности. Например, если зарегистрировано хранение наркотических веществ, то логично предположить, что этому предшествовало соответствующее число фактов их приобретения, а также производства или хищения. Если указанные деяния (приобретение, производство, хищение, сбыт наркотических веществ) не нашли отражения в официальной отчётности, число таких латентных преступлений несложно рассчитать.

Экономический анализ применительно к изучению латентной преступности заключается в сопоставлении статистических данных о количественной стороне различных процессов в экономической сфере. Например, можно сопоставить две цифры: во-первых, сколько кубометров леса-кругляка переработано в регионе и вывозится из региона, и, во-вторых, на заготовку какого количества леса государственные органы дали официальное разрешение. На основе такого анализа несложно рассчитать, какое количество леса вырубается незаконно. Еще один пример: по данным национального ведомства морского рыболовства США, несмотря на запрет промыслового вылова краба в приморье на всех Курильских островах и у западной Камчатки, российские краболовы за один сезон 2004 г. провели через таможню японских рыбных

портов и сдали живого камчатского краба 20,9 тыс. тонн. Это при том, что в указанном году все квоты Дальневосточного морского бассейна не превышали 6,3 тыс. тонн⁸.

Метод факторного анализа основан на том, что различные социальные явления и процессы взаимосвязаны. Если нам удаётся установить зависимость между двумя явлениями и измерить величину этой связи, то по изменению одного явления мы сможем судить о том, как меняется другое, находящееся в зависимости от него. Особую ценность этот метод имеет в том случае, когда удастся выявить связь между феноменами явными и скрытыми (например, между уровнем безработицы и уровнем фактической преступности). Изменяя параметры тех явлений, которые легко выявить (исследуя их динамику), мы сможем рассчитывать параметры латентных феноменов.

Этот исследовательский метод относится к числу чрезвычайно сложных, поскольку, во-первых, преступность — явление многофакторное, причём одни факторы детерминируют рост преступности, а другие — снижение. Учесть все факторы не просто, и в этом заключаются трудности первого этапа разработки метода. Во-вторых, значительную сложность представляет измерение коэффициентов зависимости преступности от тех или иных факторов.

Суть **метода экспертных оценок** заключается в том, что определённые лица обладают информацией о латентной преступности. Источником этой информации является их личный опыт. По тем или иным причинам эта информация не была реализована в соответствии с законной процедурой. Метод экспертных оценок допускает интуитивизм и гипотетичность суждений, однако интуиция и гипотезы, содержащиеся в оценках экспертов, — это не фантазии, а обоснованные предположения.

В процессе исследований привлекались в качестве экспертов учёные, работники правоохранительных органов, судей. Углублённый анализ источников их информированности о латентной преступности показывает, что можно выделить три группы первоисточников:

- лица, совершающие преступления;
- лица, имеющие отношение к криминальной среде;
- должностные лица, собирающие информацию о преступниках и гражданах, имеющих отношение к криминальной среде.

В разряд латентных попадают преступления тех, кого они не смогли разоблачить, задержать, либо отказались от этого по тем или иным причинам. В отдельных случаях ценной информацией о преступниках и совершённых ими преступлениях обладают те, кто общается с ними после задержания или осуждения. Во время бесед преступники нередко выдают весьма ценную в плане изучения латентной преступности информацию.

⁸ См.: Номоконов В.А., Хренков О.В. Особенности криминального рынка и его связи с организованной преступностью на Дальнем Востоке России // Преступность, криминология, криминологическая защита. — М., 2007. — С. 25.

Оценки экспертов по каждому составу преступления анализируются и обрабатываются следующим образом: 1) исключаются самая высокая и самая низкая оценки; 2) все оценки суммируются, и выводится средняя арифметическая величина. Эти приёмы позволяют уменьшить элемент случайности и субъективизма при использовании указанного метода.

Изучение общественного мнения по различным вопросам может преследовать две цели: во-первых, мониторинг общественного сознания; во-вторых, изучение реальных явлений социальной жизни через отражение их в сознании масс.

Одним из аспектов общественной опасности преступности является рождаемый ею страх, тревога, утрата людьми ощущения безопасности. В этом смысле, даже если бы общественное мнение не отражало реальной картины фактической преступности, изучение его не было бы лишено смысла. Если люди полагают, что преступность в обществе очень велика — это симптом социального недуга. Это значит, что граждане не верят официальной информации, они полагают, что государство недостаточно эффективно борется с преступностью. Чрезмерно завышенные представления о распространенности криминального образа жизни могут подтолкнуть отдельных граждан на путь совершения преступлений. В этом ракурсе общественное мнение о преступности — самостоятельная сложная и актуальная проблема, изучение которой может вскрыть немало латентных социальных пороков.

Исследования показывают, что ценность изучения общественного мнения о латентной преступности только этим не ограничивается. В отношении некоторых видов преступлений общественное мнение может быть достаточно объективным источником информации об уровне латентности.

Метод моделирования относится к числу классических. Этот метод является одним из основных способов познания окружающей реальности. Моделирование — это воспроизведение картины мира ограниченными средствами. Самой экономичной формой моделирования (и как показывает опыт, одной из самых эффективных) является математическое построение модели того или иного явления, того или иного процесса. Математическое моделирование социальных процессов давно и широко практикуется. В этом смысле нет никаких методологических препятствий к моделированию латентной преступности. При изучении латентной преступности этот метод практически не применялся в связи с тем, что важнейший компонент моделирования — коэффициенты латентности различных видов преступлений — могут быть рассчитаны лишь эмпирическим путём (точно так же рассчитываются многие коэффициенты в таких областях физики, как гидравлика или сопромат). Это означает, что, прежде чем применить метод моделирования, необходимо достаточно долго изучать латентную преступность другими методами — и именно этими методами добыть информацию о фактической преступности (а на основе этой информации рассчитать коэффициенты латентности).

Комплексные методики

Указанные методы могут быть объединены в комплексные методики:

- изучение латентной преступности на объекте;
- изучение латентной преступности в контингенте.

Методика изучения латентной преступности на объекте включает следующие методы:

- метод экспертных оценок;
- метод социологического наблюдения;
- изучение документов;
- анализ виктимизации.

Особенность данной методики заключается в том, что указанные методы применительно к конкретному учреждению, предприятию, войсковой части, исправительной колонии позволяют получить более точную информацию.

Ценность этой методики можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, при масштабном применении этого метода можно получить относительно целостную картину преступности в войсках, в местах лишения свободы, в учебных заведениях и других крупных сферах социальной жизни. Если деление на сферы проведено корректно и исследования достаточно репрезентативны, то суммирование данных изучения различных сфер социальной жизни позволяет получить информацию о фактической преступности в обществе. Это трудоёмкая, но достаточно результативная процедура. Во-вторых, такие исследования дают более или менее точную оценку криминальной ситуации на конкретном объекте (например, в войсковой части, на корабле, в исправительном учреждении, в учебном заведении). А это, в свою очередь, даёт возможность оценить деятельность конкретных лиц и разработать адресные меры по предупреждению преступлений.

К числу несомненных достоинств данной методики можно отнести следующее:

- значительно повышается достоверность экспертных оценок, поскольку уровень информированности экспертов при правильном их отборе иногда приближается к исчерпывающей полноте;
- методы, дающие информацию, несопоставимую в масштабах большого региона, в рамках одного объекта могут оказаться сопоставимыми и взаимодополняющими.

Суть **методики исследования латентной преступности в контингенте** заключается в исследовании латентной преступности в большой однородной группе людей. Однородность этой группы позволяет с высокой степенью вероятности интерполировать результаты обследования выборочной совокупности на весь контингент. Примерами таких контингентов являются студенты, автомобилисты, владельцы дачных домов, беспризорники, военнослужащие, проходящие службу по призыву, и др. При исследовании латентной преступности в контингенте могут с успехом применяться различные методы.

Мы оценили в качестве наиболее продуктивных в рамках данной методики следующие методы: анализ виктимизации и метод «саморегистрирующейся преступности».

Достоинства этой методики определяются тем, что исследования в контингенте позволяют получить отличающуюся высокой степенью достоверности информацию об отдельных преступлениях, наиболее характерных для данного контингента:

- применительно к студентам — это дача взяток преподавателям и кражи;
- применительно к автомобилистам — это дача взяток работникам милиции;
- применительно к беспризорникам — кражи, хранение наркотических веществ, побои;
- применительно к военнослужащим, проходящим службу по призыву, — нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Развитием этой методики является **криминологическая стратификация общества** — деление общества на определённые страты (социальные слои, социальные группы, контингенты), изучение фактической преступности в каждом страте, а затем интегрирование полученной информации. Таким образом, в итоге получаются данные о фактической и латентной преступности в обществе.

Первые исследования латентной преступности в контингентах показывают, что эта методика, вероятно, «ухватывает» информацию о латентной преступности с высокой степенью полноты. Цифры получаются очень большие. Например, опрос 1480 студентов различных вузов Москвы и других регионов показал, что 59% из них, как минимум, два раза в год (один раз в сессию) дают взятку преподавателям за выставление положительной оценки. Тарифы взятки: от 500 рублей за один зачёт до 10 тыс. рублей за сдачу всей сессии. С учётом общей численности студенческого контингента в России, которая согласно официальной статистике составляет 5,6 млн.чел., нетрудно оценить масштабы этого преступления — примерно 3,3 млн. фактов дачи и получения взятки.

Довольно интересные результаты были получены при проведении опроса среди беспризорников, в котором участвовало 456 человек. 74% опрошенных признались в совершении преступлений, за которые не были привлечены к уголовной ответственности. При этом среди преступлений, наиболее часто совершаемых в этой среде, были названы следующие: кражи — 47%, хранение наркотических веществ — 27%, грабежи — 15%, побои и иные преступления — 11%. Если учесть, что почти каждый из опрошенных совершил не одно преступление и по самым скромным подсчётам в стране насчитывается не менее 2 млн. беспризорных детей, преступность в данном контингенте минимально можно оценить следующим образом: кражи — 940

тыс., хранение наркотических веществ — 540 тыс., грабежи — 300 тыс., побои и иные преступления — 220 тыс. фактов преступных деяний.

Не менее интересны результаты исследования, проведённого среди автомобилистов на предмет дачи взятки работникам милиции. В общей сложности было опрошено 1297 водителей, из них 39,4% признались, что за год взятку давали не менее 4—5 раз; 21,2% сообщили, что взятку приходилось давать практически при каждой поездке на дальние расстояния (более 100 км). Поскольку согласно сведениям ГИБДД в стране насчитывается порядка 49 млн. водителей, можно без труда определить реальное количество преступлений — минимум 29,5 млн. фактов дачи и получения взяток.

Есть немало оснований полагать: если отработать методику криминологической стратификации общества и провести на её основе широкомасштабное исследование, то удастся получить данные о латентной преступности в обществе, весьма близкие к объективным. Методика эта является очень сложной и трудоёмкой. Однако уже сегодня можно с уверенностью прогнозировать: эффективность её будет высокой.

Модификацией указанной методики является **изучение латентной преступности в определённой сфере социальной жизни** (внешнеэкономическая деятельность, приватизация, промышленность, сельское хозяйство, госслужба и т. д.). Углублённые исследования преступности в определённой сфере позволяют существенно повысить их достоверность. Будущее в изучении латентной преступности принадлежит именно этим методикам.

Исследовательские структуры

В 2001 году по инициативе И.Э. Звечаровского в Российской правовой академии Министерства юстиции РФ при кафедре уголовного права и криминологии была создана лаборатория изучения латентной преступности (штатная численность — 8 научных сотрудников). Вскоре руководителем лаборатории была назначена А.А. Корсантия, которая организовала и провела ряд интересных исследований, в том числе исследование латентной преступности в Чеченской республике (ответственным исполнителем этой темы был Ю.З. Заурбеков).

В 2003 г. в свет вышло первое издание «Латентная преступность в РФ: 2001—2002», где были опубликованы результаты пилотажных исследований латентной преступности.

В 2006 г. указанная лаборатория в РПА МЮ РФ была ликвидирована. Однако ставший ректором Академии Генеральной прокуратуры РФ И.Э. Звечаровский пригласил туда сотрудников лаборатории.

В НИИ Академии Генеральной прокуратуры в апреле 2007 г. был создан отдел латентной преступности и криминологического прогнозирования. В связи с указанием организационным мероприятием перерыва в исследовании латентной преступности практически не было. В 2007 г. была опубликована

монография «Латентная преступность в РФ: 2001–2006», в которой нашли отражение результаты наших исследований за пять лет.

С первых дней существования нашего исследовательского коллектива мы поставили перед собой две принципиальные задачи:

— во-первых, исследование латентной преступности мы будем проводить не вообще, а конкретно по видам преступлений — по всем статьям Особенной части УК РФ (за исключением воинских преступлений, что вызвано соображениями секретности);

— во-вторых, перспективной задачей было получение данных о латентной преступности по каждой статье Особенной части УК не менее чем двумя методами, чтобы появилась возможность взаимоверификации и чтобы можно было обеспечить хотя бы минимально приемлемый уровень достоверности информации.

Некоторые результаты исследования

Проведённые исследования позволяют сопоставить различные данные о зарегистрированной и незарегистрированной преступности. Расчётные показатели фактической преступности в 2006 г. составили 25,21 млн. преступлений, латентной — 21,36 млн. преступлений.

Таким образом, цифра зарегистрированной преступности (3,86 млн. преступлений) в 5,5 раз меньше цифры латентной и в 6,5 раз меньше показателей фактической преступности.

Динамика фактической преступности за период с 2001 по 2006 г. характеризуется ростом (см.табл. 1).

Таблица 1

Динамика фактической преступности за период 2001–2006 гг. (млн)

2001	2002	2003	2004	2005	2006
20,717	21,673	22,406	23,144	24,309	25,212

Фактическая преступность за указанный период росла на 3?5% в год. Несколькo иной была в этот период динамика зарегистрированной преступности (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика зарегистрированной преступности за период 2001–2006 гг. (млн)

2001	2002	2003	2004	2005	2006
2,968	2,526	2,756	2,893	3,554	3,855

Из этой таблицы видно, что в 2002 г. преступность резко снизилась на 442 тыс., а в 2005 г. её показатели, наоборот, резко «подскочили» — на 661 тыс.

В определённой мере причину этого несоответствия раскрывает анализ динамики латентной преступности (см. табл. 3).

Таблица 3

Динамика латентной преступности за период 2001–2006 гг. (млн)

2001	2002	2003	2004	2005	2006
17,749	19,147	19,650	20,251	20,755	21,357

Как видно из таблицы, латентная преступность в течение указанного периода непрерывно росла. При этом в 2002 г. её рост был наиболее интенсивным (+7,9%), а в 2005 г. — наименее интенсивным (+2,5%).

Мы видим, что в 2002 г., когда было зарегистрировано резкое снижение преступности, прирост латентной преступности был самым большим за шесть лет, а в 2005 г., когда был зарегистрирован интенсивный рост преступности, прирост латентной преступности был значительно меньше. Это сопоставление даёт основание предположить, что в 2002 г. снижение зарегистрированной преступности происходило за счёт ухудшения регистрации, т. е. за счёт роста латентности. А в 2005 г. удалось зарегистрировать большую долю фактической преступности, поэтому увеличение латентной преступности в этом году было менее интенсивным.

На графике (рис. 1) эта зависимость хорошо просматривается: там, где зарегистрированная преступность идёт вниз, угол подъёма графика латентной преступности особенно велик, а там, где зарегистрированная преступность резко идет вверх, угол подъёма латентной преступности уменьшается.

Рис.1. Динамика состояния зарегистрированной и латентной преступности (2001–2006 гг.)

Анализ динамики структуры латентной и зарегистрированной преступности позволяет увидеть, какие преступления (по степени тяжести) чаще скрываются от учета (рис. 2, 3). К таким преступлениям в первую очередь относятся преступления небольшой тяжести.

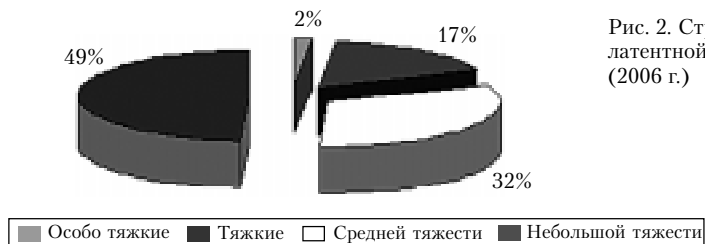

Рис. 2. Структура латентной преступности (2006 г.)

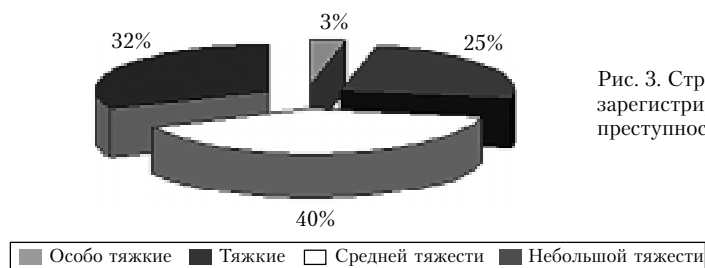

Рис. 3. Структура зарегистрированной преступности (2006 г.)

Сопоставление структуры зарегистрированной и фактической преступности дает основание для выделения четырёх групп преступлений:

- особо высоклатентные (коэффициент латентности выше 20,0);
- высоклатентные (коэффициент латентности выше 5,0);
- низклатентные (коэффициент латентности ниже 2,0);
- преступления промежуточной группы (коэффициент латентности изменяется в интервале от 2,0 до 5,0).

По данным наших исследований, к особо высоклатентным относятся, в частности, такие преступления, как дача и получение взяток, уклонение от уплаты налогов с организаций, уклонение от прохождения военной и альтернативной службы, незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества, и др.

Высоклатентными являются следующие преступления: умышленное причинение легкого вреда здоровью, побор, торговля людьми, использование рабского труда, оскорбление, кража, мошенничество, вымогательство, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, и др.

К низклатентным преступлениям относятся: убийство в состоянии аффекта, причинение тяжкого вреда в состоянии аффекта, террористический акт, разбой, изготовление и сбыт поддельных денег и др.

Приведённые на рис. 4–8 диаграммы показывают структуру фактической преступности в целом и по отдельным группам преступлений.

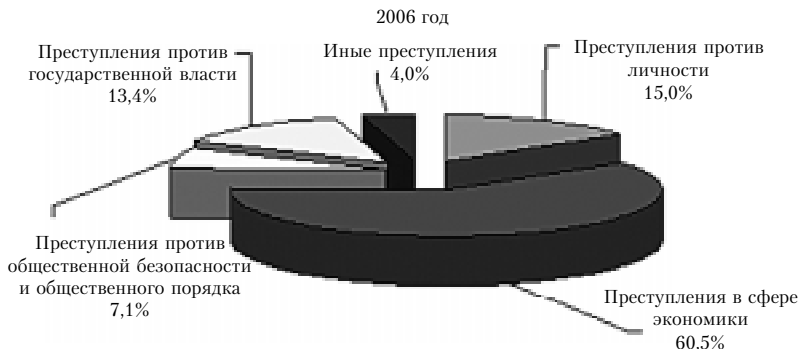

Рис. 4. Структура фактической преступности (по рассматриваемым группам преступлений)

Рис. 5. Структура фактической преступности в группе преступлений против личности

Рис. 6. Структура фактической преступности в группе преступлений в сфере экономики

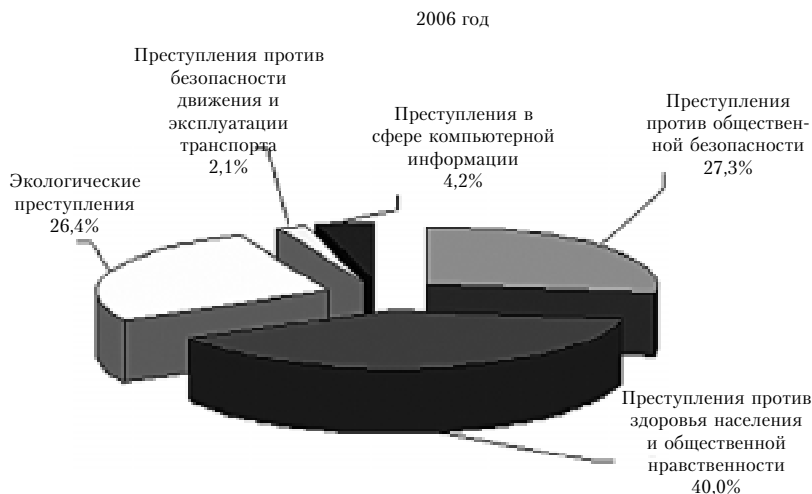

Рис.7. Структура фактической преступности в группе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка

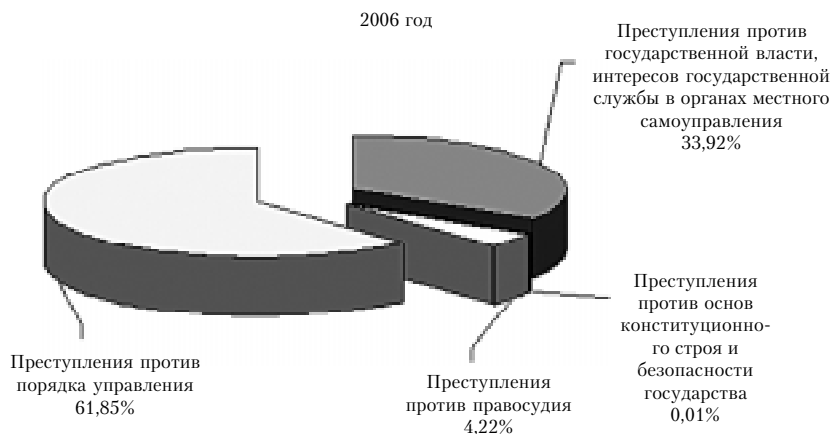
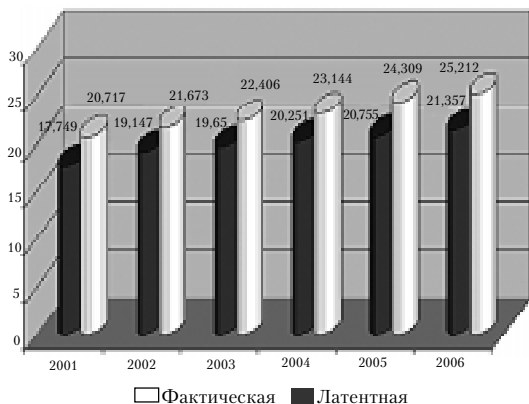

Рис.8. Структура фактической преступности в группе преступлений против государственной власти

На рис. 9 представлена диаграмма, иллюстрирующая динамику латентной и фактической преступности за период с 2001 по 2006 г.

Рис.9. Динамика латентной и фактической преступности за период 2001–2006 гг. (млн)

ЛАТЕНТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

В середине прошлого века квантовая физика открыла перед людьми совершенно иную картину мира, изменила привычные представления об окружающей нас реальности. Не исключено, что исследование латентной преступности позволит постичь неизвестные грани социального бытия, раскроет новые аспекты отношений социума и криминального феномена.

Первое, что бросается в глаза при сопоставлении зарегистрированной и латентной преступности, — парадокс, заключающийся в следующем: по мере повышения объективации оценки преступности её показатели растут (от 3,8 млн до 25,21 млн). Совершенно противоположная тенденция характеризует государственное реагирование на преступность (см. рис.10, 11).

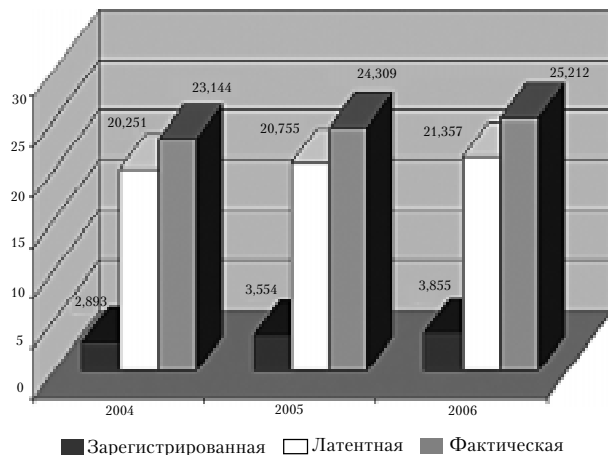

Рис.10. Соотношение зарегистрированной, латентной и фактической преступности за период 2004–2006 гг. (млн)

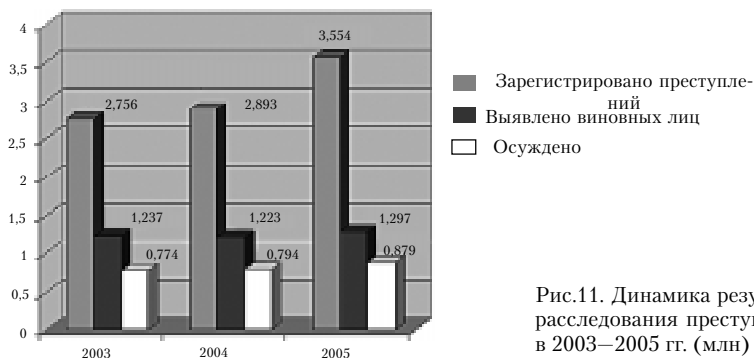

Рис.11. Динамика результатов расследования преступлений в 2003–2005 гг. (млн)

Второй парадокс таит цифра латентности. Вся функционирующая в обществе правоохранительная система, включающая органы раскрытия преступлений, следствия, правосудия, исполнения наказаний, по своей «мощности» более или менее соответствует масштабам зарегистрированной преступности. Почти во всех государствах эта система функционирует с перегрузкой. Именно в силу этой перегрузки многие преступления не регистрируют и скрывают. Выявить, раскрыть и расследовать все латентные преступления данной системе не по силам.

Одним из стереотипов общественного сознания является императив отрицания криминала. Суть данного императива заключается в следующем: каждое преступление должно быть выявлено и раскрыто, каждый преступник должен быть пойман и наказан. В этом императиве скрыт социальный идеал. На первый взгляд, указанный идеал весьма привлекателен. Парадокс заключается в том, что достижение его в современных условиях потребует огромного количества ресурсов государства, что, скорее всего, начнет отрицать социальное развитие. В перспективе решение этой дилеммы возможно в двух направлениях:

- существенное увеличение ресурсов государства, при котором оно сможет безболезненно увеличивать затраты на противодействие преступности (эта стратегия в значительной мере уже сегодня реализуется в США);

- значительное повышение эффективного воздействия на преступность, что позволит при малых затратах получать серьёзные результаты (интенсивное развитие науки позволяет прогнозировать серьёзные позитивные сдвиги в этом направлении).

Не исключено, что через несколько десятков лет практика воздействия на преступность будет иметь совершенно иные сущностные характеристики (уменьшатся степень жесткости воздействия и уровень затратности, увеличится эффективность). Однако уже сегодня необходимо реагировать на высокий уровень латентной преступности. Скорее всего, наиболее эффективным

подходом окажется перегруппировка сил, усиление главного направления воздействия за счёт второстепенных.

Если мы проанализируем структуру латентной преступности, то увидим, что 1/5 часть составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. В абсолютных показателях это порядка 4 млн. преступлений в год — цифра, примерно равная всей зарегистрированной преступности.

Сопоставление этих цифр позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, на эффективную борьбу с тяжкими и особо тяжкими латентными преступлениями у государства ресурсов достаточно. Это направление воздействия на преступность необходимо усилить и полностью обеспечить (в материальном, кадровом, научном отношении).

Во-вторых, следует существенно усилить борьбу с расхищением государственных ресурсов и неэффективным их распоряжением. Это позволит выделить дополнительные средства на противодействие преступности.

В-третьих, значительное число преступлений небольшой тяжести, вероятно, имеет смысл переоценить с позиций декриминализации. Многие конфликты, оцениваемые ныне как преступления, можно было бы эффективно разрешать в рамках гражданского судопроизводства. К таковым относятся, например, злоупотребления при эмиссии ценных бумаг, злостные уклонения от предоставления инвестору информации, подкуп участников спортивных соревнований, незаконное использование товарного знака.

Раскрытие и расследование этих деяний сегодня забирает ресурсы, которые следует направить на борьбу с такими преступлениями, как убийство, бандитизм, истязание, пытки, похищения людей, торговля людьми, принуждение к изъятию органов для трансплантации, использование рабского труда и т. п.

В-четвертых, процедуру досудебного и судебного производства по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, целесообразно существенно упростить, а меры государственного реагирования на такого рода деяния сделать более экономичными и гуманными.

Исследование латентной преступности ставит перед нами немало сложных проблем, преодолеть которые непросто. Однако их решение позволит повысить эффективность социального воздействия на преступность, существенно уменьшить общественную опасность преступности.

ВЫВОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГИПОТЕЗЫ

1. Одним из первых и, на мой взгляд, очень важных результатов наших исследований является следующее. В процессе семилетнего изучения латентной преступности мы усложняли и совершенствовали исследовательскую методику с тем, чтобы повысить достоверность информации. При этом все усилия по совершенствованию методики исследования приводили к тому,

что получаемые цифры, характеризующие латентную преступность, росли. Сегодня можно уверенно констатировать: уровень латентной преступности в нашей стране никак не ниже тех показателей, которые мы зафиксировали в ходе исследования.

2. Второй принципиальный вывод заключается в том, что латентная преступность поддается изучению. То, что мы мало о ней знаем, — это результат того, что государство и общество не готово выделить достаточное количество ресурсов для её всеобъемлющего изучения.

3. Исследования латентности открывают новый взгляд на криминологический феномен, позволяют по-новому оценить не только его масштабы, но и сущностные характеристики.

Есть достаточно оснований для выдвижения гипотезы о том, что уровень фактической преступности очень велик, он измеряется сотнями миллионов преступлений в год. Наше сознание сегодня с трудом воспринимает эту цифру. Задача исследователей — получить точные цифры и открыть новые горизонты криминологии.

4. Криминологам необходимо объединять усилия для совместных исследований. Интегрирование наших усилий может вывести криминологические исследования на новый уровень.

Нильс Бор однажды заметил, что настоящее учёные должны проводить такие исследования, при размышлении о которых начинает кружиться голова. Криминология будущего — это наука, проблемы которой будут решать большие творческие коллективы, проводящие такие исследования, которые имел в виду великий физик.

Д. А. Шестаков*

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ, ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

(В связи с докладом профессора С. М. Иншакова на заседании Санкт-Петербургского криминологического клуба 29 февраля 2008 года)

1. КОЛЛЕКТИВИЗМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Прав профессор С. М. Иншаков, полагающий, что сегодня латентность преступности относится к числу приоритетных проблем криминологии. Прав он и в том отношении, что, по его мнению, адекватно социологически отслеживать неучтённую часть преступности под силу только большому коллективу работников. В связи с этим можно приветствовать появление в 2007 году в Научно-исследовательском институте Академии Генеральной прокуратуры РФ Отдела латентной преступности и криминологического прогнозирования. Отдел создан по инициативе ректора академии, специалиста в области уголовного права И. Э. Звечаровского Отдел продолжил исследование латентности преступности, которое группой специалистов под руководством А. А. Корсантия успешно проводилось в период с 2002 по 2006 год. Отдел возглавил известный учёный-криминолог Сергей Михайлович Иншаков — автор учебников по криминологии и военной криминологии, основательного исследования зарубежной криминологии. В своё время Сергей Михайлович одним из первых поддержал разрабатываемый в невско-волжской криминологической школе нетрадиционный подход к понятию преступности и, как известно, внёс свою лепту в развитие теории этого явления. Сам он определяет преступность как *состояние общества* (курсив наш. — Д. Ш.), при котором регулярно совершается значительное количество преступлений — такое количество, что граждане воспринимают совершение преступлений как закономерность.¹ Деятельность отдела — прорыв в познании с применением более или менее точных методов изучения подлинных размеров преступности нашего российского общества.

2. КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ, МЕТОДИКИ, РАЗМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевое понятие проведённого исследования С. М. Иншаков определяет следующим образом: латентная преступность — это незарегистрированная

*Дмитрий Анатольевич Шестаков — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия).

© Д. А. Шестаков, 2009.

¹ *Иншаков С. М.*: 1) Криминология. Преступность как свойство общества: Учебник. — М., 2000. — С. 29; 2) Военная криминология: Учебник. Книга первая. — М., 2001. — С. 47; 3) Зарубежная криминология. — М., 1997.

государственными органами часть фактической преступности (незарегистрированная часть всей совокупности преступлений, совершаемых в обществе).² Это определение кажется нам, впрочем, несколько недоработанным, оно отстает от развития теории преступности, находится в противоречии с приведенной выше дефиницией преступности в целом, предлагаемой самим С. М. Иншаковым. Если преступность — это *состояние общества*, если она подобна магнитному полю (полю *социальной напряжённости*), в котором находятся магнит (*причины преступлений*) и намагниченные объекты (*совокупность преступлений*), как очень удачно пишет С. М. Иншаков,³ иллюстрируя нашу семантическую концепцию преступности,⁴ то едва ли вообще можно говорить о «латентной преступности». Говорить следует о латентных преступлениях (незарегистрированная часть всей совокупности преступлений или преступного множества) либо, ещё лучше, о латентной части преступности (латентность преступлений плюс латентность их причин).⁵ Кроме того, вполне корректным полагаем употребляемое нами словосочетание *латентность преступности*, обозначающее неучтённую часть сложного явления преступности, состоящего в воспроизводстве преступлений.

То, что учёные, преодолевшие традиционное сведение явления преступности к совокупности преступлений, всё же не спешат привнести свой более высокий уровень осмысления предмета криминологии в практическую плоскость эмпирических исследований, симптоматично.⁶ Наверное, это связано с опасением возможного непонимания, в особенности со стороны практиков, не поспевающих за развитием криминологии.

Тем не менее, исследование латентности преступности (будем придерживаться этого названия), представленное С. М. Иншаковым совместно с возглавляемой им группой учёных (А. А. Корсантия, И. В. Максименко, В. Ю. Дроздов, И. В. Крупнов, А. И. Хомяков, Н. С. Черных, В. А. Шакина, В. А. Шестак), производит впечатление обширного, глубоко и достоверного.

Оно осуществлено с размахом, о чём, в частности, свидетельствует достаточно большое по российским меркам число исполнителей. Кроме того, научному коллективу оказывали содействие 137 внештатных сотрудников. Исследователи применили множество известных методик изучения преступности:

² См. также: *Латентная преступность в Российской Федерации: 2001 – 2006* // Под ред. С. М. Иншакова. — М., 2007. — С.

³ *Иншаков С. М.*: 1) Криминология: Учебник. — С. 29; 2) Военная криминология: Учебник. Книга первая. — С. 47.

⁴ О семантической концепции «преступность — свойство человека общества, глобального общества воспроизводить преступления» и доктрине социальных подсистем см., напр., *Шестаков Д. А.* Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. — СПб., 2006. — С. 134–141.

⁵ По-немецки это звучит близко к нашему пониманию: *Dunkelfeld* — тёмное поле.

⁶ См.: здесь, *Семёнов С. Е.* Понятие таможенной преступности и её показатели.

экспертные оценки, метод «саморегулирующейся преступности», изучение документов, факторный анализ, моделирование на основе коэффициентов латентности и др. Ряд методик усовершенствовался в процессе работы, приспособился к задачам исследования. Так при употреблении методики изучения преступности определённых контингентов формируется исследовательской группой методика более высокого уровня, адресованная к «криминологическим стратам». Модификацией «стратовой» методики становятся методы изучения латентности преступности определённых сфер социальной жизни (внешнеэкономическая деятельность, приватизация, промышленность, сельское хозяйство, государственная служба и т. д.).⁷ Это было многоплоскостное исследование, обращённое к различным респондентам (студенты, военнослужащие, беспризорные, водители и т. д.), а также к разным сферам общественной жизни (система образования, армия, уголовно-исполнительная система и др.).⁸ Исследование проводилось в 52 городах и населённых пунктах различных регионов России. При этом было опрошено более 25 тыс. чел., изучено около 800 уголовных дел и 600 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.⁹

3. ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Большую заслугу исследователей составляет расчёт средневзвешенных по России коэффициентов латентности отдельных видов преступлений. В нижеследующем абзаце они приводятся в скобках.

По данным исследования, к *особо высоколатентным* относятся, в частности, такие преступления, как дача и получение взяток (81,76), уклонение от уплаты налогов с организаций (18,31), уклонение от прохождения военной и альтернативной службы (34,12), незаконное культивирование запрещённых к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (23,36), и др. *Высоколатентными* являются: умышленное причинение лёгкого вреда здоровью (14,02), побои (15,56), торговля людьми (19,23), использование рабского труда (39,95), оскорбление (18,85), кража (7,52), мошенничество (7,83), вымогательство (7,27), легализация денежных средств, приобретённых преступным путём (11,56), и др. Пятую часть неучтённых преступлений составляют тяжкие и особо тяжкие. В абсолютных показателях это около 4 млн преступлений в год — число, близкое к числу всех зарегистрированных преступлений.¹⁰

Представляемое исследование позволило его исполнителям сопоставить данные о зарегистрированных и незарегистрированных преступлениях. Так,

⁷ *Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006.* — С. 70.

⁸ *Там же.* — С. 63.

⁹ *Там же.* — С. 10, 63, 72–74.

¹⁰ См.: *там же.* — С. 43–44, 317–329.

расчётная совокупность всех совершённых преступлений (преступное множество) в 2006 г. составила 25,21 млн. преступлений, латентная его часть — 21,36 млн. преступлений. Зарегистрировано преступлений (3,86 млн.), что в 5,5 раз меньше количества латентных преступлений и в 6,5 раз меньше фактической совокупности преступлений.¹¹ Результаты, полученные в ходе кропотливой, «точной» работы, обладают, по нашему мнению, высокой научной и практической ценностью.

Это то, что можно констатировать на сегодняшнем уровне познания латентности. Однако в докладе, сделанном на теоретическом семинаре Санкт-Петербургского криминологического клуба, С. М. Иншаков сообщил, что проведённое возглавляемым им коллективом изучение латентности преступности даёт достаточно оснований для выдвижения гипотезы, согласно которой действительный уровень фактической преступности значительно больше, он измеряется в нашей стране сотнями миллионов преступлений в год. Эту гипотезу ещё предстоит тщательно проверить.

4. ПРИЧИНЫ ЛАТЕНТНОСТИ

Обобщая результаты исследования, С. М. Иншаков подразделяет латентность преступности традиционно на искусственную и естественную, по существу он называет факторы, обуславливающие обе разновидности латентности. Например, чрезмерную загруженность работников правоохранительных органов, их стремление уменьшить объём работы на службе; уверенность, что раскрыть преступление не удастся, на фоне стремления получить положительную оценку своей служебной деятельности; выполнение указаний вышестоящих руководителей; корыстные мотивы — применительно к искусственной латентности. Стремление преступников скрыть своё деяние и др.— применительно к естественной латентности.

При этом всё же полагаем, следует иметь в виду и иные факторы современного, как его теперь принято называть, рискованного общества, среди которых применительно к латентности преступности в литературе упоминаются, например, возросшие возможности информационных технологий, затрудняющие выявление преступлений,¹² трудности контроля быстро действующего международного финансового рынка,¹³ запутанную организацию международно действующих концернов, сплетённую внутри множества национальных территорий,¹⁴ осуществление преступной агрессии по существу

¹¹ См. *там же*. — С. 41.

¹² Sieber. Verantwortlichkeit im Internet — Technische Kontrollmöglichkeiten und multimediale Regelungen. — München, 1999. — S. 96.

¹³ Landmann V. N. J. Verbrechen als Markt. Zur Ökonomie der Halbwelt und der Unterwelt. 2. Auflage. — Zürich, 2006; Shams. Legal globalization, money laundering and other cases. — London, 2004. — P. 99—100.

¹⁴ Tillmann. Global pirates, Fraud in the offshore insurance industry. — Boston, 2002.

нелегитимными частными военными компаниями¹⁵ и др. В современном обществе способствует латентности гигантских по масштабам как корыстных, так и насильственных организованных преступлений формирование надгосударственной глобальной власти, ассоциирующейся нередко с деятельностью транснациональных корпораций. О транснациональных корпорациях пишут, что это необычайно кровожадные, опасные и лукавые монстры, суть которых холодное стремление к прибыли. Неведомые гигантские силы стремятся к своей неведомой цели, направляя человечество к смерти. Ради прибыли они хищнически истребляют ресурсы, загрязняют планету, стравливают между собой народы, культивируют потребительское мировоззрение.¹⁶ Будучи служителями золотого тельца, транснациональные корпорации олицетворяют собой противоположность духовности. В современном мире они уже подчиняют себе правительства и государства.

5. ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ДОКТРИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ. ЛАТЕНТНОСТЬ ПРИЧИННОСТИ И ЛАТЕНТНОСТЬ «НЕКРИМИНАЛИЗИРОВАННЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ. УРОВНИ ЛАТЕНТНОСТИ

Следуя семантическому понятию преступности, которым, как известно, наряду с множеством совершаемых в обществе преступлений охватываются и причины их воспроизводства, надо особо изучать латентность причин преступлений. (Не путать с причинами латентности, о которых сказано выше.) Было бы хорошо, чтобы специалисты по латентности задумались над тем, почему в стране так часто происходят «несчастные случаи» с политически влиятельными людьми,¹⁷ кто раздувает «ксенофобию» в России, в чём причины совершаемых сегодня с применением армий и частных военных компаний преступлений против человечества и воинских преступлений. Свежим примером тому служит разрушение столицы Южной Абхазии г. Цхинвала и 9 окружающих его деревень в августе с. г., совершённое грузинской армией, направляемой военными инструкторами из США и вооружённой техникой той же страны. При этом, по сообщениям СМИ, было целенаправленно убито около 1 600 мирных жителей, в том числе детей, женщин, пожилых людей, а также свыше 70 военнослужащих. Обращает на себя внимание особая жестокость совершённых в Южной Осетии преступлений, на которую военные

¹⁵ Шестаков Д. А., Апухтин Ю. С. Частная военная компания как субъект политической преступности (политико-криминологический подход) // Следователь. — 2007. — № 12. — С. 38–40.

¹⁶ См.: *Проект Россия*. — М., 2007. — С. 192–200.

¹⁷ См.: Данилов А. П. Политико-криминологический аспект измены в контексте противоречий между бюрократическими и олигархическими силами в причинном комплексе убийств по политическим мотивам (постановка вопроса) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — № 2 (15) — С. 203–209.

преступники, очевидно, были заранее натренированы.¹⁸ Многие из причин этих и других преступлений до сих пор не прояснены, остаются латентными.

Имея в виду криминологическое понятие преступления,¹⁹ необходимо давать оценку масштабам неучтённости «некриминализованных преступлений». Теперь к таковым следует отнести, например, вмешательство в формирование органов власти суверенного государства; инсценировку преступлений, в частности, на почве межэтнической вражды и др.²⁰

«Кодексный подход», применённый исследовательским коллективом С. М. Иншакова, который с помощью рассчитанных этой группой учёных коэффициентов определяет латентность всех предусмотренных кодексом преступлений, очень важен, однако его недостаточно. Он должен быть дополнен не только «стратегическим» и «сферным» или, как мы говорим, «социальных подсистем»,²¹ подходами, о которых говорится у С. М. Иншакова и его коллег, но также и уровневый подходом.

Скажем несколько слов об уровне подходе. Ранее нами охарактеризована иерархия уровней проявления преступности²² как один из приёмов её описания.

1-й уровень — бытовой или, как чаще говорят, общеуголовный. На нём проявляются преступления, которые чаще других вызывают реакцию правоохранительных органов — преступления против личности, собственности. Латентность этого уровня преступности выявляется обычными методами, такими как виктимологический мониторинг, сопоставление динамических рядов однородных преступлений, различающихся по степени (коэффициенту) латентности, привлечение для сопоставления с уголовной статистикой медицинских и иных статистических данных, экспертный анализ, факторный анализ и т. д.²³

2-й уровень — организованная преступная деятельность. Сюда относятся, в частности, наркобизнес, захват потребительских рынков, контроль над проституцией, торговля людьми, незаконная торговля оружием. Для выявления латентности этого уровня преступности большую роль играют методы экспертного и отчасти экономического анализа.

¹⁸ <http://www.wikipedia.17.12.2008>.

¹⁹ Шестаков Д. А.: 1) Криминология: преступность как свойство общества. Краткий курс. — СПб., 2001. — С. 80; 2) Школа преступных подсистем: парадигма, отрасли, влияние вовне // Российский криминологический взгляд. 2005. — № 1. — С. 45–53.

²⁰ Шестаков Д. А. Журналу «Криминология: вчера, сегодня, завтра» — пять лет. — Интервью Г. А. Янковской // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2006. — № 1(10). — С. 11–15.

²¹ Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д. А. Шестакова.

²² См.: Шестаков Д. А. Криминология, 2-е изд. — С. 154.

²³ См.: там же. — С. 157–158.

3-й уровень — внутренний олигархический. На этом уровне развёртывается преступный контроль олигархических структур над ресурсами, средствами массовой информации, властью. Этот уровень преступности внешне проявляется в совершении политических убийств, в имитации и раздувании ксенофобии. Для осмысления неучтённости преступности этого уровня необходимо создавать и совершенствовать методы политико-криминологического, финансово-экономического анализа и др. Здесь требуются и принципиально новые методики. Так, в качестве одного из критериев возможной латентности политически мотивированных убийств, по нашему мнению, должно выступать «критическое множество подозрений». Не слишком ли много политически значимых фигур (певцов, губернаторов, журналистов) погибает в России от несчастных случаев, «неосторожных» или «бытовых» преступлений? Общество заинтересовано в научном мониторинге подозрительных случаев.

4-й уровень — внутренний государственный. Это — массовые репрессии невинных, внутренний террор. Как замечает видный криминолог, известный специалист в области преступности массовой коммуникации Г. Н. Горшенков, нередко оценка преступлений тоталитаризма вообще возможна исключительно при смене политического режима в обществе и, как правило, не современниками, а будущими поколениями.²⁴ Для создания базы данных неучтённых преступлений внутреннего террора многое делает общество «Мемориал» и другие энтузиасты. Представляется очень важным за безусловно необходимыми исследованиями сталинского террора не упустить ещё более вредоносного для страны ленинского террора.

Драматическое развитие событий в мире, главным образом, вследствие злокачественной (тут просто не обойтись без онокологического словоупотребления) внешней политики США и К⁰ потребовало от нас дополнить иерархию преступности ещё одним уровнем (см. схему).

Схема. Уровни преступности

²⁴ См.: Горшенков Г. Н. Криминологический словарь. — Н. Новгород, 2004. — С. 182.

5-й уровень — надгосударственный и ныне подчинённый ему внешний государственный. Этот уровень, к которому непосредственное отношение имеют упомянутые выше транснациональные корпорации, связан с борьбой за глобальный контроль над ресурсами, средствами массовой коммуникации, властью в отдельных государствах. В период быстрого изменения мира, связанного с распадом СССР, помимо экономической преступной деятельности транснациональных корпораций (торговля людьми, человеческими органами, оружием, наркотиками) чрезвычайно важно отслеживать активизировавшиеся преступления против человечества во всех качественных и количественных подробностях, международную политическую преступность, под которой признанный специалист в области политической криминологии П. А. Кабанов понимает политически организованную преступную деятельность высших должностных лиц государства или группы государств, лидеров общественных или религиозных организаций, направленную на умышленное совершение преступлений против мира и безопасности человечества, для достижения политических целей, с использованием государственных или общественных структур, их материальных, финансовых и иных средств и ресурсов.²⁵

Известный исследователь проблем терроризма С. У. Дикаев по существу привлекает внимание к необходимости преодоления латентности внешней государственной преступности. Он считает, что принципы открытости и так называемой прозрачности действий позволяют не только сорвать придание видимости «законности» прямому военному нападению, но иногда и не допустить бомбардировку и убийства мирных жителей.²⁶ Полагаю, что мониторинг нарушений международного уголовного права, а также совершения пока «некриминализованных преступлений» создал бы теоретическую и эмпирическую почву для введения новых составов международных преступлений и постановки вопросов о создании новых правотворческих (организация государств без США) и правоприменительных (международный трибунал по геноциду 2008 года в Южной Осетии) международных институтов, более эффективных, по сравнению с ныне действующими (ООН и Международный суд в Гааге).²⁷ Вместе с тем, пугающая латентность глобальной организованной преступной деятельности транснациональных международных корпора-

²⁵ Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование). — Казань, 2006. — С. 81.

²⁶ Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. — СПб., 2006. — С. 246.

²⁷ Шестаков Д. А.: 1) Журналу «Криминология: вчера, сегодня, завтра» — пять лет. — С. 11–15; 2) Криминологический аспект деятельности частных военных компаний. — С. 226–229; 3) Противодействие глобальному злу как предмет общей криминологической теории // XX международный балтийский криминологический семинар. — СПб., 2007. — С. 47.

ций, а также высших должностных лиц государств стала поводом для новоявленного «враждебного уголовного права» (*Feindstrafrecht*), уже формирующегося в рамках «права безопасности» (*Sicherheitsrecht*) в противовес традиционному уголовному праву с его гарантиями прав личности.²⁸ Эта тенденция по существу отрицает принципы правового государства, отбрасывая человечество назад...

Вообще говоря, в идеале нужен банк данных о всех неучтённых преступлениях всех пяти уровней преступности.

6. СПРОС НА ЛАТЕНТНОСТЬ И СПЕКУЛЯЦИИ ЕЮ

Известно, что латентность преступности постоянно выступает в роли инструмента политических спекуляций. Одно замалчивается, другое раздувается. В нынешние времена, когда эпохальным злом стала глобально-американизированная преступность, замалчивается, например, геноцид в отношении сербов на Балканах, а геноцид в отношении албанцев афишируется; всё делается для того, чтобы подготовленный Соединёнными Штатами и осуществлённый в августе 2008 года продажным руководством Грузии геноцид осетин в Южной Осетии скрыть, а массовое уничтожение мирного осетинского населения (варварски уничтожено около 1600 человек, в том числе детей, стариков, женщин) приписать российским миротворческим силам. Метастазы злокачественной политики США не только в лице государственных секретарей этой подлинной «империи зла», но также местных олигархов, перекачивающих с Востока на Запад природные ресурсы, и «идеологов», в качестве «обмена» в обратном направлении с Востока на Запад ассенизирующих дезинформацию и разлагающую идеологию вроде тезиса о неизбежности подчинения злу в силу якобы непреодолимого экономического отставания «на-всегда», распространяются по всему Миру.

В неучтённости преступности имеется заинтересованность. Причём каждому из пяти названных уровней преступности соответствует свой особенный спрос на то, чтобы все или часть преступлений не были зарегистрированы. Так, на 1-м, бытовом, уровне латентность части преступлений небольшой и средней тяжести способствует разгрузке правоохранительных органов, самостоятельному улаживанию конфликтов, без вмешательства со стороны государства, уменьшению репрессии. Наверное, у граждан есть заинтересованность в том, чтобы определённая часть конфликтов между ними разрешалась естественным путём. В латентности 2-го уровня преступности, организованной преступной деятельности, например, в уклонении контролирующих рынок — теперь чаще всего кавказских — группировок от уплаты налогов заинтересована местная коррумпированная власть. В латентности

²⁸ См.: *Zaffaroni*. El Enemigo en el Derecho Penal. — Bogot , 2006; *Sieber, B gel*. Logistik der Organisierten Kriminalit t. — M nchen, 1993. — S. 292–327.

3-го уровня внутреннего олигархического уровня преступности заинтересованы состоящие у олигархов в доле представители высших слоёв государственной власти. В латентности 4-го уровня преступности, проявляющейся в организации массовых репрессий, заинтересована власть, осуществившая внутри государства террор, а иногда, в известной мере, и её преемница — в целях поддержания в стране стабильности. В латентности 5-го уровня преступности — надгосударственного и внешнего государственного — заинтересованы политические силы, осуществляющие на этом уровне преступную деятельность: транснациональные корпорации и верховная государственная власть. В целях поддержания своего престижа они заблаговременно готовятся к «информационным войнам», например, до начала развёртывания агрессии делают заготовки соответствующих информационных сообщений, представляющие подвергнушуюся нападению сторону якобы самой осуществившей нападение.

7. ИНДИВИДУАЛИЗМ ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА. НОВОЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Коллективизм социологического подхода к исследованию латентности преступности хорошо сочетается с индивидуализмом философского осмысления.²⁹ Новое криминологическое мышление, которое старается развивать невско-волжская криминологическая школа, помимо нового теоретического подхода к преступности ищет — особенно в рамках поддерживаемой ею отрасли *криминологии закона* — нового законодательного определения целей уголовной ответственности. Наше предложение целей (функций) известно, таковыми, полагаю, должны стать:

1) удержание лица, совершившего преступление, от возобновления подобного (функция защиты человека),

2) реституция (восстановление положения потерпевшего),

3) ресоциализация виновного.³⁰ Эта моя формулировка в последние годы стала весьма популярной среди отечественных специалистов в области уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Остаётся лишь сожалеть, что многие из них выдают данное положение за своё собственное изобретение.³¹

²⁹ См.: Сайт Санкт-Петербургского криминологического клуба// [criminology.narod.ru/научные конференции.../состояние на 01.03.2008](http://criminology.narod.ru/научные_конференции.../состояние_на_01.03.2008)

³⁰ Шестаков Д. А.: 1) Преступность среди социальных подсистем // Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д. А. Шестакова. — С. 13; 2) Преступность и правосознание в свете российской критической криминологии // Региональные особенности состояния правопорядка, уровня правосознания и защищенности населения. — Волгоград, Московский институт потребительской кооперации. Волгоградский филиал. Юридический факультет. — 2003. — С. 27; 3) Криминология. 2-е издание. — С. 268.

³¹ В этом отношении очередным свежим примером научной недобросовестности служит диссертация С. В. Денисова. См.: *Денисов С.В.* Социальная адаптация лиц,

Однако надо согласиться с С. М. Иншаковым, из доклада которого следует, что не только развитие чистой криминологической теории, но и эмпирика, цифры, характеризующие латентность преступности, «могут изменить представление как о масштабах этого явления, так и о сущности преступности». Сергей Михайлович полагает, что наиболее эффективным подходом окажется перегруппировка сил, усиление главного направления воздействия на преступность за счёт второстепенных. При этом он убедительно доказывает, что на эффективную борьбу с тяжкими и особо тяжкими латентными преступлениями у государства ресурсов достаточно. Это направление воздействия на преступность, по мнению докладчика, необходимо усилить и полностью обеспечить (в материальном, кадровом, научном отношении). Нельзя не согласиться с ним и в том, что следует существенно усилить борьбу с расхищением государственных ресурсов и неэффективным их распоряжением. Сходную с нашей общей с С. М. Иншаковым позицию занимает швейцарский криминолог Карл-Людвиг Кунц. Он отмечает: «Слабым местом уголовно-правового направления криминологической политики является то, что она ориентирована на эффективность вместо эффективности... Уголовное право, последовательно ориентированное на эффективность, поместило бы на первое место макропреступность по причине её объективно наивысшей социальной опасности. Напротив, сохранение традиционной иерархии выдвигает на передний план легко поддающиеся расследованию преступления конкретных лиц, облик которых отвечает расхожему представлению об «опасном преступнике».³²

Определяя криминологию в качестве науки о крайних проявлениях зла³³ как признанного в качестве такового уголовным законом, так и до поры не признанного (некриминализованным), подчеркнём, что сегодня наиболее латентная и пагубная часть этого зла лежит за пределами обычных «бытовых» краж, грабежей, вымогательств, причинений вреда здоровью, изнасилований и даже убийств. Масштабы этого не полностью выявленного (понятого, признанного), одним словом, *латентного* зла таковы, что оно составляет угрозу самобытности России, уже сегодня убивает тысячи людей в разных частях планеты и ставит человечество на грань третьей мировой войны.

отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы. — Автореферат дис. ...канд. юридических наук. — Нижний Новгород, 2008. — С. 11.

³² Kunz K.-L. Kriminologie: eine Grundlegung. — Bern, 1994. — С. 364–366.

³³ Шестаков Д. А. Криминология. 2-е издание. — С. 19.

Н. Б. Бараева*

ЛАТЕНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В социальной системе объективно существует та часть, которая скрыта от наблюдателя, не поддается исчислению и анализу. Она обусловлена не только естественными пределами возможностей познания. Общество может сознательно выбирать большие или меньшие масштабы непризнаваемого, того, что оно не желает видеть и слышать или не готово предъявлять другим. Явные стигматы латентных явлений можно переименовать, интерпретировать иначе, удобным образом, не разрушая сконструированной картины мира. Выбирая одну концепцию, общество отказывается от другой, а вместе с ней и от какого-то количества фактов, которые не вписываются в официально признанную схему. Даже при очевидности латентных явлений общество не всегда заинтересовано в том, чтобы всё явное стало открытым.

Латентность — междисциплинарный предмет научного интереса. На таком признаваемом разделении явного и скрытого строятся экономические, социологические, политические и любые другие исследования. Виктимологи имеют дело с латентными жертвами, экономисты — с теневой экономикой и скрытой безработицей; статистики — с методами оценки погрешности данных, политологи — с «серыми кардиналами», медики — со скрытыми формами или периодами течения заболеваний без видимых симптомокомплексов, психологи — с неформальными элементами коммуникации.

При этом во многих сферах жизни приходится выявлять реальное положение вещей, не полагаясь на официальную статистику. Страховые компании оценивают риски с помощью собственных методик, то есть с поправкой на латентность. Правоохранительные органы создают подразделения по контролю ОПГ (организованных преступных групп), которых вроде бы и нет в материалах судебных процессов. Центробанк прогнозирует потребность банков и их клиентов в наличных деньгах без иллюзий о зарплатах в 4 тысячи рублей. Люди живут в реальном мире и каждый день сталкиваются с теневой его стороной.

Никлас Луман отмечает, что латентность обычно связывается с «отсутствием осознанности».¹ Он различал латентность сознания и латентность коммуникации, обосновывал потребность в латентности, в обеспечении системе латентной защиты. У Лумана можно обнаружить такие формулировки,

* **Бараева Наталья Борисовна** — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-правовых дисциплин БИЭПП (Санкт-Петербург, Россия).

© Н. Б. Бараева, 2009.

¹ *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. — СПб., 2007. — С. 441.

как «утрата», «вытеснение» латентности, «функция латентности требует латентности функций». Латентность в общении является одним из средств обеспечения самой возможности бесконфликтного взаимодействия.

Политологи и правоведы сегодня признают наличие латентных функций у государства.

Либеральные экономисты предостерегают от культивирования антропоморфизма, когда социальный порядок рассматривается в качестве результата замысла человека.² Такие концепции не только признают значительную роль латентных факторов, но и доверяют им управление социальными процессами. То, что криминологи называют латентной преступностью, может рассматриваться экономистами и социологами как социальные практики, доказавшие свою жизнеспособность, обеспечившие выживание и экспансию для индивидов и целых групп. Для Хайека это «возникший» порядок (*grown*, космос), в противоположность «устроенному» (*made*, таксис).³ Космос полагается на многие умы, таксис — на один ум (президента, законодателя, начальника). Контроль над возникшим порядком, по сути своей, является уже вмешательством в него, разрушением предпосылок этой упорядоченности. Устроенный порядок общество контролирует как собственное плановое изобретение. Криминализация деяний — часть устроенного порядка, реакция на противодействие субъектов внешнему формальному контролю. В то же время латентная преступность — функциональный компонент самопрограммируемого порядка, отражение правды жизни. Тоталитарное государство — гипертрофированная форма устроенного порядка, при котором объявляются незаконными не только общеуголовные деяния, но и любые отступления от заданности. По замечанию того же Хайека, «в политике «необходимость» — это, как правило, результат прошлых решений».⁴

Латентность — это вопрос не столько количества, сколько скрытого иного качества преступности. Латентными могут быть не только дополнительные, неучтенные проценты понятных для нас преступлений, но и целые сферы социальной жизни, виды и отрасли преступности (рейдерство, перевод прав на жильё на других лиц в тайне от проживающих). Когда-то беловоротничковая и организованная преступность были не просто «нижней частью айсберга» — эти явления отсутствовали даже в качестве предполагаемого сегмента в структуре изучаемой преступности. Учение о личности преступника — это, строго говоря, научный анализ характеристик попавшихся, прошедших через систему органов юстиции субъектов преступлений. Об остальных можно судить только по косвенным данным. А если мы строим картину

² Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. — М., 2006. — С.28.

³ Там же. — С.53.

⁴ Там же. — С.77.

преступности, из которой выпадает существенная часть деяний и участников, — сама эта картина искажена не только в масштабах, но и в качественных характеристиках.

Проблема латентности связана с такими инструментами социального контроля, как криминализация и легализация. Хроническая латентность удобна, она обеспечивает перманентную уязвимость субъектов правонарушений. У государства, у конкурентов всегда есть «компромат», который можно активировать при наличии политического или экономического заказа.

При определении «цены преступления» на этапе подготовки к нему всегда учитывается вероятность быть задержанным, риск санкций. Очевидно, что в случае взятки срок наказания может сыграть превентивную роль, но прогноз вероятности таких последствий нейтрализует этот фактор. Таким образом, высокая латентность учитывается потенциальным правонарушителем и развязывает ему руки.

Представляется важным замечание С. М. Ишакова о том, что в обществе сложились различные механизмы «переваривания негатива», компенсации. Действительно, ведь люди каждый день живут в ситуациях, которые невидимы для незаинтересованных представителей государственного аппарата, но быют по конкретным потерпевшим и вынуждают их реагировать, вырабатывать иммунитет, альтернативные формы защиты интересов. С другой стороны, если общество не разрушается под давлением 50-ти миллионов предполагаемых преступлений в год — это тоже повод для вопросов к законодателю и политическому менеджменту. Зачем нужны такие масштабы криминализации, если правоохранительная система и органы контроля с ними не справляются?

Можно классифицировать факторы латентности следующим образом.

По уровню и субъекту принятия решения: решение жертвы; взаимное решение жертвы и преступника; решение свидетелей и иных информированных лиц, прикосновенных к деянию (руководителей организации, органов контроля); активная позиция преступника по сокрытию признаков и следов деяния (в том числе имитация несчастного случая); решения рядовых сотрудников правоохранительных органов; указания руководителей правоохранительных органов, региональных властей; политическая стратегия руководства страны.

По мотиву такого решения: применение альтернативных форм санкций за преступление (самосуд, увольнение); обращение к субъектам неформального контроля (к преступным группировкам); получение компенсации от виновных лиц; страх перед преступниками или правоохранительной системой; уязвимость правовой позиции потерпевшего (равновиновная или незаконнопопослушная жертва: нелегальные мигранты, цеховики, предприниматели из теневого сектора); отрицательный прогноз в отношении судебной перспективы; отрицательная оценка в части соотношения затрат и выгод от

обращения в официальные органы (вероятность возмещения вреда, потери времени, расходы на оплату услуг представителя потерпевшего); отсутствие информации о преступлении как у потерпевшего, так и у других лиц (беловоротничковая преступность, перехваты жилья); желание защитить виновного (родственные отношения; страх перед субсидиарной ответственностью за его действия у командиров, вышестоящих начальников, родителей, прикосновенных лиц; признание установленного наказания как чрезмерно жесткого, неадекватного; нежелание брать «грех на душу» и «губить молодую жизнь»); отсутствие мотива или демотивированность для представления информации о преступлении (мотив могут создавать требования страховой компании, претензии акционеров, желание раскрыть преступление или получить больше информации о подозреваемых из разных источников, иски потерпевших к государственным органам за бездействие в пресечении правонарушений).

По степени социальной активности: безразличие; целенаправленные, активные действия.

По фильтру, от которого исходит сокрытие: потерпевший; свидетели; прикосновенные к преступлению лица; заинтересованные лица, интересы которых затронуты в связи с преступлением; правоохранительные органы; политические деятели; преступник; потенциальные подозреваемые/обвиняемые (объективно невиновные); лица, связанные юридической, корпоративной или моральной обязанностью сохранения конфиденциальности (адвокаты, священнослужители, друзья, члены семьи, третейский суд, работники).

Очевидно, что все вышеприведенные факторы относятся к контролируемым, поддающимся оценке. Одна из задач криминологов — предлагать механизмы «высвечивания» скрытой части преступности как для исследовательских задач, так и для обеспечения большей социальной справедливости при применении санкций.

Н.И. Пишикина*

К ВОПРОСУ О ЛАТЕНТНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ

Латентная преступность вызывает серьёзные отрицательные последствия. Её наличие создаёт у определённой части населения психологическую установку безнаказанности общественно опасных деяний, что в свою очередь порождает распространение преступного поведения, особенно у несовершеннолетних и молодых.

Под влиянием скрытой преступности, поскольку она всё же «улавливается» окружающими, правосознание некоторых членов общества претерпевает негативные изменения, которые ведут к преступным актам. Это характерно для тех граждан, которые не были вовлечены ранее в криминальную деятельность, но, надеясь на безнаказанность, пытаются решать свои проблемы преступным путём. При латентной преступности отсутствует возможность возмещения причинённого вреда. И это порождает в сознании жертвы двойную обиду за свою незащищённость и безнаказанность преступника.

Существование латентной преступности порождает у населения неверие в эффективность уголовно-правовой охраны их имущественных и личных прав и интересов, служит поводом для отрицательной оценки деятельности уголовной юстиции со стороны большинства граждан. Так, социологическое исследование «Население и милиция в большом городе», проведённое Центром девиантологии Санкт-Петербургского социологического института РАН, Санкт-Петербургским университетом экономики и финансов, VERA Institute of Justice (Нью-Йорк) при финансовой поддержке фонда Форда и организационном обеспечении «Гражданского контроля», показало, что 26% петербуржцев в течение года становятся жертвами различных преступлений. Больше всего страдают от краж (53%), мошенничества (свыше 23%), побоев – 16,5% (четыре года назад – 13,5%), сексуального насилия – 1,5% от количества опрошенных. 30% обращаются за помощью в милицию. Причины необращений: «Ничего не стали бы делать», «Ничего не смогли бы сделать». 12% в 1999 году жаловались на бездействие милиции, более 18% в 2000 году. Милиция действует лишь спустя длительное время – 10% (1999 г. – в два раза меньше).

Сотрудникам милиции предъявляют претензии: в жестоком обращении, необоснованном применении силы, оскорблениях при задержании, взяточничестве. Более половины опрошенных граждан считают, что милиция плохо охраняет общественный порядок.¹

***Нина Ивановна Пишикина** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (Санкт-Петербург, Россия).

© Н.И. Пишикина, 2009.

¹ См.: *Костюковский А.* Милиции доверяют всё меньше. // Аргументы и факты. — 2002, — № 25.

Разработка и осуществление профилактических мер по противодействию преступности без учёта латентности последней не может привести к желаемым положительным результатам, поскольку рассчитана данная работа на незначительную часть «известных» преступлений.

При современном уровне знаний и методик нельзя поставить иную задачу, чем приблизительное установление состояния и структуры латентной преступности. По мнению одних специалистов, сегодня в России по экспертным оценкам с учётом латентности совершается 10–12 млн, а может быть, и 15 млн преступлений (по официальным данным около 3 млн).²

С точки зрения С.М. Иншакова, озвученной на заседании Санкт-Петербургского криминологического клуба 29 февраля 2008 года, только беспризорными несовершеннолетними в год совершается около 36 млн краж.

При этом достаточно часто виновниками такого положения считаются правоохранительные органы, ненадлежащим образом выполняющие свои обязанности по охране законности, общественной безопасности и общественного порядка. Признавая обоснованность таких претензий, руководителями названных государственных органов принимается ряд мер. Так, 29 декабря 2005 года Генеральной прокуратурой РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюстом РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков подписан Приказ «О едином учёте преступлений». По итогам 2006 года количество зарегистрированных преступлений возросло до 3855,4 тысяч. Конечно, эта цифра всё ещё далека от реальной, но по сравнению с 2005 годом она увеличилась на несколько сотен тысяч.

Однако следует понимать, что такие мероприятия приводят к временным изменениям ситуации. Ужесточение требований к учёту преступлений наблюдалось и в прежние годы. Кроме того, по нашему мнению, это серьёзно не изменит сложившегося положения, так как причины преступности социальные. Как бы ни старалась правоохранительная система добросовестно учитывать совершаемые преступления, проблема существования преступности не решится.

По нашему мнению, одним из эффективных направлений по снижению уровня преступности и её латентности по-прежнему является предупреждение. Те же 36 млн краж беспризорников можно реально снизить, если сократить количество самих беспризорников. А это уже проблема социально-экономическая. Следовательно, в её решении должны принимать активное участие все субъекты, перечисленные в ФЗ №120 от 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Снижение количества преступлений позволит постепенно разгрузить правоохранительные структуры и дать им возможность улучшить качество своей работы.

² См. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность – планетарная проблема. (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию). – СПб., – 2006. – С.4.

С. В. Семёнов*

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ МОРСКИХ БИОРЕСУРСОВ: ВЫЯВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Разнообразные нарушения и злоупотребления в процессе добычи морских биоресурсов представляют собой характерный пример латентности целой экономической отрасли. В этой сфере вслед за Д. А. Шестаковым можно говорить о латентности причин и условий преступности.¹

Криминальная цепочка охватывает как рядовых наёмных работников, для которых практически нет альтернативы законного заработка, так и капитанов, владельцев судов, рыбоперерабатывающие предприятия, торговлю, органы контроля, систему привлечения к ответственности. По-прежнему выявляются преступления, совершённые лицами, занимающимися теневым трудоустройством граждан на суда рыбопромысловых предприятий, а также лицами, занимающимися распространением поддельных удостоверений и свидетельств, необходимых плавсоставу для выхода в море. Попытки выявить и подвергнуть репрессии за 100% преступлений, совершаемых в сфере добычи морских биологических ресурсов, косвенно могут привести к уничтожению в целом отрасли, которая функционирует с учётом приспособления к неразумным ограничениям.

Экологическая и экономическая преступность отличаются наиболее высокой латентностью. Как можно выявить и оценить преступления в сфере незаконной добычи морских биоресурсов? Можно сопоставить данные о добыче и реализации рыбной продукции как в России, так и в странах-соседях. В России ежегодно вылавливается 5 млн. тонн морепродуктов. Существуют методики оценки реальных доходов населения, которые можно применить к рыбопромысловым регионам. К сожалению, отсутствуют межгосударственные договоренности: о ведении в портах учёта поставок по видам, качеству, средним ценам для контроля использования бассейновых общих допустимых уловов (ОДУ); о безвозмездном обмене информацией о судах и количестве морепродуктов, приобретённых у российских промысловиков; о реквизитах на документах, подтверждающих прохождение государственной регистрации, добытых и доставленных в иностранный порт морепродуктов; об оказании содействия в раскрытии и расследовании преступлений, причинивших ущерб морским биоресурсам и экономическим интересам России. Ежедневно на промысле находится около 800 российских и 100 иностранных судов. Большая

* **Семёнов Сергей Викторович** — старший государственный инспектор СВПУ БО ФСБ РФ (Санкт-Петербург, Россия).

© С. С. Семёнов, 2009.

¹ См.: Сайт Санкт-Петербургского криминологического клуба/ состояние на 01.03.2008

часть выловленных морепродуктов в Дальневосточном регионе вывозится за границу. Подтверждением этому служат данные о заходах российских промысловых судов в иностранные порты. За год в порты Японии осуществляется около 8000 заходов российских судов, в результате чего реализуется больше 300,0 тыс. тонн морепродуктов (в том числе 70,0 тыс. тонн краба) на сумму около 2 млрд долларов США. Недостаточное бюджетное финансирование, крайне низкое техническое состояние корабельно-катерного состава, авиационной техники и постов технического наблюдения, отсутствие постоянного несения службы кораблями (судами) в морских контрольных пунктах (точках) на выходе из исключительной экономической зоны позволяют бесконтрольно вывозить значительную часть добытой в море продукции за рубеж. Правительство России недавно утвердило регламент «Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по оформлению судов рыбопромыслового флота». Этот документ не удавалось принять в течение последних десяти лет, его подписание существенно упростит процедуру оформления судов и грузов в портах, что может снизить уровень нарушений. По оценкам экспертов, стоимость незаконно добываемых и вывозимых за пределы России биоресурсов может достигать 1 млрд долларов США в год. По другим оценкам, прибыли российских контрабандистов только на незаконном вывозе рыбы достигают 3 млрд долларов США.

Чем выше надуманные, трудновыполнимые ограничения, тем значительней разница между реальным и легальным оборотом добычи рыбы. В море рыба не расфасовывается сама собой строго по видам с учётом квот. В любом косяке при добыче можно захватить запрещённые объекты, далеко не всегда технология судна позволяет их вовремя отфильтровать. Иногда абсурдным представляется требование выпустить выловленную рыбу в среду обитания в целях соблюдения различных лимитов. Как различаются теневая и чисто криминальная экономика, так необходимо отграничивать целенаправленное браконьерство и сопутствующие законной добыче нарушения (превышение квоты лова по количеству, по видам объектов). Можно ли сегодня на Дальнем Востоке решить проблему противодействия браконьерству за счёт рекордных масштабов арестов судов и количества возбуждённых уголовных дел? Ведь цель снижения уровня латентности не в том, чтобы целые регионы обнести колючей проволокой и заклеить как преступные. Суммы, полученные при взыскании штрафов и ущерба, реализации изъятого и конфискованного имущества, несомненно, значительны и составляют около 1 млн долларов США. Однако эти суммы не идут в сравнение с теми доходами, которые мог бы получить бюджет от налогообложения всех добытых и показанных в экономической статистике морских биоресурсов. По приблизительным оценкам, бюджет Российской Федерации от недобора налогов в этой сфере теряет ежегодно около 1 млрд долларов США, т. е. значительно больше сумм, взыскиваемых с помощью правовых средств принуждения.

А.П. Данилов*

ЛАТЕНТНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБИЙСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА И ЕГО ЛАТЕНТНОСТИ В ПРИЗМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Официальная статистика далеко не полно отражает подлинную распространённость преступлений, значительная их часть остаётся официально неучтённой или, как принято говорить, латентной. Как отмечает Д. А. Шестаков, следует различать неучтённость: 1) преступной государственной политики; 2) вновь возникающих видов преступлений, которые или прямо не предусмотрены уголовным законом, или, если и предусмотрены, в практике применяющих закон не признаются в качестве таковых; 3) преступлений, неучтённых в силу невыполнения чиновниками обязанности регистрировать соответствующие заявления; 4) преступлений, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями; 5) скрытых преступлений, известных только самим преступникам.¹

Таким образом, применительно к семантической концепции, которая видит в преступности свойство общества,² нужно рассматривать латентность как своеобразное качество преступности любой из социальных подсистем. В этом случае можно принять латентность политической преступности как свойство политической сферы скрывать в своей среде по причинам политического, экономического, социального и иного характера политические преступления. Именно с этой позиции и будет построена вся дальнейшая криминологическая характеристика латентности политических убийств.

Латентность политической преступности достаточно высока. Об этом можно судить по многочисленным исследованиям последствий политических репрессий.³

Одним из проявлений преступности политики является убийство по политическим мотивам, под которым мы понимаем умышленное лишение чело-

* **Андрей Петрович Данилов** — соискатель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, член Санкт-Петербургского криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия).

© А. П. Данилов, 2009.

¹ **Шестаков Д.А.** Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. — СПб., 2006. — С. 154.

² *Там же.* — С. 136.

³ См.: **Обидина Л. Б.** Понятие жертвы политических репрессий // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 4(5); **Кабанов П.А.** Тоталитарная преступность должностных лиц советского государства // Власть: криминологические и правовые проблемы. — М., 2000. и др.

века жизни, мотивированное борьбой за распределение или сохранение политической власти, принятие политически значимых решений или сокрытия политически значимых сведений, усиления или ослабления политико-социального статуса социальной группы, а также с целью дестабилизации экономической, политической ситуации или морального состояния общества.

П.А. Кабанов даёт собственное определение политического убийства: это лишение жизни государственного, политического или общественного деятеля в целях прекращения его политической, государственной или общественной деятельности или из мести за такую деятельность. Политическое убийство является одной из форм проявления политического терроризма.⁴

Интересна точка зрения С.М. Иншакова на понимание политического мотива. Он отмечает, что политическая преступность многопланова. В узком смысле этим понятием охватываются преступления, совершаемые по политическим мотивам; в широком — все преступления, совершаемые в политической сфере, в области государственного и социального управления.⁵

Говоря об убийствах по политических мотивах как проявлении преступности политики, следует отметить их высокую латентность, что будет показано ниже на примерах из проведённого эмпирического исследования.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТОДА ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАТЕНТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБИЙСТВ

Для обнаружения политических убийств с целью противодействия этому феномену необходима разработка метода выявления латентности убийств по политическим мотивам.

Согласно теории вероятности, наблюдаемые события можно подразделить на следующие три вида: достоверные, невозможные и случайные.⁶

Применительно к нашему вопросу, мы можем говорить о том, что деяние действительно является политическим убийством, деяние никак не может являться таковым или деяние с определённой степенью вероятности является убийством по политическим мотивам.

Предметом теории вероятностей является изучение вероятностных закономерностей массовых однородных случайных событий.

В нашем контексте мы принимаем за вероятностные закономерности нижеуказанные признаки, а за однородные случайные события — факты загадочных подозрительных гибелей и смертей.

Знание закономерностей, которым подчиняются массовые случайные события, позволяет предвидеть, как эти события будут протекать.⁷ То есть, зная

⁴ *Российская политическая криминология: Словарь* / Под общ. ред. П.А. Кабанова. — Нижнекамск, 2003. — С. 142.

⁵ *Иншаков С.М.* Криминология: Учебник. — М., 2000. — С. 214.

⁶ *Гмурман В.Е.* Теория вероятностей и математическая статистика: Учеб. пособие для вузов / В.Е. Гмурман. — М., 2004. — С. 14.

⁷ *Там же.* — С. 15.

признаки, присущие политическим убийствам, мы можем с большей или меньшей степенью вероятности говорить о том, что совершено убийство по политическим мотивам или налицо иной факт.

При решении многих практических задач приходится иметь дело с событиями, вероятность которых весьма мала, т. е. близка к нулю. Можно ли считать, что маловероятное событие А в единичном испытании не произойдет? Такого заключения сделать нельзя, так как не исключено, хотя и мало вероятно, что событие А наступит.

Казалось бы, появление или непоявление маловероятного события в единичном испытании предсказать невозможно. Однако длительный опыт показывает, что маловероятное событие в единичном испытании в подавляющем большинстве случаев не наступает. На основании этого факта принимают следующий «принцип практической невозможности маловероятных событий»: если случайное событие имеет очень малую вероятность, то практически можно считать, что в единичном испытании это событие не наступит.⁸

Из принципа невозможности маловероятных событий вытекает следующее важное следствие: если случайное событие имеет вероятность, очень близкую к единице, то практически можно считать, что в единичном испытании это событие наступит. Разумеется, и здесь ответ на вопрос о том, какую вероятность считать близкой к единице, зависит от существа задачи.

Отметим главное для метода выявления латентности политических убийств в «принципе практической невозможности маловероятных событий». Вероятность того, что рассматриваемое нами деяние — политическое убийство — будет тем больше, чем больше признаков выявления рассматриваемого деяния будут ему соответствовать.

В качестве метода выявления латентности политических убийств предлагаем использовать способ подстановки определённых признаков выявления латентности под конкретный случай гибели.

К таким признакам следует отнести:

1. Опасность, которую представляло лицо для определенных политических сил или бизнес элиты в связи с имевшейся у него негативной информацией об этих силах или отдельных их высокопоставленных представителях;
2. Крупная помеха, которой представлялось лицо для определенных политических сил или бизнес элиты в связи с продвижением по «служебной лестнице», например, занятием руководящих постов в правоохранительных или контрольно-надзорных органах;
3. Внезапность смерти такого лица, особенно если она сопровождалась экстремальной ситуацией, например, автокатастрофа, взрыв, падение с высоты, самоубийство и т.д.;

⁸ Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика: Учеб. пособие для вузов / В.Е. Гмурман. — М., 2004. — С. 35.

4. Негативные последствия гибели или смерти лица для военной, экономической, политической мощи страны, престижа России;

5. Наличие в звене «лицо — гибель лица» фактов использования финансовой, организационной и иной зарубежной поддержки.⁹

Использование данных признаков поможет нам с определённой степенью вероятности отнести официально признанные гибели, несчастные случаи и убийства к убийствам по политическим мотивам.

ТЕОРИЯ ЛАТЕНТНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПОЛИТИЧЕСКИМ УБИЙСТВАМ

Из предложенных стоящим у истоков российской политической криминологии профессором Д.А. Шестаковым видов неучтённости преступлений для убийств по политическим мотивам характерно следующее.

Во-первых, выделяется неучтённость преступной государственной политики, которая в свою очередь является детерминантой совершения убийств по политическим мотивам. И именно преступность государства, в силу специфичности субъектов её осуществления, является наиболее скрытой. Таким образом, свойству государственного института к воспроизводству преступности добавляется качество преступности в виде неучтённости. Для примера, хотелось бы привести трагическую гибель в автокатастрофе губернатора Алтайского края Михаила Евдокимова, в которой мы предполагаем неучтённое политическое убийство. В наличии все три критерия предложенной методологии выявления убийств по политическим мотивам. Региональный политический кризис на Алтае нашёл своё разрешение в гибели губернатора края в автокатастрофе. Случилось всё незадолго до реформирования структуры краевой администрации с соответствующим сокращением аппарата, различных комитетов и заместителей. Региональный истеблишмент не мог допустить сокращения собственных штатов. Предлагаемый Москвой компромисс, видимо, не устроил политические и экономические верхи Алтая. Итог печален. Евдокимову предлагали оставить свой пост и друзья и оппозиция, объявляли импичмент. Ответом губернатора было лишь «нет».

Мы предполагаем, что ответом оппозиции являлась организация катастрофы на трассе Бийск–Барнаул, спланированная таким образом, чтобы даже в случившейся аварии обвинить неугодного губернатора. После гибели М. Евдокимова проведён ряд акций и мероприятий по созданию через СМИ у населения исключительного мнения о невиновности водителя «Тойоты», столкнувшегося с губернаторской машиной, обеспечении ему высококлассной защиты в суде и последующем оправдании. В данном случае уместно

⁹ Четвёртый и пятый признаки были озвучены профессором Д.А. Шестаковым на теоретическом семинаре «Латентность преступности», проведенном 29 февраля 2008 года Санкт-Петербургским криминологическим клубом. Первый также предложен им ещё ранее.

замечание А.И. Долговой о том, что латентная часть преступности включает в себя скрытые и скрываемые преступления.¹⁰

Причину латентности можно обнаружить в недостаточности информации о политических преступлениях, её фрагментарности, недостоверности источников такой информации.¹¹ Именно такое положение дел характерно, например, для России. Долгое время не существовало никаких данных о количестве жертв политического террора в нашей стране; ставшие доступными за последнее десятилетие сведения весьма противоречивы.

Основной вопрос, дебатиремый криминологами: что отражает регистрируемая преступность? Большинство современных авторов весьма скептически относятся к данным официальной статистики. И дело не столько в естественной латентности, сколько в селекции, осуществляемой полицией и уголовной юстицией, когда в её жернова попадают пьяницы, неряхи и извращенцы, по образному выражению А. Liazos, а огромный пласт «беловоротничковой», «элитарной», «респектабельной» преступности остаётся вне «поля зрения».¹²

Во-вторых, обращает на себя внимание латентность политических убийств в силу того, что далеко не все должностные лица, обязанные регистрировать заявления о преступлениях, реагируют на данные заявления согласно своим должностным обязанностям.

Следует учитывать высокую латентность преступлений сотрудников правоохранительных органов и специфику такой латентности: с одной стороны, преступность сотрудников правоохранительных органов способна быть более латентной, чем некоторые другие виды преступности, ибо, во-первых, криминальное поведение профессионалов, способы продумывать методы маскировки и ухода от ответственности, затрудняет выявление, раскрытие и изболечение виновных; во-вторых, существуют определённые иммунитеты для следователей, судей, прокуроров.¹³

В-третьих, о многих фактах совершённых убийств свидетелям преступлений, вероятнее всего, лучше молчать, заботясь о сохранении собственной жизни. Этим можно объяснить «замалчивание» очевидцами убийства Игоря Талькова реальных фактов произошедшего. Трагедию наблюдала целая толпа его коллег: Андрей Державин, Олег Газманов, Михаил Муромов, дуэт «Академия». Однако никто из них пролить свет на случившееся не смог (или не захотел?!).

¹⁰ Долгова А.И. Криминология. — М., 1999. — С. 85–86.

¹¹ Brown S., Esbensen F.-A., Geis G. Criminology: Explaining crime and its context. — Ohio, 1991. — P. 667.

¹² Цит.: Гилинский Я.И. Criminology Today. Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2001. — № 1(11). — С. 29.

¹³ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. Под ред. проф. А.И. Долговой. Криминологическая ассоциация. — М., 1999. — С. 37.

Оказывающее влияние на сознание масс творчество Игоря Талькова заставило насторожиться политические силы, определявшие направление развития России, и испугаться личности композитора и певца, чьи песни воздействовали на сознание масс, фактически раскрывая глаза на происходящие и происходившие в обществе социально-политические процессы.

Позиция Талькова, воспроизводимая в его творчестве, будила самосознание россиянина, его самоуважение, способствовала, с одной стороны, очищению от большевизма, с другой — препятствовала захвату экономики и власти новоявленными олигархами, ангажированными Соединёнными Штатами и «надгосударственными политическими силами».

Правду убийства Талькова, по всей видимости, знали очевидцы случившегося, но установки «оглашать» не давали сверху.

В-четвёртых, следует обратить внимание на тот факт, что остаётся большой массив политических убийств, о совершении которых известно только исполнителю и заказчику. Таковых, при глубоком анализе гибелей и несчастных случаев, можно выделить множество. Яркий тому пример несчастный случай с сенатором от Архангельской области Юрием Сивковым. Предположительно, Ю. Сивков встал поперёк дороги у экономической олигархии Архангельской области, тесно завязанной на лесном промысле. Тем самым неуступчивость сенатора предопределила дальнейшее неблагоприятное для него развитие событий. Крупной помехи, которой являлся при жизни Сивков на пути у экономической олигархии, не стало одновременно с произошедшим несчастным случаем.

В субботу вечером «Сивков отправился к своему баркасу на резиновой лодке, что видели его коллеги по рыбалке». Утром лодку Сивкова обнаружили перевернутой неподалеку от баркаса.

«Выехавшие на место спасатели-водолазы неподалеку от баркаса нашли тело погибшего», — отметил источник. По его словам, видимых следов насильственной смерти на теле нет. Все вещи на баркасе остались нетронутыми. В МЧС полагают, что, скорее всего, это несчастный случай.¹⁴

Не случайно во введении к тексту прогноза ВНИИ МВД РФ председатель Комитета по безопасности Государственной Думы проф. А. И. Гуров отметил, что «следует учитывать очень высокую латентность современной преступности: реально, по экспертным оценкам, в стране совершается 15–20 млн преступлений».¹⁵

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами было проведено эмпирическое исследование «загадочных смертей», о которых предположительно, но с высокой степенью вероятности можно

¹⁴ <http://www.rosbalt.nord.ru/print/422333.html>

¹⁵ *Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI в.* — С. 3–4.

судить как о политических убийствах... по политическим мотивам. Выборка составляла 120 наиболее крупных, значимых и заметных политических убийств, совершённых в России в хронологических рамках с 1991 по 2007 год. На основании исследования были сделаны выводы о явлении политического убийства, его детерминантах и возможном противодействии.

Таблица 1.1

Квалификация политического убийства в момент возбуждения уголовного дела

Квалификация основного преступления	Абс.	Доля (%)
Убийство (ч.1, ст.105 УК РФ)	41	34,17
Убийство (ч.2, ст.105 УК РФ)	41	34,17
Причинение смерти вследствие:		
Причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)	2	1,7
Нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ч. 3, ст. 263 УК РФ)	5	4,17
Нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть человека (ст. 264 УК РФ)	7	5,8
Посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ)	8	6,7
Посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ)	2	1,7
«Случай»:	12	10,0
в т.ч. отравление:	2	1,7
Итого:	120	100,0

В представленной таблице 1.1 показана данная правоохранительными органами квалификация предполагаемого политического убийства в момент возбуждения уголовного дела. Уже здесь прослеживается тенденция по сокрытию совершённого убийства за счёт изменения его квалификации на другие виды преступлений или даже «случай». Так факт убийства (ст. 105 УК РФ) признан лишь в 82 случаях (68,34 %); в 8 случаях (6,7 %) — посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ); 2 случая (1,7 %) посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ). В остальных случаях следственными органами регистрировалось причинение смерти вследствие: неосторожности (ст. 109 УК РФ) — 2 случая (1,7 %); нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ч. 3, ст. 263 УК РФ) — 5 случаев (4,17 %); нарушения правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть человека (ст. 264 УК РФ) — 7 случаев (5,8 %); к «случаю» отнесено двенадцать смертей (10,0 %), в т.ч. 2 отравления (1,7 %).

Таким образом, 38 фактов убийств (31,66 %) из 120 представленных (100,0%) остались неучтёнными.

Преступность характеризуется высокой латентностью. Даже убийства, так как иногда убийства маскируются под самоубийства, тщательно скрываются, уничтожаются следы преступлений. Латентность бывает особенно высокой при наличии развитой организованной и профессиональной преступности. Криминологами был сделан вывод, что так называемая «общеуголовная» преступность, как правило, при всей её латентности отражается в статистике в большей своей части, т. е. представительно. А экономическая преступность — только в очень небольшом проценте (иногда 1–5 %), поэтому по данным уголовной статистики нельзя судить о её фактических тенденциях.¹⁶

Таблица 1.2

Способ совершения политического убийства в соотношении с констатацией следствием события преступления

Вид политического убийства	Способ	Абс.	Доля в общем (%)	Доля по виду убийства (%)
Явное	Использование огнестрельного оружия	63	52,5	67,1
	Использование взрывчатых веществ	15	12,5	16,0
	Использование холодного оружия	8	6,7	8,5
	Использование тупого предмета	2	1,7	2,1
	Использование яда или отравляющих веществ	2	1,7	2,1
	Утопление	2	1,7	2,1
	Неизвестно	2	1,7	2,1
	Итого	94	78,5	100,0
Скрытое	Гибель в автокатастрофе	10	8,0	38,5
	Гибель в авиакатастрофе	5	4,2	19,2
	Отравление	5	4,2	19,2
	Гибель на снегоходе	2	1,7	7,7
	Падение под поезд	2	1,7	7,7
	Утопление	2	1,7	7,7
	Итого	26	21,5	100,0

В таблице 1.2 представлены данные о способе совершения политического убийства в соотношении с констатацией следствием события преступления. Интересующие нас скрытые (латентные) политические убийства чаще всего совершаются с помощью инсценировки гибели человека в автокатастрофе — 10 случаев (8,0% в общем и 38,5% по виду), что можно объяснить простотой

¹⁶ Криминальная ситуация на рубеже веков в России. Под ред. проф. А.И.Долговой. Криминологическая ассоциация. М., 1999. — С. 11.

организации дорожно-транспортного происшествия в силу практически постоянного использования автотранспорта всеми лицами в своих личных целях, удобства сокрытия улик, что облегчает и способствует применению данного способа в преступных целях; гибель в авиакатастрофе и отравление занимают второе место — по пять случаев (4,2 % и 19,2% соответственно); на третьем месте — по 2 случая — гибель на снегоходе, утопление и падение под поезд (1,7% и 7,7 % соответственно).

К концу девяностых годов стало особенно очевидным, что уголовные дела и официальная статистика перестали содержать не только полные, но и представительные сведения о криминальной ситуации в России: а) нарастала латентность преступности; б) необоснованно декриминализировалось всё большее число фактически общественно опасных деяний; в) сдерживалось создание надлежащей правовой базы противодействия новым общественно опасным деяниям организованных, профессиональных, экономических и должностных преступников.¹⁷

Криминологические исследования показывают, что к 1997 году латентность преступности приобрела беспрецедентный характер. Стало трудно оценивать фактические тенденции даже тех особо тяжких преступлений, которые оценивались ранее как не высоклатентные.¹⁸

По данным, представленным в таблице 1.3, можно легко проследить динамику совершения политических убийств.

Наиболее криминогенными, с точки зрения совершения политических убийств, выделяются 1995 — 15 убийств (12,5 %), 1998 и 2004 годы — по 12 убийств (10,0%). Затем в 2005-м понижение до 7-и (5,8%), а с 2006 года наблюдается определённое повышение — 17 убийств (14,1 %) и уже в 2007 году — 19 убийств (15,8 %).

Всплески уровня преступности в обществе наблюдаются в моменты наибольших социальных и экономических кризисов. Как отмечает С.М. Иншаков, если брать расчётное значение латентных убийств по годам (2001–2006 гг.), то количество таковых увеличилось с 1312 в 2001-м до 10739 в 2006-м году.¹⁹

Изучением латентности преступности в России занимается научно-исследовательская группа НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Эту группу возглавляет профессор С.М. Иншаков. Под его руководством в течение пяти лет проводилось исследование латентности преступности. Результатом труда явился выход в свет издания, представляющего большой научный интерес, «Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006».

¹⁷ *Криминальная ситуация на рубеже веков в России.* Под ред. проф. А.И.Долговой. Криминологическая ассоциация. — М., 1999. — С. 10.

¹⁸ *Там же* — С. 13.

¹⁹ Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / Под ред. С.М. Иншакова. — М., 2007. — С. 75.

Таблица 1.3

Динамика совершения политических убийств в соотношении с уровнем их значимости

Год	Абс.	Доля (%)	Уровень значимости							
			Международный		Федеральный		Региональный		Местный	
			Абс.	Доля (%)	Абс.	Доля (%)	Абс.	Доля (%)	Абс.	Доля (%)
1991	2	1,7	—	—	2	1,7	—	—	—	—
1992	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1993	2	1,7	—	—	—	—	2	1,7	—	—
1994	2	1,7	—	—	2	1,7	—	—	—	—
1995	15	12,5	—	—	7	5,8	8	6,7	—	—
1996	7	5,8	—	—	5	4,2	2	1,7	—	—
1997	2	1,7	—	—	—	—	2	1,7	—	—
1998	12	10,0	—	—	7	5,8	5	4,2	—	—
1999	2	1,7	—	—	—	—	2	1,7	—	—
2000	2	1,7	—	—	2	1,7	—	—	—	—
2001	2	1,7	—	—	2	1,7	—	—	—	—
2002	10	8,3	—	—	7	5,8	3	2,5	—	—
2003	7	5,8	—	—	7	5,8	—	—	—	—
2004	12	10,0	—	—	7	5,8	5	4,2	—	—
2005	7	5,8	—	—	5	4,2	2	1,7	—	—
2006	17	14,1	5	4,2	5	4,2	5	4,2	2	1,7
2007	19	15,8	—	—	7	5,8	12	10,0	—	—
Итого	120	100,0	5	4,2	65	54,2	48	40,3	2	1,7

В России в 1990-е годы особую латентногенную роль играет нестабильность хозяйства. Положение богачей весьма беспокойно, налицо постоянный риск лишиться в конкурентной войне как состояния, так и самой жизни, о чём говорят нередкие банкротства, убийства крупных предпринимателей и лиц, состоящих с ними в деловых отношениях.²⁰

Применительно к политическим убийствам особую роль играют также кризисы в политической сфере, а также борьба за власть, ресурсы, сферы влияния. Наиболее значимые убийства крупнейших банкиров и предпринимателей России совершены в 1995-м. Назовём лишь некоторых из них: П. Ратонин, И. Кивелиди, О. Кантор, В. Яфясов.

Рост политических убийств с 2004 года, скорее всего, связан с усложнением политической обстановки как в России, так и в мире. Здесь можно выделить переизбрание на новый срок В. Путина и порождённую президентскими выборами борьбу за власть на всех властных уровнях, начиная с органов местного самоуправления и заканчивая постом Президента. Отдельной строкой проходит усложнение внешнеполитической обстановки и связанное с этим обострение на Северном Кавказе, рост центробежных сил, экстремизма и терроризма.

Верно подмечено С.У. Дикаевым, что основными направлениями, дающими почву для проявления тех или иных форм проявления терроризма, являются проблемы государственного строя и форм правления, религиозные и военные проблемы, вековые конфликты и геополитические интересы.²¹ Все перечисленные проблемы переплетены воедино в «кавказском узле».

В то же время нельзя забывать об основном источнике антироссийских настроений. Политические преступления агентов влияния длительное время ставились в нашей стране под сомнение, и все упреки в адрес высших политических руководителей в этом плане признавались безосновательными. В то же время американцы никогда не скрывали того, что политическая разведка постоянно отслеживает ситуации во всех странах мира с тем, чтобы влиять на их развитие в интересах США.²²

Намеченная динамика роста политических убийств, вероятнее всего, продолжится. Виною тому обострённая энергетическим коллапсом империалистическая, хищническая политика США и её союзников по Североатлантическому альянсу по отношению к России.

Для дальнейшего криминологического осмысления латентности политических убийств рассмотрим политические убийства, совершаемые в социальных группах российского общества, с соответствующим различным социальным статусом.

²⁰ Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. — СПб., 2006. — С. 208.

²¹ Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. — СПб., 2006. — С. 91.

²² Иншаков С.М. Криминология: Учебник. — М., 2000. — С. 224–226.

Таблица 1.4

Социальный статус жертвы убийства

Статус	Убийства					
	Все		Явные		Скрытые	
	Абс.	Доля (%)	Абс.	Доля (%)	Абс.	Доля (%)
1. Должностные лица высших федеральных органов государственной власти	19	15,8	9	7,5	10	8,3
Должностные лица законодательных органов государственной власти	17	14,2	9	7,5	8	6,7
Должностные лица исполнительных органов государственной власти	2	1,6	—	—	2	1,6
Сотрудники правоохранительных органов	—	—	—	—	—	—
2. Должностные лица высших органов государственной власти субъекта РФ	29	24,2	14	11,7	15	12,5
Должностные лица законодательных органов власти субъекта	18	15,0	10	8,3	8	6,7
Должностные лица исполнительных органов власти субъекта	9	7,5	4	3,3	5	4,2
Сотрудники правоохранительных органов	2	1,6	—	—	2	1,6
3. Должностные лица муниципальных органов власти	10	8,3	10	8,3	—	—
Должностные лица муниципальных законодательных органов власти	2	1,6	2	1,6	—	—
Должностные лица муниципальных исполнительных органов власти	6	5,0	6	5,0	—	—
Сотрудники правоохранительных органов	2	1,6	2	1,6	—	—
4. Работники СМИ	12	10,0	12	10,0	—	—
Работники печатных изданий	10	8,3	10	8,3	—	—
Работники телевидения	2	1,6	2	1,6	—	—
Работники радио	—	—	—	—	—	—
5. Иные лица	50	41,7	49	40,1	1	1,6
Предприниматели (бизнесмены)	12	10,0	11	9,2	1	1,6
Банкиры (финансисты)	14	11,7	14	11,7	—	—
Общественные (политические) деятели	8	6,7	8	6,7	—	—
Дипломатические представители РФ	2	1,6	2	1,6	—	—
Представители духовенства	8	6,7	8	6,7	—	—
Артисты	2	1,6	2	1,6	—	—
Врачи	2	1,6	2	1,6	—	—
Рабочие	2	1,6	2	1,6	—	—
Итого	120	100,0	94	78,3	26	21,7

«Жертва политического преступления» охватывает широкий круг субъектов, которым в результате совершённого политического преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред, либо подрывается их деловая и/или политическая репутация.²³

В качестве основания криминологической типологии жертв политических преступлений и злоупотреблений политической властью может быть признан характер посягательств, совершённых в отношении них. По этому основанию можно выделить жертв политического терроризма, в том числе и политических убийств.²⁴

Наибольшей политической виктимностью, как видно из данных таблицы 1.4, обладают должностные лица законодательных органов власти субъекта — 18 убийств (15,0 %) из них 8 убийств (6,7%) относятся к скрытым, т.е. латентным; в группе «должностные лица законодательных органов государственной власти» — 17 убийств (14,2 %) из них 8 убийств (6,7 %) скрытых (!!!!); группа «банкиров (финансистов)» — 14 убийств. Таким образом, наиболее виктимной и латентной является фигура представителя законодательного органа власти субъекта.

Виктимность группы «должностные лица высших органов государственной власти субъекта РФ», к которой относятся такие персоналии как Дудаев, Евдокимов, Кадыров, Калямин, Корсунов, Лебедь, Фархутдинов, Цветков, Шершунов, скорее всего связана со следующими причинами: 1) укрепление государственной вертикали власти с соответствующими юридическими последствиями; 2) экономические и порождающие их политические противоречия центра и регионов; 3) внутренние противоречия региональной политической и экономической элиты; 4) вскрытие «заинтересованными лицами» коррупционных махинаций на различных государственных уровнях; 5) борьба за власть и сепаратистские движения в регионе, как следствие влияния агентов Запада.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В заключение, хотелось бы подчеркнуть, что латентность политической преступности и, в частности, убийств по политическим мотивам — тяжело исследуемый по самым разнообразным причинам феномен. Но основная причина довольно банальна. Рубить сук, на котором сидишь, будет только недалёкий человек. Во власти таковых немного.

²³ Кабанов П.А., Садеев М.М. Криминальная политическая виктимология как частная межотраслевая криминологическая теория: понятие, содержание и место в системе криминологических знаний. — Казань, 2007. — С. 49.

²⁴ Там же. — С. 60.

Ю. С. Апухтин*

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Целью настоящей статьи является освещение вопроса о латентности преступной деятельности частных военных компаний. При этом мы исходим из сформулированного в рамках семантической концепции положения о криминологическом понимании понятия «преступление», т. е. под преступлением понимается виновное деяние, представляющее значительную опасность для общества, безотносительно к признанию его таковым законом.¹

Частная военная компания (далее — ЧВК) представляет собой коммерческую организацию, созданную для извлечения прибыли путём оказания на основе договоров и в рамках действующего законодательства услуг военного и околвоенного характера (в т. ч. обучение, экипировка персонала, сбор, обработка и анализ разведывательных данных, участие в боевых действиях, охрана стратегических объектов и др.), действующую преимущественно за пределами страны происхождения, и сотрудники которой не являются государственными служащими.

Основными странами, на территории которых зарегистрированы ЧВК, являются США (более 20 ЧВК), Великобритания (более 14 ЧВК) и ЮАР (более 5 ЧВК).

Частные военные компании привлекаются государствами для реализации своей политики, в том числе и преступной.² В рамках указанной деятельности ЧВК как самостоятельно, так и по инициативе государств нарушают права человека, при их участии совершаются преступления против мира и безопасности человечества, такие как наёмничество (Ангола, Хорватия), участие в агрессивной войне (Хорватия, Босния, Ирак, Афганистан), геноцид (Хорватия, Босния) и военные преступления (такие как умышленное убийство, умышленные нападения на гражданское население как таковое или отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия

* **Юрий Станиславович Апухтин** — аспирант кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

© Ю. С. Апухтин, 2009.

¹ Про семантическую концепцию и криминологическое понятие преступления см.: *Шестаков Д.А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. — СПб., 2006.

² См., напр.: *Шестаков Д.А.* Криминологический аспект деятельности частных военных компаний // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2006. — №1(10). — С. 228–229.

в военных действиях, умышленные нападения на гражданские объекты и другие) (Ирак).

Реалии сегодняшнего дня таковы, что, например, армия США настолько зависит от ЧВК, что не может отказаться от услуг ЧВК, так как не сможет заменить их на ряде направлений деятельности военнослужащими.

Самым ярким подтверждением этому является деятельность ЧВК в Ираке. Военная кампания «Иракская свобода» по вторжению войск США в Ирак была бы невозможна без участия ЧВК — в общей сложности на территории Ирака одновременно действовало до 35 000 сотрудников более чем 60 ЧВК, а по данным ООН — от 30 000 до 50 000 сотрудников ЧВК.³

Наиболее яркими примерами скандальной деятельности ЧВК в Ираке являются многочисленные (более 60) случаи убийств мирного населения, беспорядочной и прицельной стрельбы по мирному населению, убийства сотрудников органов государственной власти Ирака, скандал с пытками и бесчеловечным отношением к заключенным в тюрьме Абу-Грейб, где сотрудники ЧВК приняли участие как минимум в трети от всех известных случаях издевательств над заключенными за период с 2003 по 2004 г., и другие случаи противоправного поведения ЧВК и их сотрудников.

Частные военные компании и государства взаимозависимы и связаны между собой политическими отношениями (политический аспект деятельности ЧВК), которые имеют как формальное выражение — договоры на оказание услуг между государством и ЧВК, так и неформальное выражение. С одной стороны, подавляющее большинство высшего руководства ЧВК — в прошлом высокопоставленные чиновники и политики, а с другой стороны ЧВК активно финансируют предвыборные кампании политиков.

Анализ деятельности ЧВК за последние несколько лет позволяет нам прийти к выводу о том, что подавляющее большинство преступлений, совершаемых ЧВК и их сотрудниками, остаётся неучтенным.

Основным и зачастую единственным источником информации о преступной деятельности ЧВК являются средства массовой информации, сообщаемые о самых вопиющих фактах. Реакция же государств-заказчиков услуг ЧВК, как правило, отсутствует или ограничивается заявлениями чиновников о том, что «инцидент будет исследован самым тщательным образом».

До настоящего времени привлечение ЧВК и их сотрудников к ответственности является исключением из общего правила, которое гласит, что ЧВК могут действовать без оглядки на уголовный закон и могут не бояться быть наказанными.

³ Isenberg David. A Fistful of Contractors: The Case for a Pragmatic Assessment of Private Military Companies in Iraq // BASIC Research Report 2004. — September 2004. — P. 28–29.

В связи с деятельностью ЧВК возникает неучтённость:

- преступной государственной политики (политика США в отношении Ирака, Афганистана, Сербии);
- преступлений, не учтенных в силу нежелания чиновников/государства расценивать их как преступление (деятельность ЧВК в Ираке);
- преступления, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями (например, преступления сексуального характера на Балканах);
- скрытые преступления, известные только самим преступникам (например, при осуществлении разведывательной деятельности).

Основными причинами, способствующими высокой латентности преступной деятельности ЧВК, являются:

- прямая политическая и финансовая заинтересованность государств в существовании ЧВК и обусловленная этим бесконтрольность и безнаказанность ЧВК при осуществлении ими своей деятельности;
- отсутствие четкого регулирования деятельности ЧВК, в т.ч. на международном уровне.

Условиями, способствующими высокой латентности преступной деятельности ЧВК, являются:

- тот факт, что ЧВК зачастую осуществляют свою деятельность в слабых, т. н. «несостоявшихся» государствах («failed states»), которые не в состоянии контролировать и противостоять преступной деятельности ЧВК;
- кадровый состав ЧВК, представленный высокопоставленными государственными служащими в отставке.

Учитывая вышеуказанное, можно констатировать, что на настоящий момент преступная деятельность ЧВК в силу указанных обстоятельств характеризуется высоким уровнем латентности.

Полагаем, что до того момента, пока международное сообщество не определит своё отношение к феномену деятельности ЧВК и не зафиксирует его в международном праве, текущая ситуация безнаказанности ЧВК останется неизменной.

По нашему мнению, необходимо предпринимать меры по противодействию преступности ЧВК и уменьшению степени её латентности путём разработки и применения соответствующего криминологического законодательства, основополагающие положения которого должны быть закреплены на международном уровне.

Кроме того, в международном праве надлежит закрепить также правовой статус, ответственность ЧВК и государств-заказчиков услуг ЧВК, а деятельность ЧВК должна быть обременена ограничениями, позволяющими как государствам, так и обществу осуществлять постоянный и эффективный контроль за деятельностью ЧВК.

И. А. Носкова*

ЛАТЕНТНОСТЬ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Прежде всего хотелось бы уточнить термины. Корректен ли сам термин «латентная преступность»? Отталкиваясь от принятой в неовско-вожской криминологической школе семантической концепции преступности, согласно которой, в частности, структура преступности складывается из множественного преступного поведения и взаимодействующих между собой причин преступлений,¹ С.М. Иншаков, сравнивает преступность с магнитным полем. В своём учебнике по военной криминологии он пишет: если под стол поместить магнит, то лежащие на столе металлические опилки из кучки порошка превратятся в металлические столбики. Магнит будет аналогом причин преступности, «стоящие» опилки — совокупностью преступлений.² С учётом этой убедительной иллюстрации, достаточно сложно, однако, понять, что такое «латентная преступность». (Равным образом удивляет, между прочим, активно употребляемый в криминологической литературе термин «организованная преступность». Как можно организовать «свойство общества к воспроизводству преступлений»? Кто его организовал?) Поэтому считаю, что вместо термина «латентная преступность» надо употреблять термин «латентность преступности».

Говоря о преступности средств массовой информации, можно выделить следующие виды преступлений, совершённых с использованием средств массовой информации: преступления, в которых факт использования средств массовой информации имеет юридическое значение и преступления, в которых факт использования средств массовой информации юридического значения не имеет. При рассмотрении преступлений, составляющих первую группу, следует указать, что в настоящее время Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена ответственность за 7 преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации. В некоторых составах преступлений факт использовании средств массовой информации указывается в диспозиции: ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) и ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства); в других же — в качестве ква-

* **Ирина Александровна Носкова** — адъюнкт кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© И. А. Носкова, 2009.

¹ Шестаков Д. А. Криминология. Краткий курс. Преступность как свойство общества. — СПб., 2001. — С. 72, 83.

² Иншаков С. М. Военная криминология: Учебник. Кн. 1. — М., 2001. — С. 47.

лифицирующего признака: ч. 2 ст. 129 УК РФ (клевета), ч. 2 ст. 130 УК РФ (оскорбление), ч. 2 ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), ч. 2 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ч. 2 ст. 354 УК РФ (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны).

Масштабы латентности преступности средств массовой информации в точности не известны, однако при проведении автором настоящей статьи анализа зарегистрированных в 1997–2007 гг. преступлений, предусмотренных ст. 129 УК РФ, установлено, что 59% из них нарушали честь и достоинство действующих депутатов или кандидатов в депутаты, 35% из числа данных преступлений нарушали честь и достоинство ныне действующего губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко. В других преступлениях потерпевшими от клеветы являлись предприниматели или лица, занимающие высокие должности в нашем городе, из чего следует вывод, что прибегают к опровержению клеветы или оскорбления только люди, чья жизнь всегда на виду, у кого имеется потребность в постоянном освещении деятельности своей персоны и у кого на обеспечение данной потребности имеются соответствующие материальные средства. Возбуждение уголовных дел по указанным статьям в некоторых случаях обусловлено также провокациями против потерпевшего с целью его дискриминации. Простые же граждане редко прибегают к защите своей чести, достоинства и деловой репутации. По моему мнению, это связано с недоверием значительной части населения правоохранительным органам; с неверием в способность правоохранительных органов раскрыть преступление и защитить заявителя; с нежеланием связываться с милицией; с опасением мести со стороны преступников; с нежеланием огласки факта посягательства; и самое главное, по моему мнению, с тем, что лицо не вполне осознает себя жертвой преступления. Согласно классификации неучтённых преступлений, предложенной Д. А. Шестаковым,³ латентные преступления в средствах массовой информации можно отнести к следующим группам: преступления, не учтённые в силу невыполнения чиновниками обязанности регистрировать соответствующие заявления, и преступления, о которых не заявлено потерпевшими или свидетелями.

Статистика ГУВД по городу Санкт-Петербургу с 1997 по 2007 год насчитывает всего 6 зарегистрированных преступлений по ст. 130 УК РФ, из них 4 совершены с использованием средств массовой информации. Количество уголовных дел, возбуждённых по ст. 130 УК РФ, едва ли соответствует действительности.

³ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — СПб., 2006. — С. 154.

Кроме того, как сказано выше, к латентным преступлениям в сфере средств массовой информации относятся преступления, в которых факт использования средств массовой информации не имеет юридического значения. К таким преступлениям можно отнести преступления, предусмотренные: ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий), в частности, реализацию права граждан вести агитацию «за» или «против» кандидата в депутаты или на пост Президента Российской Федерации в печати, по телевидению, радио; ст. 359 УК РФ (вербовку наёмника для участия в вооружённом конфликте или военных действиях), где факт возможного использования средств массовой информации не имеет юридического значения; ст. 310 УК РФ (разглашение данных предварительного расследования без разрешения на то прокурора, следователя или лица, производящего дознание); ст. 150 УК РФ и ст. 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обещаний, обмана, угроз или иным способом... и вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий соответственно); ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля). По мнению известного криминолога в области средств массовой информации Ю. И. Гололобовой, ст. 277 УК РФ и некоторые другие статьи, предусмотренные УК РФ, направлены не на физическое устранение, а на разрушение карьеры государственного или общественного деятеля.⁴

Латентность этой группы преступлений обусловлена тем, что хотя они и предусмотрены УК РФ, но совершение их юридически не увязано с использованием средств массовой информации, которое «не криминализировано» ни с помощью конститутивного, ни с помощью квалифицирующего признака состава преступления, а поэтому не учитывается уголовной статистикой.⁵ Считаю необходимым подобные признаки ввести в российское законодательство и таким образом квалифицированным преступлениям в криминологическом смысле придать правовой статус.

Г. Н. Горшенков справедливо указывает, что к преступлениям, совершённым с использованием средств массовой коммуникации, в криминологическом смысле могут быть также отнесены преступления, предусмотренные ст. 291 УК РФ (дача взятки) или ст. 290 УК РФ (получение взятки) в случаях их получения или передачи, например за публикацию материалов или ста-

⁴ Гололобова Ю. И. Средства массовой информации и преступность (криминологический аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2002. — С. 14–15.

⁵ В криминологии под преступлением понимается виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такого законом / Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2006. — С. 147.

тии. Кроме того, к преступлениям, совершённым с использованием средств массовой информации, в криминологическом смысле можно отнести ещё множество преступлений, начиная хулиганством и заканчивая убийством или причинением вреда здоровью. Если обобщить мнения российских специалистов в области криминологии средств массовой информации, таких как Г. Н. Горшенков, Ю. И. Гололобова, Е. М. Юцкова, С. А. Шоткинов, то к преступлениям, совершённым с использованием средств массовой информации, в криминологическом смысле можно отнести порядка двух десятков противоправных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации.

Из преступлений, совершённых с использованием средств массовой информации, по моему мнению, одним из наиболее латентных является преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ (незаконное распространение порнографических материалов или предметов). Незаконное распространение порнографических материалов достаточно часто осуществляется на сайтах Интернета. Однако статистика ГУВД Санкт-Петербурга за 1997–2007 годы отражает всего два преступления, совершённых с использованием сети Интернет. Всего же по ст. 242 УК РФ за указанный промежуток времени было зарегистрировано 398 преступлений. Можно себе представить, во сколько раз возросло бы количество преступлений, если бы по каждому факту размещения на сайтах порнографических материалов возбуждались уголовные дела. Так, согласно ст. 59 закона «О средствах массовой информации», в случае злоупотребления свободой массовой информации, выразившемся в нарушении требований ст. 4 закона «О средствах массовой информации», лицо, их совершившее, должно быть подвергнуто уголовной, административной, дисциплинарной или иной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако в законодательстве, регулирующем правоотношения в электронной сети, много пробелов, например, к уголовной ответственности можно привлечь только учредителя и (или) редакцию (главного редактора) сайта, зарегистрированного в качестве средства массовой информации и отвечающего требованиями, предъявляемым к средствам массовой информации или иным средствам массовой информации.⁶ В то время как авторы сайтов, не соответствующих требованиям, предъявляемым к «иному средству массовой информации», такой ответственности не подлежат. В таких случаях автора сайта можно

⁶ Статья 24. Иные средства массовой информации / Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с изменениями от 13 января, 6 июня, 19 июля, 27 декабря 1995 г., 2 марта 1998 г., 20 июня, 5 августа 2000 г., 4 августа 2001 г., 21 марта, 25 июля 2002 г., 4 июля, 8 декабря 2003 г., 29 июня, 22 августа, 2 ноября 2004 г., 21 июля 2005 г., 27 июля, 16 октября 2006 г., 24 июля 2007 г.). <http://www.garant.ru/main/10064247-001.htm>

привлечь лишь к административной ответственности в соответствии со ст. 13.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ за отсутствие регистрации сайта в качестве средства массовой информации.

Следует также уделить внимание противодействию пропаганде насилия и жестокости. В соответствии со статьей 59 закона «О средствах массовой информации» лицо, нарушившее требования статьи 4 закона «О средствах массовой информации», должно быть привлечено к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако сегодня ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации статьи, предусматривающей ответственность за пропаганду насилия и жестокости, не предусмотрено. Ранее такое деяние было предусмотрено ст. 228.1 УК РСФСР (изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости), введенной Указом Президиума ВС РСФСР от 01 августа 1986 года.

При составлении нынешнего кодекса законодатель посчитал ненужным вводить подобную статью. Возможно, он руководствовался мнением А. А. Плотникова, в соответствии с которым такое уголовно-правовое воздействие оказалось малоэффективно.⁷ Однако сегодня ситуация изменилась, и средства массовой информации не идут единым курсом с политикой государства, а разрознены, и каждое из них преследует свои собственные цели. Кроме того, появились сторонники, выступающие, наоборот, за идею ввода такой статьи. Так, М.Б. Чабанянец предлагает ввести в УК РФ в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» статью 242.1, устанавливающую уголовную ответственность за распространение и рекламирование насилия и жестокости в средствах массовой информации.⁸ Однако в данное предложение необходимо внести некоторые изменения, касающиеся времени, в течение которого запрещается трансляция телепрограмм или видеофильмов, пропагандирующих насилие и жестокость, например с 6 и до 23 часов.

При рассмотрении латентности преступности средств массовой информации к преступлениям, совершённым с использованием средств массо-

⁷ Плотников А. А. Влияние средств массовой информации на правонарушения несовершеннолетних: административно-деликтологический аспект. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Хабаровск, 2003. — С. 16.

⁸ Чабанянец М. Б. Криминологические аспекты влияния насилия и жестокости в средствах массовой информации на агрессивное поведение несовершеннолетних. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ставропольский государственный университет. — Ставрополь, 2002. — С. 19.

вой информации, в криминологическом смысле можно также отнести преступления, предусмотренные ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти); ст. 295 УК РФ (посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, военнослужащего во время или в связи с выполнением обязанностей военной службы); ст. 297 УК РФ (неуважение к суду); ст. 336 УК РФ (оскорбление военнослужащего). Так, например, если в отношении участника судебного разбирательства в средствах массовой информации прозвучит оскорбляющая информация, то деяния виновного подлежат квалификации по ст. 297 УК РФ, а факт использования средств массовой информации при квалификации преступления не учитывается, так как статьей 63 УК РФ определен исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств. Вместе с тем для оскорбительных высказываний в адрес рядового гражданина, согласно ч. 2, ст. 130 УК РФ, установлен квалифицирующий признак «оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Таким образом, участник судебного разбирательства оказался менее защищённым, что нарушает логику законодательства.

Поэтому считаю необходимым восполнить пробел в законодательстве, дополнив статьи 295, 297, 319, 336 УК РФ квалифицированным составом, предусматривающим совершение преступления с использованием средств массовой информации.

М.А. Крупина*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ КАК МЕРА БОРЬБЫ С ЛАТЕНТНОСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Без опоры на статистические данные не может быть научного руководства предупреждения преступности и оздоровления общества в целом. Правильная организация уголовной статистики, её гласность — одно из важных условий, способствующих решению задач научного управления и целенаправленного воздействия на преступность. Такое воздействие, естественно, должно осуществляться на основе достоверного и относительно полного знания о числе совершаемых преступлений («преступном множестве»), о его состоянии, уровне, структуре, динамике. Эффективное управление процессом противодействия преступности предполагает наличие высококачественной информации, являющейся результатом регистрации, обобщения и тщательного изучения массы фактов совершения преступлений и мер реакции на них. Огромна роль уголовной статистики в деле изучения преступности и предупреждения преступлений. Чтобы действовать с какими-то шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать. Решение задач профилактики преступлений немыслимо без научно должного информационного обеспечения этой деятельности. В известном смысле уголовная статистика является средством борьбы с латентной частью преступности.

Широкая гласность во всех сферах жизни общества, в том числе и в деятельности органов внутренних дел, необходима. Во-первых, это позволяет дать чёткое представление о реальном состоянии дел, о тех конкретных задачах, которые сегодня стоят перед милицией, а во-вторых, пресекает ненужные, вредные слухи, различные измышления. Чтобы правильно определять направления противодействия преступности, объём профилактических мероприятий по предупреждению преступлений, необходимо ответить на вопрос: насколько достоверны сегодня цифры, характеризующие преступность в целом и преступность несовершеннолетних в частности? Недостаток статистической информации осложняет координацию усилий практических и научных работников правоохранительных органов.

Как известно, чтобы своевременно подмечать признаки социального нездоровья, эффективно принимать профилактические меры для нейтрализации его причин, необходимо иметь доступ к криминологической информа-

* **Крупина Марина Александровна** — адъюнкт Санкт-Петербургского Университета МВД России, зам. начальника отдела обеспечения контроля за полнотой и достоверностью статистической информации Информационного центра ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Санкт-Петербург, Россия).

© М.А. Крупина, 2009.

ции. Образно говоря, она является мостом между теорией и практикой, поскольку любое научное положение (как и практическое решение) должно базироваться на фактах, обобщении и анализе уголовной статистики. Всесторонняя криминологическая информация — основа эффективного управления в сфере противодействия преступности и иным правонарушениям. И если имеется дефицит в информации, то это непременно ведёт к сбоям в управлении. Информация о преступности, в конечном счёте, служит, пусть и не единственным, но, тем не менее, важным индикатором ряда тенденций общественного развития. Изучая эти явления, мы не только удовлетворяем практические информационные потребности органов государственной власти и управления, правоохранительных органов, но и получаем необходимые представления о более общих социальных процессах.

Особую актуальность вышеизложенное приобретает, когда речь идёт об эффективности предупреждения преступлений и составления достоверных криминологических прогнозов. Показатели моральной статистики — представительные индикаторы несовершенств социально-экономических, организационно-управленческих, социально-психологических, идеолого-воспитательных и уголовно-правовых отношений. Эти индикаторы, более или менее точно регистрируя наличие неблагополучия в общественных отношениях, далеко не всегда достоверно указывают их количество и конкретный адрес. Нужна аналитическая работа экономистов, политологов, социологов, психологов, криминологов и юристов других специальностей, чтобы диагностировать суть неблагополучия и проследить причинную цепь его криминогенного влияния на поведение людей. Такая работа необходима не столько в юридических целях, тем более не для улучшения морально-статистических показателей, сколько для совершенствования общественных отношений. В этом заключается главное назначение открытой и доступной моральной статистики. И именно поэтому она в течение шестидесяти лет в стране была возведена в ранг государственной тайны. Ибо «как бы ни выглядели сухо эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, — писал Маркс о показателях преступности, — они в действительности дают больше ценного материала для истории... нежели тома, полные риторической чепухи и политической болтовни».¹

Статистика на практике оказывается неточной, к тому же она по-прежнему остается инструментом в руках политиков. Статистические данные всячески искажаются в угоду тем или иным силам. Если раньше правовая статистика как самостоятельная наука попросту игнорировалась, то сейчас она подвергается искусственным искажениям. В связи с этим уголовную статистику необходимо рассматривать в неразрывной связи с латентностью преступности, при изучении уголовной статистики должна ставиться задача: опреде-

¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Том 13. — С. 513.*

лить степень латентности преступности. Каждое преступление и несовершеннолетних в том числе должно найти своё отражение в уголовной статистике. Именно совершенствование единого учёта преступлений, совершенствование уголовной статистики в целом является одной из мер, позволяющих вести борьбу с латентностью преступности.²

Следует отметить, что масса проблем статистического учёта остаётся нерешенной. При этом важно обратить особое внимание на необходимость обмена опытом с национальными статистическими службами развитых стран в этой области, что у нас ранее не практиковалось. В этой связи заслуживает внимания вывод специалистов США и Великобритании о том, что степень активности полиции не оказывает значительного влияния на уровень числа совершаемых преступлений, поскольку правопорядок нельзя рассматривать как результат её деятельности — в обществе действуют другие факторы, регулирующие поведение людей и сдерживающие рост множества совершаемых преступлений. Эти факторы легче выявить в результате комплексного анализа социальных явлений и установления корреляционной зависимости между различными объектами учёта в рамках государственной статистики. А степень активности правоохранительных органов можно было бы определять по результатам их деятельности на различных уголовно-процессуальных стадиях раскрытия преступлений. Это позволило бы точно определять не только количество совершённых преступлений различных видов, но и число лиц, привлечённых к уголовной ответственности, а также то, сколько преступлений, вменённых следователем, судом переквалифицировано, сколько людей осуждено и сколько оправдано, а кроме того, иметь полные сведения о потерпевшем.³

Необходимо организовать систему учёта криминальных проявлений таким образом, чтобы по всей их массе иметь наиболее полную картину криминальной обстановки в стране. Именно по регистрации заявлений и сообщений о криминальных проявлениях судят о состоянии криминальной активности в таких странах, как США, Франция, Германия, Голландия и т. д. При этом регистрация криминальных проявлений не препятствует дальнейшему уточнению картины преступности. В связи с этим, очевидно, что более объективному формированию государственной статистической отчётности о состоянии преступности и результатах противодействия ей будет способствовать введение новой статистической единицы — «происшествие с признаками преступления», что даст возможность учитывать упомянутые выше деяния с момента, когда поступило заявление или сообщение о его совершении.

² Андреев В.Б. Совершенствование уголовной статистики, как мера борьбы с латентной преступностью // Вестник Калининградского юридического института МВД 2002. — № 1. — С. 51–56.

³ Скоромников К.С. Существующая система учёта преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. — 2000. — № 1. — С. 108–110.

Необходима разработка подсистемы регистрации и учёта преступлений (в т. ч. преступлений несовершеннолетних), выявленных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Это важнейший блок в единой системе выявления, учёта и регистрации преступлений. Оперативно-розыскная деятельность по сути своей и направлена на выявление скрытых (латентных) преступлений. Изучение дел оперативного учёта показывает, что в ходе проведения скрытого наблюдения, электронного контроля, агентурных мероприятий фиксируются значительные объёмы информации, содержащей сведения о неизвестных органам милиции преступлениях. Большая часть этой информации остаётся только в делах оперативного учёта и не фиксируется никакими другими средствами.⁴

В этой связи стоит задача устранения противоречий, проявляющихся в оперативно-розыскной деятельности, когда выявление преступлений обеспечивает в основном только саму оперативно-розыскную деятельность, не решая при этом общей задачи всей судебной системы и правоохранительных органов по максимально полному выявлению, регистрации и учёту преступлений. Государственная система выявления, регистрации и учёта преступлений должна быть основана на современных информационных технологиях, а вся информация о криминальных проявлениях (от первичных сообщений до уголовно-процессуальных документов) должна фиксироваться на электронных носителях. Особое внимание следует уделить понятию «отдельного учёта преступлений». Речь идёт об учёте происшествий с признаками преступления, по факту которых было отказано в возбуждении уголовного дела, либо были возбуждены уголовные дела, которые впоследствии были прекращены в связи с отсутствием субъекта преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

К этому относятся случаи, когда общественно опасное деяние было совершено лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности либо несовершеннолетним, который хотя и достиг возраста уголовной ответственности, но из-за отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом. Последние категории лиц являются потенциальными преступниками. Анализ достоверной статистической информации о совершаемых ими противоправных действиях — одно из приоритетных направлений криминологической профилактики преступлений несовершеннолетних и противодействия преступности в целом на современном этапе.

Естественно, что такие события не могут быть отнесены к преступлениям в юридическом смысле и поэтому в общую статистику преступлений они не

⁴ Горяинов К.К., Овчинский В.С., Шумилова А.Ю. Учебник: Оперативно-розыскная деятельность. — М., 2001.

включаются. Однако в целях обеспечения информационной поддержки мер профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, а также мер по снижению вероятности совершения общественно опасных деяний немнимо-ными необходимо знать как размер, так и динамику этих социальных явлений. Очевидно, что эти деликты подлежат постановке на отдельный учёт, чтобы была возможность в случае необходимости обеспечить сплошное статистическое наблюдение как в субъекте Федерации, так и в России в целом.⁵ В связи со сказанным нельзя не отметить прикладное значение разработки так называемого криминологического понятия преступления, согласно которому под оным понимается виновное деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно к признанию его в качестве такового законом.⁶

В ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в настоящее время находится в стадии формирования электронная база несовершеннолетних, состоящих на учёте (пока только по Санкт-Петербургу). Планируется, что впоследствии каждый инспектор со своего рабочего места сможет вводить в неё всю необходимую информацию о несовершеннолетних и их родителях, образе жизни, занятиях и пр. На основе вводимых данных будут составляться отчёты, планы профилактических мероприятий, вноситься разовые запросы, что значительно повысит достоверность криминологических прогнозов и эффективность работы по предупреждению преступлений несовершеннолетних в целом.

К сожалению, в настоящее время решение вышеизложенных проблем в полном объёме не представляется возможным ввиду отсутствия материально-технической базы. Несомненно, в будущем реализация этих задач внесёт вклад в дело борьбы с преступностью. Рассматриваемые проблемы носят комплексный характер и не могут быть решены без принятия иных мер по совершенствованию деятельности органов внутренних дел. К её решению необходимо привлечь специалистов в области правовой статистики, представителей ведомственной науки и всех правоохранительных органов. Требуется разработка на единой методологической основе системы взаимосвязанных показателей для оценки состояния преступности. Необходимо отметить, что назревшая в гораздо более широком плане реформа ОВД невозможна без политической воли и реальных усилий самых разных государственных институтов.

⁵ Конаваленко Р. Д. Важный фактор укрепления учетно-регистрационной дисциплины. Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». — 2005. — № 2 (64). — С. 18–21.

⁶ Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2006. — С. 147.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

С. Ф. Милоков*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ГРАЖДАНСКУЮ САМОЗАЩИТУ. ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Отзыв официального оппонента о диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук: Меркурьев В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. — 458 с. (специальность 12.00.08)

Количественные и качественные характеристики современной российской преступности продолжают неуклонно ухудшаться. Это не находит адекватного отражения в официальной уголовной статистике (некоторым исключением является 2005—2006 гг.), зато отчётливо осознаётся честными учёными и практиками, а, главное, непосредственно ощущается законопослушным населением, несущим огромные людские и материальные потери от посягательств общеуголовных, экономических и политических преступников. Государственные структуры не в состоянии удовлетворительно защитить граждан от возникающих угроз. В то же время правоохранительные органы (в том числе суды) отнюдь не приветствуют инициативу самих жертв, нередко подвергая их незаконной уголовной репрессии. Положение усложняется плохим знанием содержания и смысла соответствующих правовых норм, их несовершенством и отсутствием единообразия в применении.

Нельзя сказать, что правоведы остаются безучастными к вопиющим недостаткам в защите жизни, чести, достоинства, имущественных и других благ человека. В настоящее время интенсивно продолжаются начатые ещё 200 лет назад исследования состояния необходимой обороны и других обстоятельств, исключających общественную опасность защитных действий. Плохо то, что эти исследования ведутся в основном в русле традиционных уголовно-правовых догм в отрыве от тщательного анализа современной криминологической обстановки, ближних и дальних перспектив её развития и трансформации,

* **Сергей Фёдорович Милоков** — доктор юридических наук, профессор юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. (Санкт-Петербург, Россия).

© С. Ф. Милоков, 2009.

без привлечения достижений иных правовых дисциплин, а также философии, социологии, экономики, политологии и психологии.

Поэтому избранный соискателем предмет исследования отнюдь не исчерпан, а некоторые его области представляются нам почти не познанными.

Диссертант, имя которого достаточно хорошо известно юридической общественности по его трудам и выступлениям, посвящённым сложным проблемам необходимой обороны, взялся за решение фундаментальной задачи создания комплексной теории гражданской самозащиты. Следует констатировать, что это ему в достаточной степени удалось при несомненной научной новизне полученных результатов.

Достоверность выводов и рекомендаций автора обеспечена широким кругом разнообразных литературных источников, уважительным, но в то же время критическим отношением к их содержанию. Хотя в названии диссертации подчёркивается теоретический характер работы, её положения прочно базируются на обширной статистической и конкретно-социологической информации, в том числе добытой лично соискателем. Эта информация даёт ясное представление о сложившейся практике защиты правоохраняемых интересов граждан во многих регионах России, в том числе и в местах лишения свободы (с. 13–14). В обработанном виде криминологические данные заключены в приложение (с. 394–458), что делает их доступными для других исследователей.

Многие положения данного диссертационного труда имеют методологическое, теоретическое и прикладное значение. Они могут быть использованы в педагогическом процессе юридических и иного профиля учебных заведений, а некоторые — в правовой пропаганде среди населения.

Добытые соискателем научные результаты всесторонне апробированы на многочисленных научных форумах различного, в том числе международного и всероссийского, уровня. Они нашли полное отражение в монографических и иных публикациях автора общим объёмом около 125 п.л. (с. 47–54 автореферата).

Диссертация и автореферат, который даёт адекватное представление об актуальности, научной и практической значимости предпринятого исследования, его результатах и степени их достоверности, написаны хорошим литературным языком и безукоризненно оформлены.

Заслуживают поддержки или, по крайней мере, дальнейшего обсуждения большинство положений, как вынесенных непосредственно на защиту (прежде всего 4-е, 5-е, 7-е — с. 16–17), так и содержащихся в конкретных главах работы.

Скажем, диссертант приводит впечатляющие данные проведенного им опроса граждан, среди которых лишь 14,7% заявили о том, что закон в большей мере защищает законопослушного человека, а 68,5 % сочли, что приоритетом правовой охраны является преступник (с. 5, 35).

Между тем власть к настоящему времени накопила невиданный доселе силовой ресурс. Так, по данным полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе Д. Козака, на 100 тыс. жителей округа приходится около 1180 сотрудников правоохранительных органов, что образует самую высокую плотность в Европе и Северной Америке. В то же время на одного сотрудника в 2004 г. пришлось всего 2,7 преступлений, в то время как в Израиле этот показатель составил 25 преступлений; в США — 17, 8; в ФРГ — 24; Великобритании — 29; Чехии — 12¹.

Спрашивается, на что же нацелены эти силы в России? Ответ однозначен — на защиту т. н. «элиты», скопившей невиданные богатства криминальными способами и теперь пытающейся сохранить эти ресурсы и свою жизнь от посягательств конкурирующих группировок и возможного недовольства народа. Конечно, надо учитывать и низкие профессиональные, нравственные и волевые качества большинства сотрудников милиции и других силовых структур, их озабоченность обеспечением собственного материального достатка. Гражданам же остаётся уповать на собственные силы, что и делает идею гражданской самозащиты столь злободневной.

Отсюда ссылка на мысль Л.Н. Толстого о необходимости объединения честных людей в противостоянии порочным выглядит не просто доказательством эрудиции автора (с. 6), а служит отправным моментом в пользу идеи *коллективной* самозащиты (с. 83, 145, 157). На наш взгляд, допущение такой защиты (к чему не готовы пока ни законодательство, ни властные структуры) и будет убедительным доказательством того, что Российская Федерация не декларативно, а реально является подлинно демократическим государством.

Опираясь на высказывание другого классика (на этот раз из сферы теории права) Р. Иеринга (с. 118) о том, что сопротивление беззаконию является обязанностью нравственно не тупого человека, диссертант приходит к методологически важному выводу о том, что самозащита применима и к юридическим обязанностям (с. 128), коль скоро последние становятся непосильными для гражданина.

Пока же реакцией населения на удручающую пассивность власти зачастую становятся противоправные формы защиты своих интересов, вплоть до распространённых ныне «казачьих» убийств (с. 55—58, 85, 317, 324). Сформировалась и успешно функционирует система «теневой» юстиции (с. 144). Она, кстати, действует, как правило, безошибочно, чего не скажешь о легальных органах следствия, прокуратуры и суда и исполнения наказания, решения которых нередко противоречат материальному и процессуальному закону (с. 60—63, 67, 88). Чего стоит, скажем, установленный соискателем факт того, что при покушении на причинение тяжкого вреда здоровью ни по

¹ Козак Д. Численность не соответствует результатам работы // Южный репортёр. — 2005. — 14—20 ноября.

одному (!) случаю органами предварительного расследования и суда не было констатировано состояния необходимой обороны (с. 259–260).

Поневоле гражданин будет искать защиты у местного «смотрящего» либо действовать предельно жёстко, дабы избавить себя от утомительного и небезопасного общения с представителями легальной юриспруденции (сюда, кстати, в отличие от диссертанта, мы причисляем и адвокатов, нередко провоцирующих возникновение у своих подзащитных комплекса вины в ситуациях, когда они не нарушали требования закона).

Конечно, далеко не все граждане, коль скоро они зовутся законопослушными, способны на прямое нарушение правовых установлений. Поэтому безвыходность ситуации толкает многих из них на акты аутоагрессии — самосожжение (с. 135), голодовку (с. 136), членовредительство, в том числе массовое (в местах лишения свободы) (с. 136–138), забастовку (с. 139, 149).

Особенно часто в постсоветское время россияне прибегают к голодовкам. Поскольку власти пытаются «не заметить» этих актов отчаяния, диссертант обоснованно предлагает (вслед за В.М. Барановым) ввести в правовое поле юридический механизм, обязывающий государственные органы и должностные лица реагировать (в письменной форме) на объявление забастовки (с. 136).

Нельзя не разделить озабоченности автора состоянием защиты чести и достоинства российских граждан. Мы поддерживаем его мнение о допустимости защиты этих благ насильственными способами (с. 254).

Наконец, пристального внимания специалистов (в том числе в профильных комитетах Государственной Думы) заслуживает целый пакет законотворческих предложений соискателя. Наиболее удачными среди них представляется авторская редакция ст. 39 УК РФ (с. 232, 333), за исключением признака непосредственности угрозы причинения вреда. Характерно, что потребность в этом признаке подвергает сомнению и сам автор, разделяя нашу точку зрения о том, что состояние крайней необходимости может возникнуть заблаговременно (с. 213). Это лишний раз показывает сложность поиска приемлемых правовых форм, пускай и верных в научном отношении, идей.

Настоящей диссертации присущи и другие достоинства, которые по всей вероятности, будут отмечены иными рецензентами.

Однако исследование столь объёмной, противоречивой и, в некоторых аспектах, недостаточно изученной темы не могло не породить ряда спорных, мало обоснованных положений и других несовершенств. Остановимся на наиболее принципиальных из них.

1. В диссертации, как и в предыдущих монографических публикациях автора, настойчиво проводится мысль о естественной природе права на самозащиту (с. 18, 154, 158, 160, 179). На странице 121 он пишет по этому поводу: «Право на самозащиту относится к естественным правам человека и возникает с момента рождения — независимо от места жительства и пребы-

вания, общественного строя страны, внутригосударственной нормативной регламентации».

Усомниться в истинности этих суждений позволяют иные мысли самого диссертанта на этот счёт. Так, семью страницами ранее автор пишет: «Право человека, закрепленное в ч.2 ст. 45 Конституции РФ, — явление относительно новое для российского государственного права... Термин «самозащита» в отечественном конституционном праве стал употребляться в учебной и научной литературе только с середины 90-х гг. XX в.».

И главное — коль скоро право на самозащиту естественно возникает с рождением человека, то почему соискатель считает, что субъектом необходимой обороны (а это, по его справедливому мнению, сердцевина самозащиты), можно признать только вменяемого человека, достигшего возраста уголовной ответственности, способного тем самым осмысленно защищаться (с. 287)? Нет ли здесь невольной уступки тем учёным (Е.В. Благов и др.), которые находят в действиях обороняющегося полный состав соответствующего насильственного преступления и лишь ввиду обстановки его совершения допускают избавление субъекта от соответствующей кары?

По нашему убеждению, хотя в основе права на необходимую оборону, задержание преступника и причинение вреда преступнику ввиду крайней необходимости и лежит наследственный инстинкт самосохранения, оно не возникает спонтанно, а отвоёвывается у государства, не желающего отдавать это право частным лицам, обоснованно опасаясь, что это право будет реализовано против произвола тех, чьи интересы преимущественно защищает это государство и творимое им право.

Не случайно, видимо, в диссертации воспроизводится тезис юношеского исследования А.Ф. Кони (1865 г.), который осмелился обосновать право на сопротивление официальным лицам, а также всему правительству в форме революции (с. 287). Известно, что этот выдающийся юрист едва не был репрессирован царской карательной машиной, что, впрочем, в последующем обеспечило благосклонное к нему отношение большевистской власти.

2. Кардинальную новизну анализируемому исследованию, как уже отмечалось, обеспечило привлечение автором обширного массива криминологических сведений. Однако некоторые его выводы в этой сфере вызывают возражения.

Так, мы не нашли в диссертации чёткого объяснения очередного статистического феномена — снижения числа выявленных убийств в России в 2002—2005 гг. (с. 397). К сожалению, автор не проследил эту тенденцию в 2006 г., хотя, несомненно, располагал соответствующими данными по крайней мере за девять месяцев истекшего года.

По нашему мнению, этот процесс носит во многом искусственный характер, в чём, кстати, убеждают данные о числе преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ за этот же период (с. 398), которые не подтверждают такой

тенденции. Не исключено, что мы имеем дело с выполнением очередного социального заказа — навести цивилизованный глянec на современную российскую действительность, отодвинув её, скажем, от южноафриканской.

Противоречивыми выглядят оценки автора современной криминогенной и медико-социальной обстановки в исправительных учреждениях. Сначала он говорит о стабильной оперативной обстановке в этих учреждениях (с. 88), а затем, опровергая самого себя, указывает на стремительный рост числа преступлений (сразу на 22% в 2005 г.) в этих учреждениях (там же), увеличение в том же году смертности осуждённых на 12% (с. 89) и, главное, скачок деяний, дезорганизирующих карательно-воспитательный процесс в ИУ (с. 93). В конце концов автор делает честный вывод об осложнении криминогенной ситуации в местах лишения свободы за последние годы (там же).

Причина этих колебаний понятна — криминальные процессы в ИУ загнаны далеко вглубь. Об этом говорит и сам автор, приводя удручающие итоги опросов осуждённых во владимирских колониях и тюрьме, которые показали, что от 70 до 82 % осуждённых женщин и мужчин подвергались насилию в период отбывания наказания (с. 90).

Искусственное благополучие в местах заключения чревато массовыми эксцессами с возможным прорывом содержащихся там лиц на свободу. Но и затишье на руку не только высокопоставленным чиновникам, но и криминальным авторитетам, безнаказанно утверждающим свою власть и «суд» над основной массой осуждённых.

3. Выше уже подчёркивалась значимость вклада диссертанта в законопроектный процесс. Однако не со всеми его рекомендациями законодателю можно согласиться.

Так п. «а» и «б» ч. 3 предлагаемой им редакции ст. 37 УК РФ (с. 18, 332) чрезвычайно и необоснованно сужают временные рамки наличности посягательства до совершения или попытки совершения террористического акта, захвата заложника, похищения человека и даже разбойного нападения (последнее вообще представляется нонсенсом, так как данный состав не предполагает стадию покушения). В результате получается, что защищающийся не вправе лишать жизни террориста, пытающегося пронести (установить) взрывное устройство в многолюдном месте, или применить оружие к толпе разбойников (грабителей) направляющихся к объекту нападения.

Эти и последующие рассуждения (с. 183) не соответствуют хорошо прописанной в диссертации картине современной российской преступности и поэтому, на наш взгляд, криминологически не обоснованы. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что в дальнейшем автор отходит от столь жёсткой позиции и говорит о защите «от посягательства, ещё не осуществляющегося и даже не грозящего, но лишь способного грозить (угрожать) своим существованием», называя эту деятельность «упреждающей оборонной» (с. 283). К сожалению, данная здравая мысль не остановила его от вос-

произведения на следующей (!) странице работы критикуемых новаций в ст. 37 УК РФ (с. 284).

Аналогичное противоречие мы находим и в суждениях автора о нормативном закреплении понятия превышения необходимой обороны. С одной стороны, он поддерживает Г. Колмакову, считая, что «освобождение законодательных установлений о гражданской самозащите в трёх её составляющих (ст. 37–39 УК РФ) от такого оценочного понятия, как превышение пределов необходимой обороны (крайней необходимости, мер задержания), — основной шаг к их совершенствованию» (с. 64), а с другой совершенно обоснованно настаивает на сохранении этого понятия в предлагаемых редакциях ст. ст. 37, 38, и 39 УК РФ (с. 332, 333 и др.) Последнее мнение представляется более верным, так как в диссертации убедительно подтверждается сохранение и даже укрепление обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и судов (конечно, в отношении обороняющегося или задерживающего, а отнюдь не посягателей) — см. с. 60–63 и др. Устранение из правового поля норм о превышении мер самозащиты в этих условиях неизбежно приведёт к ухудшению положения защищавшихся — их будут привлекать уже не за превышение (подлинное или мнимое) мер защиты, а за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без смягчающих, а то и с отягчающими обстоятельствами. К тому же не ясно, что делать со ст. ст. 108 и 114 УК РФ, коль скоро из Общей части исчезнут выполняющие по отношению к ним роль правового фундамента соответствующие нормы?

Приведённые выше резоны не позволяют нам поддержать и авторскую редакцию ст. 38 УК РФ, которая допускает правомерное причинение вреда при задержании лишь лицам, совершившим *очевидное* общественно опасное посягательство (с. 200, 203, 205, 206, 333). Во-первых, отнюдь не очевидно само понятие «очевидное преступление», что неизбежно вызовет разнобой в следственной и судебной практике и при упомянутом выше обвинительном уклоне будет пагубно сказываться на судьбе инициативных граждан и сотрудников силовых структур (прежде всего МВД). Во-вторых, во многих ситуациях весьма актуально задержание как раз лиц, совершивших неочевидные (т. н. «глухие») преступления, раскрывающиеся спустя недели, месяцы и даже годы. Получается, что к таким преступникам — умным, изворотливым, хитрым (читай — высокопрофессиональным) меры насильственного задержания будут неприменимы?

Попутно оспорим мнение диссертанта о допустимости применения силы лишь к лицу «*активно*» (курсив наш. — С. М.) уклоняющемуся от доставления в соответствующие органы власти» (с. 153). С практической точки зрения это будет препятствовать насильственному доставлению в эти органы лиц, не желающих следовать за задерживающим в безлюдных, удалённых (лес, степь, водная поверхность) или, напротив, многолюдных местах. Преступники

хорошо понимают выгоду такого пассивного поведения и нередко прибегают к нему (ложатся на землю, не открывают запертые двери, не выходят из автомобилей и. т. п.).

4. Мы не разделяем мнения диссертанта о том, что под общественно опасным посягательством, от которого возможна необходимая оборона, вслед за прочно сложившейся судебно-следственной практикой «следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона» (с. 264—265, а также с. 266, 275, 335). Это блокирует возможность обороняться от весьма опасных административных деликтов (хищение на сумму до 1 МРОТ, управление автотранспортом в нетрезвом состоянии, мелкое хулиганство, самовольное занятие земельного участка, контрабанда, стрельба из оружия в не отведённых местах и мн. другое).

Мало того, диссертант пытается воспретить оборону даже от некоторых преступлений, указывая среди них почему-то и ст. 182 УК РФ (с. 266), которая изъята из Кодекса законодателем, причём необоснованно, более трёх лет назад. На первый взгляд его (и не только его, но и многих специалистов) выглядит резонно: мыслимо ли причинить вред свидетелю, дающему заведомо ложные показания (с. 277). Вряд ли это было необходимо лет 25-30 назад. Но сейчас, когда лжесвидетельство лежит в основе фальсификации доказательств с целью заключения под стражу заведомо невиновных людей (сотрудников по бизнесу, претендентов на властные должности), необходимая оборона от него уже не выглядит ненаучной фантастикой. Всё дело в изменении криминологической реальности, за которой не поспевает не только законодатель, но и квалифицированные правоведы и криминологи, к коим, без сомнения, относится и соискатель.

Отмеченные недостатки не могут существенным образом сказываться на научно-теоретической, практической и педагогической ценности рассматриваемого труда. Они не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения прав человека на гражданскую самозащиту» является законченным монографическим исследованием фундаментальной криминологической и уголовно-правовой проблемы, в котором даются обоснованные её решения, что соответствует требованиям п. 8 Положения о порядке присуждения учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74.

Виктор Викторович Меркурьев, как автор названной диссертации, достоин присуждения ему искомой учёной степени доктора юридических наук.

*Самая первая публикация
учредителя Санкт-Петербургского
криминологического клуба*

1976

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА . №11

116

Д.А. Шестаков

ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

Совершение на почве семейной конфликтности преступления является исключительной, крайней формой ее разрешения. Криминальные последствия семейного неблагополучия могут быть направлены как вовне, так и внутрь семьи. В последнем случае общественно опасное деяние совершается в отношении кого-либо из ее членов. Именно об этом аспекте криминогенной семейной ситуации и пойдет речь в настоящей статье.

Такое сужение предмета исследования диктуется прежде всего наличием тяжких преступных посягательств на членов семьи преступника.¹ В то же время снижение рождаемости, рост числа разводов свидетельствуют, по-видимому, об известном обострении противоречий внутри социального института семьи и требуют наиболее пристального внимания к ситуации крайнего обострения данных противоречий с криминальным исходом.

Непосредственным источником волевого акта, а следовательно, и самого преступления является взаимодействие конкретной, жизненной ситуации и свойств личности.² Исходя из этого, признанного положения мы считаем целесообразным описать модель типичной семейной ситуации, приводящей к совершению преступления. Вероятно, одним из простых вариантов этой модели будет модель ситуации совершения преступления против супруга внутри нуклеарной семьи. Нуклеарная семья (родители — дети), как известно, представляет собой типичный вариант современной городской семьи. Разумеется, в семьях разных типов могут преобладать те или иные элементы отношений. И тем не менее главное в их совпадает — это выдвижение на первый план супружества.³ Супружеские убийства составляют большинство среди других видов убийств на семейной почве. Но и в убийствах иных членов семьи неблагополучные отношения между супругами играют значительную роль.

¹Выводы, изложенные в статье, основаны на выборочных исследованиях умышленных убийств, совершенных на семейной почве в Ленинграде в 1972—1974 гг. Компоненты ситуации убийства в семье в известной мере показательны и для совершения иных преступлений в отношении членов семьи преступника.

²Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 39.

³Голод С. И. Молодая семья//Молодежь и современность. Л.— С. 131—132.

Изучение умышленных убийств супругов позволило в качестве гипотезы названной модели выдвинуть три взаимодействующих компонента: 1) обострение супружеских противоречий; 2) повышенная эмоциональная связь между супругами; 3) нарушение баланса между центростремительными и центробежными устремлениями супругов.

Сам факт вступления в брак двух человек, каждого со своими представлениями, воспитанием, привычками, предполагает возникновение определенных противоречий. Противоречия, присущие конкретной семье, являются отражением противоречий семьи как социального института. В настоящее время в семье происходит изменение взаимоотношений ее членов, исчезает традиционное четкое распределение ролей. Эти тенденции обусловлены раскрепощением женщин, в результате которого последние приобретают равные с мужчинами права и теряют некоторые привилегии. Отметим, что и та и другая сторона этого демократического процесса далеко не всегда протекает без сопротивления представителей заинтересованного пола. Внутренние семейные противоречия несколько обостряются.

В изученных семьях, внутри которых были совершены умышленные убийства одного из супругов, основой конфликтности служила противоположность взглядов супругов на следующие важные моменты супружеской жизни: добрая и внебрачная половая жизнь; борьба за главенство в семье; злоупотребление спиртными напитками; жилищный вопрос. Среди оснований конфликтов, которые привели к преступлению, выделяются две главные группы: противоречия внутрисемейного общения и противоречия, обусловленные внешними коммуникациями.

«Внешние» противоречия супругов связаны с их стремлением к автономности, с отстаиванием права на отдельную от партнера по браку личную жизнь. Социологические исследования показывают, что у нас произошли изменения в области половой морали.⁴ По мнению социологов, в условиях научно-технической революции, урбанизации, процесса эмансипации женщин и феминизации части мужчин конфликт между новыми нравственными отношениями и старой семейной моралью, требующей пожизненного единобрачия претерпевает значительное обострение⁵.

Общественное мнение не выработало единства по поводу образа половой жизни, если не считать того, что большая снисходительность обычно проявляется к собственному полу. Часть людей придерживается традиционных требований, часть стоит на противоположных позициях. Весьма значительная доля конфликтов с криминальным исходом связана с супружеской неверностью или со стремлением к таковой одного из супругов.

⁴ Социально-философские проблемы демографии // Вопросы философии, 1974, № 11, с. 91.

⁵ См.: Голод С.И. Классики марксизма-ленинизма о перспективах брачно-сексуальных отношений // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972, с. 70.

В центре внутренних семейных противоречий находится борьба за главенство, что особенно характерно для молодых семей. Причем суть конфликта не всегда осознается супругами непосредственно в плоскости конкуренции за лидерство. Часто ссоры возникают из-за распределения прав в отдельных сферах совместной жизни: хозяйственные обязанности; приоритет при решении вопроса о рождении ребенка; воспитание детей. С вопросом о лидерстве теснейшим образом связаны финансовые отношения супругов и распределение между ними обязанностей, включая обязанности по воспитанию детей.

В процессе взаимной адаптации члены семьи учатся «обходить» острые вопросы. Однако фактическое наличие противоположных позиций продолжает таить в себе потенциальную опасность. Вскрытию противоречий способствуют контакты с окружающими, прежде всего с теми, которые образуют референтную группу по отношению к кому-либо из супругов. Согласно бытующему мнению одним из показателей преуспевания в браке служит то, насколько удастся подчинить супругу своего партнера.⁶ Значительной части супружеских убийств предшествует встреча супругов с приятелями или родственниками одного из них. «Ведущий» супруг всячески старается зафиксировать в их глазах достигнутое положение, а «ведомый» — опровергнуть такое впечатление, выдать желаемое за действительное, представить соотношение сил противоположным истинному.

Спор о допустимости рождения в данный период ребенка также иногда становится проявлением спора о лидерстве. По существу здесь уже решается вопрос не о том, появится ребенок на свет или нет, а о том, имеет ли право муж или жена принимать данное решение единолично. Криминологами установлена тесная связь между преступностью и пьянством. Пьянство приводит к утрате чувства ответственности, ослаблению контроля над своими поступками, что способствует совершению преступлений.⁶ Значительная часть семей, внутри которых совершаются преступления, переживают ссоры; возникающие на почве злоупотребления спиртными напитками.

Взаимосвязанность семейных конфликтов с недостаточно хорошими жилищными условиями прослеживается по незначительному числу уголовных дел. Упреки в этом плане поступают от супругов, рассчитывавших прежде на то, что вступление в брак улучшит их жилищное положение. Жилищный фактор становится криминогенным только при невозможности реализовать возникшую острую потребность в выделении образовавшейся молодой семьи.

Таким образом, семейные конфликты с криминогенными последствиями в конечном счете связаны либо со стремлением занять ведущее положение в системе супружеских отношений, либо со стремлением к автономности.

⁶ Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. 2. Л., 1970, с. 67.

Существует мнение, что в семьях, внутри которых совершаются преступления, супругов не связывают положительные чувства. Они якобы испытывают друг к другу только раздражение, антипатию, ненависть. Однако углубленное в этом направлении исследование криминогенной семейной ситуации позволило сформулировать прямо противоположный вывод: наличие положительной эмоциональной связи между супругами в значительном числе случаев является необходимым компонентом ситуации.

Определенное место среди изученных преступлений занимают, преступления, связанные с неосознанным стремлением сохранить супружескую систему, удержать брачного партнера. Накануне преступления отношения мужа и жены настолько обострены, что дальнейшая совместная жизнь их делается невозможной. В то же время именно существующая между ними эмоциональная связь в значительной мере препятствует выбору законоприемлемого выхода из сложившегося положения. Нередко разрыв с данным партнером рассматривается преступником как полный жизненный крах, о чем свидетельствуют суицидные попытки, следующие в ряде случаев после совершения преступления. О непреодолимости эмоциональной связи для части исследованных пар говорит и распространенность среди них повторных после развода фактических и юридических брачных отношений.

Разрабатывая проблему конфликта, А. Г. Ковалев отмечает, что противоречия приводят к конфликтам тогда, когда они затрагивают социальный статус, материальные или духовные интересы людей, их престиж, моральное достоинство и т. п. Вполне естественно, что такие противоречия вызывают не только размышления, завершающиеся оценками, но и определенные эмоции.⁷ Понятно, что семейные конфликты отличаются особой эмоциональностью.

Из сказанного вытекает постановка вопроса о контроле за возникающими в процессе общения полов чувствами и о его соответствии уровню развития общественного сознания. У представителей фамилистики заметно возросло внимание к исследованию закономерностей половой любви. Весьма важное значение это направление имеет для криминологического изучения института семьи. «Есть достаточное основание констатировать известное увеличение роста субъективного фактора в развитии брака и семьи. С особой силой эта тенденция проявляется в социалистическом обществе, что закономерно влечет за собой и соответствующее перемещение акцентов в социологических исследованиях, рост внимания к таким проблемам, как мотивация брака и развода, психология супружеских отношений, сущность лежащих в основе брачного союза нравственно-этических чувств и т. д.»⁸

⁷ Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства М., 1975, с. 128.

⁸ Харчев А. Г. Некоторые методологические проблемы исследования брака и семьи. — В кн.: Семья как объект философского и социологического исследования. Л., 1974, с. 11.

Любовное влечение является частным видом влечений человека. Мы полагаем, что может быть предложен способ его экспериментального измерения на основе сопоставления самооценки субъектом своей значимости как представителя определенного пола с оценкой значимости любовного партнера и уровнем центростремительной инициативы последнего.

Актуальность проблемы измерения влечения данной разновидности обусловлена назревшей необходимостью разработки практических рекомендаций по воздействию на чувства партнера, а в равной мере и на свои собственные чувства. Такое воздействие требует от человека затрат волевых усилий, подразумевает известную подготовленность. Воспитание умения контролировать эмоциональную сферу рассматривается нами в качестве важной меры профилактики семейных эксцессов.

Семья — это система с присущими ей системными закономерностями, изучаемыми наукой об информации, управлении. Системный подход направлен на разработку специфических познавательных средств, отвечающих задачам исследования и конструирования сложных объектов.⁹ Он представляется нам удобным инструментом для разработки механизма семейной конфликтности.

Предполагается, что любая семья состоит из ведущего и ведомого элементов, между которыми существует прямая и обратная связи. Устремления супругов, делятся на центростремительные, укрепляющие систему, и центробежные. Периодически в семье складывается, конфликтная ситуация, нарушающая баланс между теми и другими устремлениями. «В управлении мы всегда боремся против тенденции к нарушению организованного и разрушению имеющего смысл».¹⁰ Управление, в том числе и внутри семейного конфликта, осуществляется путем передачи между супругами информации. В момент обострения противоречий передаётся информация травмирующего содержания, которая в положительной фазе сдерживалась партнерами.

В изученных криминальных ситуациях информация, как правило, касалась отмеченных выше семейных противоречий. Обмен информацией в конфликтной фазе принимает регенерационный характер. Упорядоченность сложившейся системы нарушается. Управление в период конфликта характеризуется стремлением членов семьи реорганизовать, систему отношений в соответствии со своими представлениями.

В условиях психологического напряжения, возникающего между членами семьи во время конфликта, информация передается в двух наиболее распространенных формах. Этим формам соответствуют два, исторически сложившихся метода внутрисемейного управления, которые мы условно назовем методами силы и слабости.

⁹ Блауберг И. В. Системный подход как предмет историко-научной рефлексии. — В кн.: Системные исследования. М., 1973, с. 8.

¹⁰ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 31.

Метод силы подразумевает достижение результата путем волевого усилия, преодоления сопротивления: «Я сказал, значит, так будет». Метод слабости, видимо, первоначально возник как женский метод в ходе вековой практики взаимоотношений с мужьями в условиях специфического статуса, занимавшегося женщиной в семье. Этот метод связан с иллюзорным отказом от притязаний и демонстрацией своего плачевного положения: «Пускай мне будет хуже». Метод слабости можно, сравнить с психопатическим явлением мазохизма. По эффективности он не уступает методу силы. Угроза покончить с собой в случае невыполнения одним из супругов желания другого зачастую оказывается результативнее, чем угроза убийством при тех же обстоятельствах.

Подчеркнем, что нельзя ни тот, ни другой метод считать чисто мужским или чисто женским. Во-первых, и прежде встречались волевые женщины с мужским образом поведения. Во-вторых, в современных условиях научно-технической революции и женской эмансипации происходит, как известно, феминизация некоторой части мужчин. Несмотря на биологические различия между мужчинами и женщинами, социальная грань между ними стирается, в частности женщина-преступница криминологически приближается к мужчине.¹¹ Любопытный феномен представляют собой супружеские пары, в которых «ведущим» является муж, добивающийся управления традиционно женским способом: истериками, демонстративными обмороками и т. д. Недостаточность волевых качеств, психопатические черты более характерны для преступников, чем для потерпевших.

Этими весьма часто употребляемыми методами воздействия не исчерпывается вся палитра мужской и женской тактики в семейных конфликтах. В частности, среди наблюдаемых способов внутрисемейного управления особое место занимает метод дезорганизации. Эффективность этого метода обусловлена его положительным воздействием на активизацию любовного стремления партнера. Отрицательная обратная связь между направленностью инициативы любовных партнеров и ее результатом объясняется системным характером любовно-брачных отношений, функционированием общего механизма противодействия разрушению системы.

В основе данного метода управления лежит намерение «ведущего» супруга во что бы то ни стало доказать, что он менее заинтересован в браке, чем его партнер. Дезорганизующая направленность в данном случае проявляется, во-первых, в стремлении отстоять неконтролируемость какой-либо автономной от семьи сферы с целью управляющего воздействия на другого супруга. Во-вторых, в стремлении к разрыву семейных отношений. Таким образом, неуправляемость становится средством управления.

¹¹ Серебрякова В. А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 22. М., 1975, с. 34.

Возрастающая неопределенность поведения одного из супругов создает семейное напряжение, приближает конфликтную фазу отношений. Центробежная инициатива дает ему известные преимущества в спорной ситуации, поскольку усиливает направленность партнера на цементирование семейной системы. В то же время есть «предел растяжимости», за которым система приходит к краху и «ведомый» партнер начинает искать выход из сложившегося положения. Превосходство в центробежности в значительно большей мере присуще потерпевшим от преступления.

Изучение конфликтной ситуации, складывающейся в отношениях между супругами, должно лечь в основу исследования и иных аспектов криминогенной семейной ситуации. Углубленное рассмотрение последней на уровне построения ее модели создает определенные возможности для профилактики семейной конфликтности. Немаловажно, чтобы программа подготовки к браку включала воспитание контроля и самоконтроля за чувствами, а также учитывала криминологические данные об особенностях семейного самоуправления в конфликтной фазе отношений между супругами.

Статья поступила в редакцию 4 февраля 1976 г.

ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ СТАТЬЯ ПО СЕМЕЙНОЙ КРИМИНОЛОГИИ. ИНТЕРВЬЮ Д. А. ШЕСТАКОВА

— Дмитрий Анатольевич, самая первая Ваша статья «Об одном из аспектов криминогенной ситуации», впервые опубликованная в 1976 году в «Вестнике Санкт-Петербургского университета», до сих пор часто цитируется, именуется «классической» и ещё о ней говорится как о публикации, с которой в нашей стране началось освещение проблемы семейного насилия и вообще получила начало семейная криминология или, как Вы её иногда также называете, криминофамилистика. Это так?

— Появление семейной криминологии связано с распространением криминологических исследований с семьи несовершеннолетнего преступника, чем наука о преступности занимается издавна, на криминологические проблемы института семьи в целом, и прежде всего на преступления, совершаемые внутри семьи, в отношении близких. До этой моей статьи было несколько серьёзных публикаций о так называемых бытовых преступлениях (Романов Г. А. — 1973 г., Старков О. В. О причинах бытовых преступлений — 1974).¹ Но в этих исследованиях постановка вопроса не сосредотачивалась на семье, она была шире.

— А во времена Российской империи у нас эти вопросы не исследовались?

— Как-то в Швейцарии, в библиотеке Цюриха, мне попалось исследование внутрисемейных убийств, проведённое в начале века нашей соотечественницей М. Эгельштейн.² Но оно, во-первых, осуществлено на швейцарском эмпирическом материале, во-вторых, носит не криминологический, а психиатрический характер. Ещё ранее в Петербурге опубликована интересная книга М. А. Орлова «Страсти и преступления», но это лишь перевод одного исследования с французского.

— Коль скоро о статье не забывают, значит, она получилась. Её открывается новая отрасль криминологии. Какие положения статьи, по Вашему мнению, наиболее существенны?

— То, что не забывают, приятно, но это ещё ничего не значит. Бывает, забываются или замалчиваются куда более важные вещи... Но статья была написана вдумчиво. Ей предшествовало сплошное исследование убийств на семейной почве в нашем городе и основательное размышление. Помню, я хотел,

¹ Романов Г. А. О борьбе с бытовой преступностью // Правоведение. — 1973. — № 4. — С. 57; Старков О. В. О причинах бытовых преступлений // Конкретные криминологические исследования в условиях крупного промышленного центра (Материалы научно-практической конференции). — Омск, 1974. — С. 215–224.

² Egelstein M. Untersuchungen über den Mord in der Familie, erweiterten Selbstmord unter spezieller Berücksichtigung des Züricher Materials. — Zürich, 1914.

чтобы в статье была концепция. И возникла модель семейной ситуации, приводящей к преступлению с выходом на проблемы (противоречия) института семьи. Для меня в статье важно также, что в модель, в число компонентов межсупружеской борьбы включена эмоциональная связь (любовь, страсть). В первоначальном варианте статьи в ней уже была формула любви, которую на одном из этапов прохождения статьи мне всё же срезали. Важны методы управления ситуацией: демонстрация слабости, дезорганизация.

— *Содержатся ли в статье положения, которые получили, получают развитие в Вашей дальнейшей научной деятельности?*

— Да. Это рассмотрение преступности развивающихся социальных институтов, в данном случае институтов семьи, отношений между полами. Здесь есть первый шаг к доктрине преступности социальных подсистем.

— *Были ли сложности с её опубликованием? Чинились ли при этом какие-то административные препятствия?*

— Сначала статья называлась «Ситуация совершения внутрисемейного убийства» или как-то вроде этого. В те времена путь к публикации в университете был достаточно сложен: неформальное обсуждение на кафедре, потом редакционный совет и т. д. Всё это, надо сказать, в целом способствовало обеспечению качества. Отношение же к статье со стороны старших товарищей, прошедших войну и прочее, было настороженно-доброжелательное. Было ясно, что они желают начинающему коллеге добра. Заведующий кафедрой — профессор Николай Александрович Беляев, советуя смягчить положения, казавшиеся тогда либо слишком новыми, либо вызывающими, объяснял: «У нас на фронте было правило — не высывайся! Вот, защитишь кандидатскую, там и выскажешься по теме в полной мере, а пока надо осторожнее». Он посоветовал убрать из заглавия упоминание убийств: советская семья и убийство звучит непривычно, режет ухо... Декан юридического факультета — профессор Николай Сергеевич Алексеев, который был в курсе моего романтического исследования (он-то, кстати, и навёл меня на перевод М. А. Орлова книги о преступных страстях), сказал: «Будь скромнее, не привлекай внимания. Чтобы в заглавии никаких убийств. Назови: «Об одном из аспектов чего-либо...»», — и подмигнул отечески. Профессор Владимир Захарович Лукашевич, тогда ответственный за выпуск правовой серии «Вестника ЛГУ», сказал: «Я желаю вам великого будущего, и поэтому формулу придётся убрать. А то в первой же статье формула, — добавил он со своим характерным громким смешком, — да ещё любви!»

Всё это были не только блестящие учёные, но и прекрасные люди, они знали, что говорили. Я вспоминаю их с благодарностью.

Интервью взяла член Совета Санкт-Петербургского криминологического клуба Г. А. Янковская.

2. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВАЙОЛЕНТОЛОГИЯ

А. А. Бакин*, **В. П. Кутина****

ЛИЧНОСТЬ ПОДЖИГАТЕЛЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Многочисленные криминологические исследования отечественных учёных убедительно доказали, что ряд характерологических особенностей человека, наличие выраженных расстройств в интеллектуально-мнестической и эмоционально-волевой сферах могут затруднять адаптацию и способствовать возникновению криминальных тенденций.¹

Однако необходимо помнить, что криминогенность личности является приобретённым свойством, сформировавшимся в результате дискордантного, аномального воздействия микросреды на индивидуальные черты конкретного человека. Даже у лиц, совершивших особо тяжкие преступления и признанных невменяемыми, социальные (а точнее антисоциальные) установки оказывают существенное влияние на поведенческую активность.

Интерес к личности преступника имеет давнюю историю и прослеживается еще в работах Аристотеля, Эпикура, Диогена Лаэртского, Конфуция и т. д.² Современные авторы подвергли практически исчерпывающему анализу личность делинквентных подростков, наркоманов, неосторожных, насильственных, корыстных, профессиональных и т. д. преступников.³ Безусловно,

* **Анатолий Анатольевич Бакин** — кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации (С.-Петербург, Россия).

** **Вера Петровна Кутина** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации (Санкт-Петербург, Россия).

© А.А. Бакин, 2009.

© В.П. Кутина, 2009.

¹ *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. — М., 1991. — С. 242–243; *Юмонов Н.Д.* Психические девиации и преступное поведение (криминологический и уголовно-правовой анализ). Дис. д. юрид. наук. — СПб., 2002. — С. 3–6.

² См.: *Правовая мысль: антология* / Автор-сост. В.П. Малахов. — М., 2003.

³ См.: *Криминология: Учебник для юридических вузов* // Под ред. В.П. Сальникова, В.Н. Бурлакова, С.В. Степашина. — СПб., 1999. — С. 163–179.

в связи с дальнейшим развитием научных знаний в различных сферах деятельности, представляющих интерес для юридической науки, исследование феномена личности преступника будет продолжаться на более углублённом уровне. При этом значительное внимание должно быть уделено подсознательным факторам преступного поведения.⁴

Тем не менее, существует достаточно специфическая категория граждан, которая практически выпала из поля зрения криминологов, — это виновные в совершении поджогов. В какой-то мере данная проблема затрагивается криминалистами, но лишь в узкопрофессиональном ключе — применительно к расследованию конкретных преступлений.⁵

Одной из задач криминолога, с нашей точки зрения, является необходимость всестороннего раскрытия внутренних причин совершения указанных преступлений, через их мотивацию, учитывая многообразие и неоднозначность внешних факторов. По мнению Ю.М. Антоняна, выбор именно мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, т. е. то, ради чего совершаются данные преступные действия, в чём их субъективная выгода для индивида.⁶ «Ведь очень часто стороннему наблюдателю представляется, что наступающие последствия в виде уголовного наказания неизмеримо превышают все зримые выгоды от совершённого правонарушения и поэтому, казалось бы, нет никакого смысла поступать таким образом. Однако так только кажется, поскольку самые дикие, гнусные, даже нелепые поступки всегда, подчеркиваем — всегда, имеют свою внутреннюю логику, своё внутреннее обоснование, свой психологический выигрыш. Но понять это можно, лишь принимая во внимание мотивы поведения».⁷

Как правило, за «фасадом» умышленных поджогов стоят корыстные, насильственные или корыстно-насильственные преступления. Криминальная цель может быть напрямую связана с получением материальной выгоды (например, мошеннические действия со страховкой, уничтожение приусадебного хозяйства и завладение земельным участком, уничтожение имущества конкурента и т. д.), или иметь опосредованный характер — уничтожение следов иного преступления (кражи, убийства, компрометирующей информации и т. д.), или стремление избежать наказания (поджог помещений, в которых хранятся уголовные дела и вещественные доказательства).

⁴ Шестаков Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика). 2-е издание. — СПб., 2003. — С. 67–68; Он же: Криминология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб., 2006. — С. 228.

⁵ См.: Криминалистика: Учебник для вузов / Отв. ред. Н.П. Яблоков. — М., 1996. — С. 627–638; Тимко С.А. Поджоги (уголовно-правовая и криминологическая характеристики): Дис. канд. юрид. наук. — Омск, 2000. — С. 3–10.

⁶ Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления. — М., 1993. — С. 7.

⁷ Там же.

Преступная мотивация может быть обусловлена такими эмоциональными состояниями, как зависть, месть и ревность. У девиантных подростков нередко в мотивационной сфере доминируют игровые и хулиганские мотивы.

Особое место занимают поджоги, рассматриваемые в рамках неосторожных преступлений. Виновными оказываются граждане с легкомысленно-безответственными чертами характера, субъекты с дебильностью различной степени выраженности, психоаномалы с приобретенным слабоумием, а также находящиеся в состоянии наркотического или алкогольного опьянения (на момент инкриминируемого им деяния).

Проведённое нами криминологическое исследование (1999–2006 гг.) показало, что подавляющее большинство преступников, совершивших поджог, — мужчины, доля женщин колеблется в пределах 10%–12%. Возрастная дифференциация преступников показывает, что чаще всего совершаются преступления в возрасте от 14 до 29 лет. Реже всех совершают преступления лица старше 50 лет, а наибольшая криминальная активность наблюдается у преступников в возрасте до 25 лет.

Уровень образования преступников достаточно низкий: вспомогательная школа, незаконченное среднее образование, среднее специальное образование. Более 70% составляют лица низкоквалифицированного труда или неработающие. Более половины всех преступников не имеют семьи, каждый десятый воспитывался в интернатном учреждении. Среди выявленных преступников около четверти ранее совершили различные преступления. Примерно треть из них осуществили преступные действия в группе. Наиболее высок уровень рецидива (смешанного) у лиц, совершивших тяжкие телесные повреждения, изнасилования (около 50%), а также грабежи, разбои (около 40%). Групповая преступная деятельность наиболее характерна для лиц, склонных к насилию (до 70%). Несовершеннолетние преступники чаще всего совершали преступления (в том числе и поджоги, акты вандализма) в составе группы (до 80%).

Наиболее распространенными психическими аномалиями среди преступников, совершивших умышленные поджоги, являются: хронический алкоголизм, психопатии, органическое заболевание головного мозга (как правило, травматического генеза). Эмпирические исследования свидетельствуют, что указанные заболевания сопровождаются формированием следующих криминально-значимых черт личности: повышенной раздражительностью, агрессивностью, импульсивностью, конфликтностью, подозрительностью, мнительностью, ревностью, сутяжничеством, садистическими тенденциями, ригидностью. Именно у поджигателей (а это достаточно разрозненная и неоднозначная группа) исследователи выделяют истинную (врождённую) пироманию и ложную (симптоматическую, сопутствующую) как результат неправильного воспитания, девиантного воз-

действия внешней среды или одно из проявлений психической патологии при шизофрении, эпилепсии, маниакально-депрессивном психозе.⁸

Истинная пиромания рассматривается судебными психиатрами в рамках Международной классификации болезней (МКБ-10) как расстройство импульсивных влечений и импульсивных действий (F 63). Импульсивные влечения — непреодолимые влечения достижения целей, неадекватных реальной ситуации, выполняемых без сопротивления и борьбы, но с последующей критической оценкой. Импульсивное действие — внезапно совершаемое стремительное, немотивированное действие, продолжающееся секунды или минуты; признак выраженного психического расстройства.⁹

Еще в середине 40-х годов прошлого века классики отечественной судебной психиатрии указывали: «В картине извращения влечений доминируют так называемые импульсивны действия, т. е. патологические влечения, которые появляются в сознании неожиданно и с такой силой, что человек не может не претворить их в действие. Сами действия служат как бы разрядом внутреннего напряжения. Если при навязчивых идеях на первом плане стоят расстройства интеллекта и аффекта, то здесь прежде всего нарушены волевые механизмы. Ярким примером импульсивных действий является влечение к поджогам (пиромания). Самый акт поджога производит впечатление безотчётного действия, «короткого замыкания», хотя план поджога нередко в деталях бывает задуман задолго до этого. Иногда поджог сопровождается сексуальным возбуждением. Близко к этим импульсивным действиям влечение к убийству детей, находящихся на попечении у такого рода больных. Если здесь можно усмотреть отдалённый повод для патологических действий, то этого совершенно нельзя уловить у так называемых отравителей (влечение к отравлениям). Распространённым видом импульсивного действия является влечение к воровству (клептомания). Характерным является то обстоятельство, что предметом кражи служат часто совершенно ненужные вещи, что краденым не пользуются, что иногда краденое возвращают владельцам. В отдельных случаях кражи связаны с сексуальными переживаниями, в частности, с так называемым фетишизмом. К импульсивным поступкам также относится влечение к бродяжничеству (дромомания), наблюдается чаще у мужчин».¹⁰

По мнению Л.М. Балабановой, истинная пиромания — это непреодолимое стремление к поджогам без желания причинить зло, нанести ущерб. Психологическая гипотеза относительно мотивов такого поведения заключается

⁸ См.: *Пособие по психиатрии* / Под ред. проф. Ф.И. Случевского. Л., 1984. — С. 38–41, С. 52–57; *Судебная психиатрия* / Под ред. А.Н. Бунеева, И.Н. Введенского, Д.Р. Лунца. — М., 1954. — С. 120–122.

⁹ *Чуркин А.А., Мартышов А.Н.* Краткое руководство по использованию МКБ-10 в психиатрии и наркологии. — М., 1999. — С. 98–99.

¹⁰ *Гуревич М.О., Серейский М.Я.* Учебник психиатрии. — М., 1946. — С. 398–399.

в предположении о нарушении регулятивной функции эмоций у этих лиц, своеобразном их отчуждении от результатов деятельности. Возникающая в результате отчуждения своеобразная автономия эмоций, утрата ими функции подкрепления результата действия ведет к поискам непосредственного раздражителя, вызывающего сдвиги в эмоциональном состоянии субъекта. Таким раздражителем и становится огонь, выполняющий роль мотива-«сургата». Основным психологическим механизмом пиромании является то, что у этих лиц заблокировано «производство положительных эмоций реальными действиями». Общение носит для них фрустрирующий характер, в отношениях с окружающими они агрессивны, раздражительны, злобны и обидчивы. Следует особо подчеркнуть, что в основе истинной пиромании лежит потребность в «психологическом комфорте», в сдвиге эмоционального состояния в сторону положительных эмоций. Этот сдвиг возникает не в рамках обычной человеческой деятельности, а лишь при прямом воздействии специфической стимуляции, в данном случае огня.¹¹

Авторы статьи не могут в полной мере согласиться с точкой зрения вышеуказанного исследователя (так как в его взглядах прослеживается влияние психоаналитических концепций). Однако мы полностью разделяем мнение петербургских психиатров-экспертов Ю.В. Попова и В.Д. Вида. Так, пироманы являются постоянными зрителями на пожарах, случающихся в окрестности, интересуясь малейшими деталями происходящего, часто идентифицируются как источники ложных сигналов пожарной тревоги и обнаруживают повышенный интерес к пожарной технике. Они или безразличны к трагическим последствиям пожара, или сообщают о чувстве злорадства по этому поводу. Мотивом для поджога никогда не становится материальная выгода, выражение социально-политической идеологии, сокрытие иного преступления, открытая месть, манипулятивное поведение. Отсюда бытовое обозначение пиромании — «поджог без причин» — и сложность эпидемиологической и диагностической оценки состояния, поскольку во многих случаях поджогов, не связанных с данной патологией, приведенные выше причины скрываются. Отсюда и клиническое представление о том, что сам по себе поджог есть всего лишь патогномоничный симптом в ряду структурных нарушений личности. Чем позже начало расстройства, тем более разрушительными оказываются его последствия и тем менее благоприятен прогноз. Происходит нарастание свойственного этим больным отрицания своей причастности к поджогам и отказа от принятия на себя ответственности, что подкрепляется усиливающейся алкоголизацией.¹²

¹¹ Балабанова Л.М. Судебная патопсихология (вопросы определения нормы и отклонений). — М., 1999. — С. 153–161.

¹² Попов Ю.В., Вид В.Д. Современная клиническая психиатрия. — СПб., 2000. — С. 273–274.

Точные данные о распространённости пиромании (патологических поджогов) отсутствуют, известно лишь, что психоаномалы составляют по разным данным не свыше 40% взрослых лиц, идентифицированных как виновники поджога. Для лиц, поступивших на экспертизу, характерны: признаки задержки умственного развития, психосексуальные дисфункции, злоупотребления токсическими веществами, низкая дисциплина в школе, побеги из дома, жестокое обращение с животными и антисоциальное поведение. Лиц женского пола характеризует промискуитет (интенсивные, беспорядочные половые связи), не сопровождающийся чувством сексуального удовлетворения, и стереотипное мелкое воровство, приближающееся к клептомании.¹³

Таким образом, всё выше сказанное свидетельствует о необходимости дальнейшего углублённого изучения психологического и патопсихологического аспектов преступного поведения, что, однако, не предполагает игнорирования роли социальных явлений, особенно воспитания субъекта. Особенности отношений между поведением субъекта, совершившего поджог, и имеющимися у него психическими аномалиями, характерологическими особенностями может находиться в широком диапазоне — от причинно следственной связи до нейтральных отношений.

Указанное обстоятельство подразумевает чёткое разграничение юридического, медицинского и социально-психологического аспектов проблемы, использование всего арсенала средств профилактического воздействия. К сожалению, приходится констатировать, что психология лиц с пироманическими тенденциями изучена недостаточно; отсюда вытекает нерешённость многих криминологических, экспертных, психолого-педагогических, медицинских (особенно в местах лишения свободы) и других проблем. Для успешного расследования и раскрытия подобных преступлений требуются специальные знания и навыки применения новейших криминологических методик, которые могут быть созданы на основе комплексных междисциплинарных исследований.

¹³ Попов Ю.В., Вид. В.Д. Современная клиническая психиатрия. — СПб., 2000. — С. 271–272.

КОРЫСТОВЕДЕНИЕ

*Сергей Евгеньевич Семёнов**

ПОНЯТИЕ ТАМОЖЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЁ ПОКАЗАТЕЛИ

Проблема понятия таможенной преступности появилась в науке уголовного права относительно недавно, поскольку УК РСФСР 1960 г. содержала лишь одну статью 78 (контрабанда), которая и имела непосредственное отношение к таможене. В современных условиях рыночной экономики изменились функций и роль таможни в государстве, что привело к существенному расширению юридической базы, регулирующей таможенные отношения.¹ Появление в УК РФ нескольких норм, призванных прямо или косвенно защитить от преступных посягательств сферу функционирования таможенной системы России, вызвало необходимость их интеграции в самостоятельную группу. Однако до настоящего времени перечень деяний, которых следует отнести к таможенным преступлениям, и их содержание остаются предметом дискуссий в науке уголовного права.

Одни авторы к таможенным преступлениям относят деяния, предусмотренные статьями 188 (контрабанда), 189 (незаконные экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, 190 (невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран), 193 (невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте) УК РФ.² Другие относят к таможенным преступлениям деяния, предусмотренные статьями 188, 194 (уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица) и 193 УК РФ.³ В науке есть суждения как о необходимос-

* **Сергей Евгеньевич Семенов** — начальник отдела административного расследования Северо-Западной оперативной таможни, полковник таможенной службы, соискатель Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Россия).

© С.Е. Семёнов, 2009.

¹ *Чучаев А.И., Иванова С.Ю.* Таможенные преступления в новом УК РФ // Государство и право. — 1998. — № 11. — С. 40.

² *Гаухман Л.Д. Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. — М., 1999. — 293 с.

³ См., например: *Диканова Т., Остапенко Т.* Борьба с таможенными преступлениями // Законность. — 2001. — №4. — С. 26–30.

ти отнесения ст. 193 УК РФ к числу таможенных преступлений,⁴ так и отнесения ст. 194 УК РФ к налоговым преступлениям.⁵

Как видим, расхождения возникают только в отношении двух составов: ст. 193 и 194 УК РФ, и расхождения эти обусловлены как сложностью конструкции этих составов, так и составным характером видового объекта этих преступлений. Так, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ) — одновременно и таможенное и валютное правонарушение. Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), также посягает и на налоговые, и на таможенные правоотношения.

Анализ научной литературы по рассматриваемой проблеме показывает, что нет среди учёных однозначности в дефиниции таможенной преступности. В научной литературе, специально посвящённой правонарушениям таможенной сферы, таможенные отношения, таможенные преступления и таможенная преступность рассматриваются как равнозначные понятия, что, на наш взгляд, неправильно. Понятие «таможенные отношения» значительно шире понятия «таможенное преступление», поскольку первые «вбирают» в себя все многообразие политических, экономических, географических, социальных, культурных и других отношений, в которые вступают различные субъекты (физические и юридические лица) при пресечении и при перемещении предметов материального мира через таможенную границу Российской Федерации.

Чаще всего таможенные преступления определяются как общественно опасные, виновные, наказуемые деяния, посягающие на сферу экономической деятельности, связанную с порядком вывоза и ввоза на территорию России товаров и ценностей через таможенную границу вопреки правовому запрету.⁶

Это определение больше подходит к каждой, отдельно взятой статье Уголовного кодекса, обеспечивающей уголовно-правовую защиту таможенных отношений, но не таможенной преступности. Кроме того, оно включает в себя признак «правового запрета», тогда как, например, порядок ввоза и вывоза товаров и ценностей через таможенную границу России может быть нарушен

⁴ Кузнецов А.П. Ответственность за таможенные преступления. — Н. Новгород, 2000. — С. 111.

⁵ Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. — М., 1999. — С. 362.

⁶ Фесенко Н.П. Таможенные преступления и возможности их предотвращения // Законодательство и экономика. — 2006. — № 12; Нестеров А.В. Указ. Раб. С. 18; Козырин А.Н. Преступления в таможенной сфере // Налоговый вестник. — 2001 — № 2, 3. Конашков Д.В. Преступления, совершаемые в сфере таможенного регулирования (толкование, применение и совершенствование уголовного законодательства). Дис... канд. юрид. наук. — СПб., 2002; Тюнин В.И. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Юрист. — 2005. — № 4; Зрелов А.П., Краснов М.В. Налоговые преступления. Под ред. К.К. Саркисова // Издательско-консультационная компания «Статус-Кво 97». — 2004.

и при отсутствии прямого «правового запрета». Например, статья 124 ТК РФ (декларирование товаров) определяет, что перечень сведений, подлежащих указанию в таможенной декларации, ограничивается только теми сведениями, которые необходимы для целей исчисления и взимания таможенных платежей, формирования таможенной статистики и применения таможенного законодательства Российской Федерации. Значите, те случаи, когда декларант выходит за рамки необходимости (которые, в принципе определить невозможно), то налицо нарушение. Но это же не запрещено Таможенным кодексом РФ (далее ТК РФ).

Полагаю, что авторам, прежде чем выводить дефиницию следовало определиться в понятиях «преступление», «преступления» и «преступность».

Развитие понятия «преступность» в российской науке происходит в плоскости ответа на вопрос — следует ли сводить преступность как социальный феномен к совокупности (системе) совершаемых в обществе преступлений (традиционная криминология), или же она представляет собой нечто иное (критическая криминология).⁷

В российской науке переосмысление понятия преступности произошло отчасти под воздействием взглядов Э. Дюркгейма о том, что преступность — нормальное явление, некая функция общества, его неотъемлемая часть. Э. Дюркгейм полагал, что преступность не только определяет направления для необходимых перемен в обществе, но иногда и подготавливает эти изменения⁸.

Д. А. Шестаков, применяя семантический подход, исходя из смысла слова «преступность» вывел собственное понимание феномена преступности. Он пишет: «Преступность конкретного человека от совершаемого им преступления отличается тем, что преступление — это проявленное вовне деяние, в то время как преступность — внутренняя предрасположенность индивида к совершению преступлений, сформировавшееся у него свойство поступать в определенных ситуациях преступно». Соответственно под преступностью этот автор понимает свойство общества воспроизводить множество опасных для человека деяний, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов.⁹ В другой своей работе Д. А. Шестаков развивает это определение и рассматривает преступность как свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить массу преступлений.¹⁰

⁷ Шестаков Д.А. Криминология: Преступность как свойство общества. — 2001. — С. 71.

⁸ Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. — М., 1966. — С. 39-40.

⁹ Шестаков Д.А. Преступность как свойство общества. — СПб., 2001. — С. 72.

¹⁰ Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодей-

Полагаем, что такое широкое понимание преступности весьма удачно, поскольку уже потому, что согласуется с извечностью, неистребимостью совершаемых в обществе преступлений. Исходя из него, общество не может стоять перед собой цели уничтожения преступности как явления, поскольку эта цель не достижима. И, наконец, такое понимание преступности заостряет внимание на необходимости раскрытия механизма порождения преступлений,¹¹ оно позволяет видеть в ней проблемы общественного устройства, устранение которых способствует лучшей самоорганизации общества, но не ликвидации преступности.

Вместе с тем понятие «преступность», на наш взгляд, не применимо ни к чему единичному — ни к отдельному преступлению, ни к отдельному поступку отдельной личности как некое мерило его личностных характеристик поступать при определенных условиях преступно. Оно является понятием, обобщающим определенное множество нарушений норм уголовного закона. В дальнейшем мы постараемся обосновать эту позицию, однако вряд ли у кого вызовет сомнения в том, что внешним или материальным выражением «свойства общества воспроизводить массу преступлений» общества и является то, что определёнными членами общества, за определённый промежуток времени совершено определённое количество нарушений определенных норм уголовного закона.

Поэтому мы считаем приемлемым для практических целей, хотя всё же и несколько упрощённого традиционного понимания преступности, как совокупности совершённых всех или определённых общественно-опасных деяний. Изучение массы преступлений (преступного множества) позволяет обнаруживать новые свойства, которые обрела преступность в новых условиях, увидеть определённое соотношение между разными преступлениями и видами преступности. За множеством преступлений просматривается и устойчивость преступного поведения, и организованность, и общественная опасность и т. д. А это, в свою очередь, позволяет выработать оптимальные меры, как противодействия преступности, так и воздействия на лиц, совершивших отдельные преступления.

Признание того, что таможенная преступность — это свойство таможенной системы и связанных с нею иных систем общества воспроизводить преступления, конечно, глубже охватывает процесс воспроизводства таможенных преступлений, их системные причины и, очевидно, позволяет выработать меры противодействия им. Но даже если ограничиться рассмотрением совокупности частных случаев посягательств на сферу таможенных отношений,

ствие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб., 2006. — С.136.

¹¹ Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоришин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенеза / Под общ. ред. В.П.Сальникова. — СПб., 2002. — С. 52—54.

предварительно определив критерий, по которому группируются деяния, то всё же можно провести довольно-таки адекватный анализ, обнаружить их внутренние связи, увидеть закономерности, недостатки в законодательстве и т. д. Именно такую скромную задачу перед собой и ставим.

Поэтому главным составляющим признаком в понятии «преступность» для нас остаётся *совокупность условно определённой по какому-либо критерию группы преступлений* (в терминологии семантической концепции — *множество таможенных преступлений*), которые являются объектом конкретного исследования. В нашем случае для выведения понятия в такую группу должны включаться деяния, предусмотренные статьями 188, 189, 193, 194 УК РФ. Придерживаясь такого мнения, мы исходим из того, что статья 151 УПК РФ (подследственность) в части третьей (п. 5) определяет подследственность таможенных органов Российской Федерации уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 188 и статьей 194 Уголовного кодекса Российской Федерации. А в соответствии ч. 2 ст. 157 УПК (производство неотложных следственных действий) таможенные органы наделены полномочиями, производить неотложные следственные действия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 188 частями второй — четвёртой, 189, 190, 193 УК РФ. Кроме того, Главное управление таможенных расследований и дознания, ежегодно делает обзор правоохранительной деятельности таможенных органов по этим четырём статьям УК (ст.ст. 188, 189, 193, 194 УК РФ). Общественные отношения, возникающие в связи с совершением этих преступлений, и являются объектом нашего исследования.

Далее потребуются вывести характерные признаки этих составов, включение которых придаст завершённый вид — как было отмечено выше, усечённому операционному понятию «таможенной преступности». А характерные признаки приведены в диспозициях этих статей, которые сформулированы законодателем либо как описательные (ч.1 ст.188, 194), либо как бланкетные (ч.2 ст.188, 189, 193). Очевидно, насколько объёмным получится определение «таможенной преступности», если включить в неё признаки всех этих преступлений. Полагаем, приемлемым для целей настоящего исследования следующее (усечённое) понятие таможенной преступности: «совокупность деяний, предусмотренных статьями 188, 189, 193, 194 УК РФ совершённых на определённой территории за определённый период времени». Мы отдаем себе отчёт в том, что такое определение ставит нас под удар научной критики, но для нас это определение является «рабочим» вариантом. Там, где мы говорим о таможенной преступности, то в неё вкладываем следующее содержание: совокупность деяний, предусмотренных статьями 188, 189, 193, 194 УК РФ совершённых в Северо-Западном Федеральном округе в 2002—2007 годах.

При исследовании криминологических проблем сложился ряд показателей, к которым обычно прибегают для характеристики массы совершаемых

преступлений (преступного множества), их причин, а также противодействия, оказываемого преступности со стороны общества¹².

Наиболее разумным и выгодным методом получения информации об объеме таможенной преступности, её уровне, структуре и динамике, является статистический метод.

Анализ статистики показывает, что сфера внешнеэкономической деятельности России, несмотря на предпринимаемые государством меры по ужесточению таможенного контроля, остается достаточно криминогенной.

Так, если в 1993 году уголовно-наказуемых фактов контрабанды в целом по России было выявлено лишь 101 преступление, то за 4 последующих года их количество выросло почти в 22 раза и в 1997 г. составило 2487 преступлений, а в 2000 г. уже 7926 преступлений.¹³ К сказанному следует добавить, что высокая степень криминализации отношений в сфере внешнеэкономической деятельности в совокупности с другими структурами создали благоприятные условия для развития феномена, получившего название «бегство капитала»¹⁴. Выявление и расследование незаконных экспортных операций и связанных с ними многочисленных случаев невозвращения валютной выручки из-за рубежа представляло и представляет особую трудность, поэтому многие из них носят латентный характер.

В 2007 году таможенными органами России зарегистрировано 9467 сообщений о преступлениях. По тем из них, в которых содержалась информация о совершённых преступлениях, которые относятся к таможенным преступлениям, а их абсолютное большинство (98% или 9169 сообщения) приняты решения в соответствии со ст.145 УПК России. Лишь менее половины из них стали в 2007 году поводами и основаниями для возбуждения уголовного дела. Так, если в 2006 году таможенными органами России было возбуждено 4423 уголовных дела, что на 35,5% больше показателя 2005 года (3264 дела), то в 2007 году было возбуждено 4504 уголовных дела (+ 1,8 %)¹⁵.

Уровень таможенной преступности представляет собой количество таких преступлений совершённых в 2002—2007 гг. в расчете на количество населения или на количество всех зарегистрированных преступлений. За анализируемый шести летний период общее количество совершённых таможенных

¹² Шестаков Д.А. Преступность как свойство общества. СПб., — 2001. — С. 61.

¹³ Иванов М.Г. Проблемы теории, практики и законодательной регламентации противодействия служебно-экономическим преступлениям в Российской Федерации (криминологическое и уголовно- правовое исследование). Дис... докт. юрид. наук. Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород. 2005. С. 116.

¹⁴ Шевченко Ю.Ю. Незаконный вывоз капитала за рубеж: криминологический аспект. Дисс. канд. юрид. наук. — СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России. 2003.

¹⁵ Информационно- аналитический обзор правоохранительной деятельности таможенных органов за 2007 год. № 18-12/ 12128 от 31.03.2008.

преступлений в России составило 20344, а в Северо-Западном федеральном округе — 3619 преступления. Вывести коэффициент, рассчитанный на 100 тыс. человек населения с криминологической точки зрения мало что даёт, и можно вывести лишь приблизительную цифру (0.014 %), поскольку, по данным института демографических исследований численность населения России ежегодно сокращается при усилении миграционных процессов¹⁶.

Таблица №1

Динамика количества возбужденных таможенными органами уголовных дел в 2002–2007 гг. (в России / в Северо-Западном Федеральном округе)

Годы	Статьи УК РФ				ИТОГО
	Ст.188	Ст.189	Ст.193	Ст.194	
2002	1718 / 207	1 / 1	94 / 8	840 / 282	2653 / 448
2003	1974 / 229	1 / 1	42 / 7	835 / 155	2817 / 392
2004	2129 / 235	3 / 3	15 / 3	507 / 29	2654 / 270
2005	2899 / 511	0 / 0	8 / 0	356 / 43	3264 / 554
2006	4026 / 896	11 / 3	9 / 1	377 / 41	4423 / 941
2007	4194 / 909	6 / 1	8 / 0	296 / 54	4504 / 964
ИТОГО	16940 / 2987	17 / 9	176 / 19	3211 / 604	20344 / 3619

Если вывести коэффициент, рассчитанный на количество всех совершённых преступлений, то получится по России около 0,7 %. Таким образом, в общей массе совершаемых преступлений, таможенные преступления «теряются», поскольку составляют незначительную долю.

Удельный вес отдельных преступлений, входящих в таможенную преступность, от общего числа возбуждённых таможенными органами уголовных дел, составляет, например, деяния, предусмотренного ст.194 УК в 2006 г. — 8,5% и 2007 г. — 6,5 %.

Анализ статистики так же показывает, что в структуре выявленных таможенных преступлений преобладает деяние, предусмотренное ст. 188 — контрабанда, доля которой в общем количестве возбуждённых таможенными органами уголовных дел, составляет 93,0 %. В 2007 г. всеми таможенными органами России таких дел было возбуждено 4194, что на 4,2 % больше, чем в 2006 г. (4026 преступлений). Из них Северо-Западное таможенное управление возбудило 909 уголовных дела.

Таблица №2

Структура таможенной преступности в России по итогам 2007 года

Статьи УК	ст.188	ст.189	ст.193	ст.194
Количество возбужденных дел в России	4194	6	8	296
% от общего числа таможенных преступлений	93%	0,10%	0,17%	6,5 %
Количество возбужденных дел в Северо-Западном Федеральном округе	909	1	—	54

¹⁶ http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=21&idArt=822

Основным показателем, отражающим изменение состояния уровня и структуры преступлений в течение того или иного временного периода, является динамика преступлений.

Динамика является особенностью таможенной преступности, требующей самостоятельного анализа, тем более что динамика различных составов входящих в таможенную преступность развивается не однозначно. Так, если в 2002–2004 гг. контрабанда (ст.188 УК) оставалась относительно стабильной, то в 2005 году происходит рост на 770 позиций, а к 2007 увеличивается вдвое, а в Северо-Западном Федеральном округе более чем втрое (см. табл. № 1).

В отличие от контрабанды, которая имеет стабильно положительную динамику, деяние, предусмотренное ст.194 УК за последние шесть лет имеет обратную тенденцию. Количество случаев его совершения с 2002 года в России сократилось втрое (СЗФО в четыре раза).

Таблица №3

Динамика преступлений, предусмотренных ст.194 УК РФ

Годы	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Кол-во	798	526	1363	1118	840	835	507	356	377	296

Так, если в 1998 г. по ст.194 УК РФ таможенными органами России было возбуждено — 798 дел, в 1999 г. — 526, то в 2000 г. — 1363 преступления, а в 2001 г. — 1118 преступлений¹⁷.

В 2006 году было выявлено 377 таких преступлений, что на 5,9% больше, чем за аналогичный период 2005 года (356 дел), и на 21,4 % больше чем в 2007 году (296 дела).

Резкий, почти в три раза, рост числа совершённых преступлений в 2000—2001 гг., и такое же резкое снижение 2005—2007 гг., на наш взгляд, обусловлено происходившими в стране в начале XXI века политическими процессами и изменениями в законодательстве. Значительное возрастание террористических угроз, потребовало наведения должного порядка на границе России, что, видимо, и способствовало выявлению в 2000—2002 гг. большого числа правонарушений и преступлений. Кроме того, именно на эти годы приходится рост внешнеторгового оборота России, который в 2002 году достиг наивысшего за последние десять лет уровня.

По данным таможенной статистики, в 2002 году он составил 151,8 млрд. долларов и по сравнению с 2001 годом вырос на 7,0%, в том числе экспорт — 105,8 млрд. долларов (рост на 5,8%), импорт — 46,0 млрд. долларов (рост на 9,8%).¹⁸

¹⁷ Таможня. 2004. — № 1. — С. 3; http://www.customs.ru/ru/right_def/invest.../printable.php?id286=3076&i286=1&print.

¹⁸ Дорощев В. Основания уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. — 2004. — № 2.

Рост товарооборота при отсутствии должной правовой регламентации и опыта правоприменительной практики у таможенных органов приводило и увеличению количества возбужденных дел. Сами эти дела, попав в статистику возбужденных дел, впоследствии прекращались или приостанавливались, не доводя до суда, либо прекращались судами в ходе предварительного слушания.

Так, даже в 2003 году, когда, казалось бы, таможенными органами нарабатан некоторый опыт процессуальной деятельности, с обвинительным актом в суды было направлено лишь 6 уголовных дела. И только одно из них было рассмотрено (N 329823 возбуждено Орловской таможней по ч. 2 ст. 194 УК РФ). По этому делу подсудимой назначено наказание в виде штрафа с конфискацией вещественных доказательств (сахарный песок) в доход государства.¹⁹ По двум делам были вынесены оправдательные приговоры, а три уголовных дела прекращены судами по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Низкий процент представления дел в суд с обвинительным заключением — это тоже особенность деяния, предусмотренного ст.194 УК. В частности в 2007 году из 296 возбуждённых дел по ст.194 УК, в суд с обвинительным заключением было направлено всего 6 дел.

Эту особенность характеризуют и другие дела, возбуждённые таможенными органами. В частности, при общем росте в 2007 году количества дел, оконченных с составлением обвинительного заключения (509, против 324 — в 2006 году), почти в четыре раза увеличилось число уголовных дел, приостановленных производством по основаниям, предусмотренным ч.1 ст.208 УПК. Таких дел 57,0 % от общего числа всех расследованных дел. Чаще всего дела приостанавливаются по причине того, что не удаётся установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого (п.1 ч.1 ст.208 УПК). В общем, из 4504 возбуждённых в 2007 году уголовных дел, до суда дошло 344 дела, из которых в ходе предварительного слушания судами было прекращено 7 дел и лишь по 337 делам вынесены обвинительные приговоры, что составляет менее 7,5 %.

Таким образом, для исследования таможенной преступности пригодным для использования является такое определение, которое охватывает её внешние проявления, а именно совокупность деяний, предусмотренных статьями 188, 189, 193 и 194 УК РФ, совершённых на определённой территории за определённый период времени (множество таможенных преступлений). При неустойчивой динамике в структуре множества этих преступлений всё же очевидно преобладает контрабанда.

¹⁹ Обзор правоприменительной практики рассмотрения в судах уголовных дел, возбуждённых таможенными органами, направленных прокурору с обвинительным актом и по подследственности в 2003 году. // Приложение к Письму ГТК РФ N 17-12/24414 от 02.07.2004.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Прокументов Л.М., Корнилов А.В.***

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Предмет отечественной криминологии, по мнению многих исследователей, включает в себя четыре составные части (четыре группы изучаемых социальных явлений):¹

- преступность как социальное и уголовно-правовое явление;
- личность преступника как совокупность социальных, социально-психологических свойств лица, совершившего преступление;
- детерминанты (причины, условия, факторы) преступности;
- предупреждение преступности как деятельность, включающая в себя систему мер позитивного воздействия на преступность, личность преступника и детерминанты преступности.

Такое представление о предмете криминологии сформировалось не сразу, и хотя оно является доминирующим, однако не единственным. Одни исследователи предлагают исключить из предмета криминологии отдельные блоки, другие — напротив, расширить предмет криминологических исследований. По мнению Д. А. Шестакова, криминологию можно подразделить на общую криминологическую теорию, частные криминологические теории и новейшие криминологические отрасли — с последующим вычленением нескольких основных блоков проблем, составляющих её предмет.²

Некоторые исследователи не наделяли в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований личность преступника, обосновывая это тем, что одни свойства личности преступника изучаются в разделе причин и условий преступности, другие — в разделе предупреждения преступности. По их мнению, внимание нужно сосредоточить на изучении социально-психологического механизма индивидуального преступного поведения,

* Прокументов — (Новосибирск, Россия).

** Корнилов — (Новосибирск, Россия).

© Л.М. Прокументов, 2009.

© А.В. Корнилов, 2009.

¹ См.: *Криминология: Учебник* / Под ред. проф. Малкова В.Д., — 2004. — С. 7; *Криминология: Учебник* / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб и доп. М., — 2004. — С. 2.

² Шестаков Д. А. *Криминология: Учебник для вузов*. 2-е изд., перераб и доп. М., 2006.

поскольку нет социально-типичных свойств, отличающих лиц, совершивших преступления, от законопослушных граждан. Таким образом, подвергается сомнению правомерность существования самого понятия «личность преступника», ставится знак равенства между этим понятием и понятием субъекта преступления.³

Представляется, что в целях профилактики обществу всегда будет необходим среднестатистический портрет преступника, который помогает установить, какие свойства личности и в какой степени были включены в механизм преступного поведения. Это означает, что выделение в качестве самостоятельного предмета криминологических исследований социальных свойств преступников объективно необходимо. Однако, учитывая, что нет преступника как определенного социально-психологического типа, правильнее этот раздел криминологии именовать как личность лица, совершившего преступление.⁴

Как уже отмечалось, предмет криминологии в юридической литературе предлагается не только сузить, но и существенно расширить за счёт включения в него в качестве самостоятельного раздела факторов преступности, так называемых «фоновых явлений», прогнозирования преступности, жертвы преступления, криминализации и декриминализации деяний.

Вопрос о включении в предмет криминологии факторов преступности поставлен вполне правомерно, поскольку очевидно, что помимо причин и условий преступности на ее существование влияют и другие детерминанты, связь которых с преступностью является не причинно-следственной, а функциональной. К числу таких факторов относят урбанизацию, миграцию населения, изменение его половозрастной структуры и ряд других.⁵ Вопрос, однако, состоит в том, в какой степени криминолога должны интересовать эти явления. Думается, что явления, влияющие на преступность, но не порождающие или не обуславливающие её, не могут быть самостоятельным предметом криминологии, поскольку для ее предмета важны они не сами по себе, а их влияние на состояние преступности. Именно поэтому факторы преступности должны изучаться наряду с другими её детерминантами —

³ См.: *Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Из истории создания всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности и решаемых ее участниками задач // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 46. — М., 1988. — С. 5; *Кудрявцев В.Н.* Социальные отклонения. — М., 1989. — С.185— 189.

⁴ Сходные суждения высказывают и другие исследователи (см., например: *Криминология*. — М., 1992. — С. 23— 26.

⁵ См., например, *Аванесов Г.А.* Криминология. Прогностика. Управление. — Горький, 1975. — С. 321— 322; *Гарбуз В.И.* Алкоголизм и преступность в капиталистических странах. — М., 1973. — С. 4— 5, 25— 38; *Шахматов А.В.* Преступность. Методические указания для применения системного и вероятного методов исследования. — Ленинград-Красноярск, 1978. — С. 3, 20— 22, 34— 35.

причинами и условиями. Иной подход к факторам преступности означал бы полную неопределенность предмета, метода и задач криминологии, исследования общественных явлений отдаленно связанных с преступностью. К сожалению, такие подходы существуют. Например, в монографии А.М. Яковлева «Социология экономической преступности» включены разделы, которые к экономической преступности никакого отношения не имеют и могут представлять интерес только для учёных экономистов: экономика как социальный институт, социальные нормы в экономике, социальные роли и т. д. Такой уровень абстрагирования от предмета криминологии нередко приводит автора к упрощённому выводу о взаимосвязи экономических факторов и преступности. Например, автор утверждает, что кражи на предприятии приобретают массовый характер, когда зарплата не эквивалентна вознаграждению за труд.⁶ Излишняя категоричность такого утверждения очевидна, поскольку ни одной экономической системе не удастся достичь адекватного соответствия между трудовым вкладом работника и его материальным вознаграждением. Однако уровень хищений на различных предприятиях даже при одной экономической системе может существенно отличаться, поскольку зависит от целой совокупности факторов (системы охраны производственной территории, постановки работы по учету материальных ценностей и т. д.). Кроме того, отсутствие эквивалентного вознаграждения за труд порождает не только и не столько кражи на производстве, сколько другие нежелательные для предприятий последствия: увольнение квалифицированных кадров, маскируемое безделье, решение в рабочее время своих личных проблем и т. д.⁷

«Фоновые» явления, т. е. допреступные формы социально-отклоняющегося поведения (проституция, алкоголизм и т. д.), привлекли внимание кримиологов в связи с тем, что они тесно связаны с преступностью, создают общий негативный «фон» для ее существования или имеют прямые криминальные проявления. Например, взаимосвязь проституции и преступности можно проследить по следующие направлениям:

— определенные проявления проституции являются криминальными (вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией, организация или содержание притонов для занятия проституцией);

— проституция сопряжена с целым рядом половых преступлений (развратные действия в отношении малолетних, заражение венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией и т. д.);

⁶ Яковлев А.М. Социология экономической преступности. — М., 1988. — С. 137.

⁷ Отметим, что наша позиция, безусловно, носит спорный характер, а монография А.М. Яковлева является фундаментальным исследованием проблем экономической преступности. Актуальность выводов, сделанных А.М. Яковлевым, возрастает в связи с переходом общества к рыночной модели жизнедеятельности, многие из этих выводов оказались для России сегодня достоверным криминологическим прогнозом.

— проституция оказывает аморальное воздействие на определенные группы населения, способствует формированию негативных установок и ценностных ориентации личности;

— проститутки входят в «группу риска», т. е. являются чаще обычных граждан потенциальными преступниками или жертвами преступных посягательств.⁸

Указанные обстоятельства, естественно, предполагают включение «фоновых» явлений в круг криминологических исследований. Однако вряд ли можно поддержать встречающиеся в литературе суждения о том, что криминология должна в равной степени изучать и социально-отклоняющееся, и преступное поведение как конкретные разновидности антиобщественного поведения, а также разрабатывать общие меры профилактики этого поведения, применяемые ко всем его разновидностям.⁹ Такая позиция приводит к двум нежелательным последствиям. Во-первых, все виды социально-отклоняющегося поведения отдельными исследователями рассматриваются не как относительно самостоятельные явления, имеющие специфические особенности, а как явления, имеющие в основном криминальный исход. Соответственно этому при изучении «фоновых» явлений применяются в основном методы и теоретические подходы, которые применяются при изучении преступности.¹⁰ Такой подход является крайне односторонним, не позволяет установить все многообразие негативных проявлений социально-отклоняющегося поведения, выявить его причины, разработать специфические меры профилактики.¹¹

Во-вторых, возможна другая крайность, при которой преступность будет рассматриваться в равной мере со всеми формами социально-отклоняющегося поведения в рамках одной науки на слишком высоком уровне абстрагирования от специфики каждой конкретной формы такого поведения.¹² При таком подходе преступность будет изучаться в основном с точки зрения признаков, сближающих ее с другими видами поведения, отклоняющегося от социальных норм. Это будет существенно обеднять результаты криминологических исследований, поскольку не позволит выявлять специфику именно преступного поведения.

Конструктивным, на наш взгляд, будет подход, при котором криминологии будут изучать социальные отклонения не как самостоятельное явление в

⁸ См.: Проституция и преступность. — М., 1991. — С. 4–7, 139–140.

⁹ См.: Миллер А.И. Противоправное поведение несовершеннолетних (генезис и ранняя профилактика). — Киев, 1985. — С. 49–54.

¹⁰ Такой подход, на наш взгляд, применили авторы коллективной монографии «Социальные отклонения» — М., 1989.

¹¹ См.: Сахаров А.Б. Криминология и ее значение для профилактической деятельности органов внутренних дел. — М., 1965. — С. 28.

¹² Примаченок А.А. предложил назвать такую науку деликтологией (см.: Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. — Минск, 1990. — С. 43).

целом, а лишь отдельные их проявления, связанные с преступностью, точнее, как факторы преступности. Такой подход, с одной стороны, позволит избежать «монополизации» криминологией изучения социально-отклоняющегося поведения, с другой стороны, избавит криминологию от изучения преступности исключительно как разновидности антиобщественного поведения.

В этой связи огромный интерес представляет исследование такого распространенного в России явления, как общественно опасные деяния, содержащие признаки конкретных составов преступлений, совершённых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности.

Анализ современной криминогенной ситуации в России позволяет говорить о наличии большого количества дезадаптированных несовершеннолетних — детей, лишённых семьи, надлежащего ухода, воспитания, имеющих отклонения в развитии, ведущих асоциальный образ жизни, совершающих правонарушения и преступления. В частности, только бездомных детей по оценкам специалистов в России насчитывается более четырёхсот тысяч.¹³ В 1945 году после окончания войны в СССР было 678 тысяч сирот. В 2007 году в Федеральном банке данных детей, оставшихся без попечения родителей, насчитывалось 188 602. На учете в МВД состоят почти 100 тысяч несовершеннолетних алкоголиков и наркоманов.¹⁴ В 2006 году несовершеннолетними в России было совершено 150 264 преступления, что на 2,9% меньше, чем в 2005 году, однако настораживает то обстоятельство, что подростки все чаще стали участвовать в совершении таких преступлений, которые по сущности и содержанию не характерны для преступности несовершеннолетних: захват заложников, вымогательство, незаконное лишение свободы и др. Ежегодно в России регистрируется от 75 до 100 тысяч общественно опасных деяний, содержащих признаки конкретных составов преступлений, совершаемых малолетними и не находящих адекватного отражения в существующей статистической отчетности, поэтому они, как правило, остаются за пределами криминологических исследований.

С учётом того, что значимая часть несовершеннолетних, а также взрослых преступников вступала в конфликт с нормами морали, нравственности еще до достижения возраста уголовной ответственности, можно утверждать, что малолетние с общественно опасным поведением представляют собой резерв не только преступности несовершеннолетних, но и преступности в целом.

Последнее утверждение обуславливает необходимость рассмотрения категории «общественная опасность» как обязательного признака деяний несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет.

Общезвестно, что в отношении лиц, достигших возраста уголовной ответственности и совершавших преступления, в криминологии используется

¹³ См.: Российская газета. — 2006. — 20 сентября.

¹⁴ См.: Российская газета. — 2006. — 18 мая.

понятие индивидуального преступного поведения. При этом криминологическая наука исходит из того, что существует нормативная и ненормативная (индивидуальная) активность. Первая рассматривает поведение человека, которое соответствует правилам, существующим в обществе, вторая — проявляется в поведении, отклоняющемся от этих правил, либо от иных норм (морали, обычаи и т. д.). Противоправная индивидуальная активность, являясь частью ненормативной индивидуальной активности, может проявляться в индивидуальном поведении, выражающемся в действиях, нарушающих нормы уголовного права, и поведении, нарушающем нормы других отраслей права.

Представляется, что применение понятия индивидуального преступного поведения неприменимо к поступкам лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты до достижения возраста уголовной ответственности, поскольку эти лица не являются субъектами преступлений. В научной литературе в отношении ненормативной индивидуальной активности, нарушающей любые существующие в обществе нормы, чаще всего используется термин «девиантное поведение», хотя в педагогической и психологической науках употребляются и иные термины: «асоциальное», «антиобщественное», «деликвентное» и т. д. Бесспорно, что применение разных терминов, обозначающих схожие по содержанию явления вносит путаницу. Исследователи полагают, что для её преодоления «...целесообразно всё социальное поведение делить на **нормальное** и **девиантное** (отклоняющееся от нормы). Отклонение от нормы может быть как положительным, так и отрицательным. Последнее, в свою очередь, может быть разделено на аморальное, противоправное и преступное, или криминальное».¹⁵ Отметим, что в зарубежной психологии в последние годы исследователи избегают употребления термина «девиантное поведение», в связи с распространением течения «политической корректности» и употребляют термин «проблемное поведение».¹⁶

Выражение «общественно опасное поведение» законодатель использовал в Законе РФ «Об образовании». В п. 11 ст. 50 закона сказано, что «для подростков с девиантным (общественно опасным) поведением, достигших возраста одиннадцати лет, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода, создаются специальные учебно-воспитательные учреждения, обеспечивающие их медико-социальную реабилитацию, образование и профессиональную подготовку». Данную норму конкретизирует «Типовое положение о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением»,¹⁷ опре-

¹⁵ См.: Практическая психология образования / Под ред. И.В. Дубровиной. — М., 1997. — С. 414.

¹⁶ См.: Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб., 1998. — С. 142.

¹⁷ Постановление Правительства РФ № 420 от 25 апреля 1995 года «Об утверждении типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением»//СЗ РФ.— 1995.— № 18.— Ст. 1681.

деляя категории несовершеннолетних, помещаемых в учреждения закрытого или открытого типа: «Учреждения закрытого типа создаются для несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, нуждающихся в особых условиях воспитания и обучения и требующих специального педагогического подхода». Другими словами, законодатель вводит понятие «общественно опасное поведение» наряду с понятием «девиантное поведение». При этом можно сделать вывод о том, что закон считает девиантным именно такое поведение, при котором несовершеннолетний совершает деяния, объективная сторона которых описана в диспозиции норм Особенной части Уголовного кодекса.

Вместе с тем законодательство РФ называет девиантным не только общественно опасное поведение, но и любое поведение, «отклоняющееся от нормы», что соответствует принятому в специальной литературе подходу, при котором термин «отклоняющееся поведение» нередко заменяется синонимом — девиантное поведение.¹⁸ Так, в Постановлении Правительства РФ № 420 сказано: «Настоящее типовое положение регулирует образовательную, воспитательную и хозяйственно-экономическую деятельность государственных и муниципальных специальных учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным (отклоняющимся от нормы, общественно опасным) поведением».

Отметим, что в подготовленном проекте Кодекса Российской Федерации об образовании используется подход, в соответствии с которым наряду с термином «девиантное поведение» употребляются синонимы — термины «отклоняющееся от нормы поведение» и «общественно опасное поведение».

Применительно к поведению несовершеннолетних, в котором содержатся признаки объективной стороны административного правонарушения, но не достигших 16-ти лет, законодательство не использует специальную терминологию. О таких несовершеннолетних Закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» говорит как о «совершивших правонарушение, влекущее административную ответственность, но не достигших возраста с которого наступает административная ответственность», что, на наш взгляд, абсолютно неправильно, поскольку лицо, не являющееся субъектом административного правонарушения, не может «совершить правонарушение». В этих случаях следует говорить о совершении общественно опасных деяний, содержащих признаки конкретных административных правонарушений.

В подпункте 4 п. 2 ст. 21 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусмотрено, что подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел имеют

¹⁸ См.: Змановская Е.В. Девиантология. (Психология отклоняющегося поведения). — М., 2003. — С. 11.

право «принимать участие в рассмотрении соответствующих органами и учреждениями материалов о правонарушениях и об антиобщественных действиях несовершеннолетних, их родителей или законных представителей». Законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 7 июля 2003 г. № 98-ФЗ раскрыто содержание понятия «антиобщественные действия». В частности, в ст. 1 Закона говорится, что «антиобщественные действия — это действия несовершеннолетнего, выражающиеся в систематическом употреблении наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, спиртных напитков, занятии проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц». Данная формулировка закона представляется крайне неудачной, поскольку исходя из логического толкования вышеприведенной нормы употребление наркотиков, психотропных (одурманивающих) веществ, спиртных напитков, занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством приравнивается к действиям, нарушающим права и интересы других лиц, что следует признать неправильным. В частности, непонятно, чьи именно права нарушаются бродяжничеством несовершеннолетнего, а нарушения прав и законных интересов других лиц охватываются терминами, используемыми в административном, гражданском, уголовном законодательстве. Для действий же, перечисляемых в первой части определения, традиционно использовался термин «асоциальное» поведение, поскольку открытого конфликта несовершеннолетнего с обществом они еще не представляют.

Представляется, что использование в Законе «Об образовании» терминов «девиантное» и «общественно опасное» в качестве синонимов неправомерно и должно быть исключено, поскольку принятое в научном обороте определение девиантного поведения намного шире, нежели определение общественно опасного поведения и включает в себя любое «поведение, отклоняющееся от каких-либо норм».¹⁹

На наш взгляд, понятие «общественная опасность» применительно к поступкам детей и подростков, совершённым до достижения возраста уголовной ответственности, также нуждается в уточнении. Необходимо определить, насколько это понятие применимо к деяниям лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты до достижения возраста уголовной ответственности.

Известно, что характер и степень негативных последствий отклоняющегося поведения является одним из основных критериев отнесения его к общественно опасному поведению. В уголовном праве общественная опасность традиционно рассматривается как способность деяния причинить значительный вред общественным отношениям. Часть 2 ст. 14 УК РФ, суще-

¹⁹ См.: Юридическая социология: Учебник для вузов. — М., 2000. — С. 172.

ствовавшая до принятия Федерального закона от 25 июля 1998 года, имела следующую редакцию: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу и государству». Указанным законом введена новая редакция данной статьи, из которой исключены слова, раскрывающие понятие общественной опасности.

При рассмотрении поведения несовершеннолетних, допускающих нарушение уголовно-правовых запретов до достижения возраста уголовной ответственности, возникает вопрос: следует ли признавать все совершаемые такими несовершеннолетними деяния общественно опасными только на основании того, что объективная сторона этих деяний предусмотрена уголовным законом. То есть считать критерием общественной опасности только формальный признак — запрещенность конкретного деяния уголовным законом, или рассматривать это деяние в комплексе с личностью несовершеннолетнего его совершившего. Очевидно, что ответ на этот вопрос будет однозначным: необходимо рассматривать деяние в комплексе с личностью лица, его совершившего. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, эти деяния несовершеннолетних причиняют вполне конкретный вред, т. е. имеют негативные для общества последствия. Основную группу негативных последствий от совершения деяний, содержащих признаки конкретных составов преступлений, составляет тот совокупный вред, который возникает в результате совершения отдельных деяний. Однако, как преступность не сводима к совокупности отдельных преступлений (а вред от нее не сводим к совокупному вреду всех преступлений), так и вред от общественно опасных деяний несовершеннолетних не может быть сведен к совокупному вреду от всех общественно опасных деяний. Это объясняется следующими обстоятельствами.

При совершении общественно опасного деяния, содержащего признаки конкретного состава преступления, учитывается только вред, имеющий уголовно-правовое значение. Таким является вред, имеющий свойство основного или квалифицированного признака состава преступления, а также обстоятельства отягчающего наказание. Нетрудно заметить, что все эти виды негативных последствий объединяют причинение вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. В понятие же вреда от общественно опасных действий, содержащих признаки конкретных составов преступлений, входят кроме того, те негативные последствия, которые выходят за рамки объекта уголовно-правовой охраны (например, эмоциональные переживания родных и близких потерпевших), а также последствия, выходящие за пределы субъективного предвидения несовершеннолетних, но опосредованно связанные с их общественно опасным поведением (например,

затраты на их содержание в специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации).

Отдельные общественно опасные деяния, содержащие признаки конкретных составов преступлений, совершаемые несовершеннолетними, не достигшими возраста уголовной ответственности, не приводят к тому вреду, к которому приводит совокупность всех таких деяний, рассматриваемому как негативное социальное явление. Например, одним из последствий такого **явления является расширенное воспроизводство устойчивой антиобщественной среды несовершеннолетних**. Этот вред не может возникнуть только в результате совершения отдельных общественно опасных деяний, содержащих признаки составов преступлений в составе групп.

Во-вторых, общественная опасность таких деяний несовершеннолетних заключается в том, что они **имеют характер прецедента**, т. е. их повторяемости в будущем. Совершение общественно опасных деяний способствует формированию криминогенной мотивации и антиобщественной направленности личности несовершеннолетнего. Практика показывает, что существует закономерность, в соответствии с которой большое количество детей и подростков, совершавших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, в дальнейшем совершали преступление. Именно это обстоятельство во многом обусловило существенное «омоложение» преступности несовершеннолетних (так, в настоящее время около 32,0% из всех лиц несовершеннолетнего возраста, совершающих преступления, составляют подростки младшей возрастной группы — 14–15 лет²⁰) и оказывает влияние на «омоложение» преступности в целом. В частности, средний возраст осужденных в РФ, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, составляет 22 года, а в исправительных колониях строгого режима — 30 лет.²¹

В этой связи мы разделяем мнение исследователей, предлагающих расширить раздел криминологии, изучающий личность лица, совершившего преступление, и личности лиц с социально-отклоняющимся поведением.²² На наш взгляд, необходимо изучать лиц малолетнего возраста, совершающих общественно опасные деяния, содержащие признаки конкретных составов преступлений. Это крайне важно, поскольку позволит ответить на следующие вопросы:

²⁰ См.: *Прокументов Л.М.* Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. — Томск, 2006. — С. 25.

²¹ См.: Российская газета. — 2006. — 28 июня.

²² См. *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. — М., 1981. — С. 112–113; *Панкратов В.В.* Предупреждение правонарушений несовершеннолетних — комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 46. — М., 1988. — С. 30; Криминология и профилактика преступлений. — М., 1989. — С. 4–5.

— чем отличаются личность и поведение младшего и среднего подросткового возраста от несовершеннолетних старшего подросткового и младшего юношеского возраста и как эти отличия влияют на характер совершаемых ими общественно опасных деяний;

— существуют ли отличия в чертах личности и поведении несовершеннолетних преступников, совершивших общественно опасные деяния до достижения ими пониженного возраста уголовной ответственности, и несовершеннолетних, которые впервые нарушили уголовно-правовые запреты после четырнадцати лет;

— насколько часто несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, повторяют такое поведение в будущем, уже достигнув предусмотренного законом возраста уголовной ответственности;

— какие специальные меры воспитательного воздействия целесообразно применять к несовершеннолетним, совершившим общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности, какова эффективность этих мер и какие субъекты предупреждения должны реализовывать воспитательные меры.

Представляется, что и такое расширение данного раздела криминологии будет неполным, поскольку криминологию должна интересовать и личность лиц с другими формами социально-отклоняющегося поведения, тех, кто может в будущем совершить преступление. Например, проблема личности несовершеннолетнего, совершившего преступление в группе, никогда не исчерпывалась изучением только лиц, совершивших преступление в соучастии. Это обусловлено тем, что в конкретную преступную группу как реальную социальную общность входят все лица, создающие необходимые условия для её жизнедеятельности, а не только участвующие в совершении конкретных преступлений.²³ Исключение этих лиц из предмета криминологических исследований означало бы невозможность вскрытия механизма образования этих групп, выработки мер по их разложению или переориентации.

Таким образом, изучение общественно опасных деяний, содержащих признаки конкретных составов преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, должно осуществляться криминологической наукой в рамках расширения конкретных разделов, входящих в предмет криминологии.

²³ См.: *Прозументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления её предупреждения. Томск, 2001. — С. 173—175.

4. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА ЯНВАРЬ — СЕНТЯБРЬ 2008 ГОДА

29 февраля. Теоретический семинар на тему: «Латентность преступности». *Сергей Михайлович Иншаков* — доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом латентной преступности Академии Генеральной прокуратуры РФ (Москва), — выступил с докладом «Латентная преступность как объект криминологического изучения». Докладчик охарактеризовал изучение латентности преступности как перспективное направление криминологических исследований. Отделом латентной преступности НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ в течение семи лет проводится измерение скрытой составляющей криминального феномена. По результатам исследований количество незарегистрированных преступлений составляет не менее 23 млн. С учётом 3, 58 млн. зарегистрированных преступных деяний фактически в 2007 году в России совершено более 26 млн. преступлений. В течение всего периода изучения латентной преступности (с 2001 г.) фактическая преступность непрерывно росла на 3-5 % в год (в 2007 г. рост фактической преступности составил 5%).

Эти исследования позволяют более объективно оценить реальные масштабы преступности, её структуру, выявить тенденции её развития. В новом ракурсе открываются перспективы взаимодействия общества и преступности, актуализируется проблема поиска альтернативных стратегий социального воздействия на это негативное явление.

Президент Санкт-Петербургского криминологического клуба *Д. А. Шестаков* (Санкт-Петербург) отметил значение работы, которую проводит Отдел латентной преступности НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, возглавляемый в настоящее время известным криминологом *С. М. Иншаковым*. Деятельность отдела — прорыв в познании подлинных размеров преступности нашего общества. Профессор Иншаков, как известно, внёс свою лепту и в развитие теории преступности, нетрадиционного подхода к пониманию этого феномена.

Имея в виду криминологическое понятие преступления, необходимо давать оценку масштабам неучтённости «некриминализованных преступлений». Теперь к таковым следует отнести, например, вмешательство в форми-

рование органов власти суверенного государства; инсценировку преступлений, в частности, на почве межэтнической вражды и др. Следуя семантическому понятию преступности, надо особо исследовать латентность причин преступлений. (Не путать с причинами латентности.) Было бы хорошо, чтобы специалисты по латентности задумались над тем, почему в стране так часто происходят «несчастные случаи» с политически влиятельными людьми, кто раздувает «ксенофобию» в России, в чём причины совершаемых сегодня с применением армий и частных военных компаний преступлений против человечества и воинских преступлений.

К ранее разработанной иерархии уровней проявления преступности (см.: *Д. А. Шестаков*. Криминология, 2-е изд. СПб., 2006) теперь следует добавить 5-й уровень, надгосударственный, на котором проявляется борьба за глобальный контроль над ресурсами, СМИ, властью в отдельных государствах. Необходим банк данных неучтённых преступлений всех уровней преступности. В качестве одного из критериев возможной латентности, полагает профессор, может выступать «критическое множество подозрений», общество заинтересовано в научном мониторинге подозрительных случаев.

Известно, отметил президент Клуба, что латентность преступности постоянно выступает в роли инструмента политических спекуляций. Одно замалчивается, другое раздувается. В нынешние времена, когда эпохальным злом стала глобально-американизированная преступность, замалчивается, например, геноцид в отношении сербов на Балканах.

И. А. Носкова (Санкт-Петербург) на основании проведённого ею исследования преступности средств массовой информации в Санкт-Петербурге отметила, что недоверие граждан суду, правоохранительной системе в целом обуславливает неучтённость (латентность) значительной части случаев уголовно-наказуемой клеветы. По её мнению одним из наиболее латентных является преступление, предусмотренное ст. 242 УК РФ (Незаконное распространение порнографических материалов или предметов). Распространение порнографии достаточно часто встречается на веб-сайтах. Однако при изучении статистики ГУВД Санкт-Петербурга за 1997-2007 года зарегистрированы всего два преступления, совершённые с использованием сети Интернет. Всего же по ст. 242 УК РФ за указанный промежуток времени было зарегистрировано 398 преступлений. Можно себе представить, во сколько раз возросло бы количество учтённых преступлений, если бы в связи с размещением на всех сайтах и блогах, на которых выставляются порнографические материалы, были бы возбуждены уголовные дела.

А. П. Данилов (Санкт-Петербург) посвятил своё выступление латентности политической преступности и, в частности, убийств по политическим мотивам, тяжело исследуемый по самым разнообразным причинам феномен. Латентность, определил он, — это своеобразное качество преступности любой из социальных подсистем. Латентность политической преступности —

свойство политической сферы скрывать в своей среде по причинам политического, экономического, социального и иного характера политические преступления.

В развитие суждения Д. А. Шестакова в качестве метода выявления латентности политических убийств предлагается использовать способ подстановки определённых признаков выявления латентности под конкретный случай гибели. К таким признакам он относит: 1) опасность, которую представляло лицо для определенных политических сил или бизнес элиты в связи с имевшейся у него негативной информацией об этих силах или отдельных их высокопоставленных представителях; 2) крупная помеха, которой представлялось лицо для определенных политических сил или бизнес элиты в связи с продвижением по «служебной лестнице», например, занятием руководящих постов в правоохранительных или контрольно-надзорных органах; 3) внезапность смерти такого лица, особенно если она сопровождалась экстремальной ситуацией, например, автокатастрофа, взрыв, падение с высоты, самоубийство и т.д.; 4) негативные последствия гибели или смерти лица для военной, экономической, политической мощи страны, престижа России; 5) наличие в звене «лицо — гибель лица» фактов использования финансовой, организационной и иной зарубежной поддержки.

Ю. С. Анухтин (Санкт-Петербург) поставил вопрос о латентности преступной деятельности частных военных компаний (ЧВК) и на основании её анализа за последние несколько лет пришёл к выводу о том, что подавляющее большинство преступлений, совершаемых сотрудниками ЧВК, остаётся неучтённым.

Основным и зачастую единственным источником информации о преступной деятельности ЧВК являются средства массовой информации, сообщающие о самых вопиющих фактах. Реакция же государств-заказчиков услуг ЧВК, как правило, отсутствует или ограничивается заявлениями чиновников о том, что «инцидент будет исследован самым тщательным образом».

До настоящего времени привлечение ЧВК и их сотрудников к ответственности является исключением из общего правила. В связи с деятельностью ЧВК можно говорить о неучтённости: 1) преступной государственной политики (политика США в отношении Ирака, Афганистана, Сербии); 2) преступлений, не учтённых в силу нежелания чиновников/государства расценивать их как преступление (деятельность ЧВК в Ираке); 3) преступления, о которых не заявлено потерпевшими и свидетелями (например, преступления сексуального характера на Балканах); 4) скрытые преступления, известные только самим преступникам (например, при осуществлении разведывательной деятельности). В выступлениях были подробно проанализированы причины и условия высокой латентности преступной деятельности ЧВК.

В дискуссии также приняли участие М. М. Бабаев (Москва), Н. Б. Бараева (Санкт-Петербург), Я. И. Гишинский (Санкт-Петербург), Б. В. Волженкин

(Санкт-Петербург), В. В. Колесников (Санкт-Петербург), С. Ф. Милоков (Санкт-Петербург), Д. А. Корецкий (Ростов-на-Дону), А. В. Петровский (Краснодар), Б. Б. Тангиев (Санкт-Петербург) и другие.

Материалы семинара публикуются в настоящем выпуске Трудов Санкт-Петербургского криминологического Клуба «Криминология: вчера, сегодня, завтра», 2009, № 1 (16).

13 марта. Презентации книги «Дети в тюрьме» (по материалам эмпирического исследования в России и Англии). Книгу представила автор — профессор *Мэри Маколи* (Великобритания). На презентации выступили Я. И. Гишинский, А. П. Данилов, А. В. Комарницкий, Н. И. Пишкина, Д. А. Шестаков.

26 сентября. «Круглый стол» — август 2008-го: события в Южной Осетии в свете новых отраслей криминологии и международного уголовного права. Со вступительным словом выступил *Д. А. Шестаков*, сделавший предварительный набросок квалификации совершённых в Южной Осетии преступлений руководством Грузии в соучастии с руководством США, Израиля, Украины, а также непосредственными исполнителями — нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ч. 1 ст. 360 УК РФ), убийство (п.п. «а», «б», «е», «ж», «к», «л» ст. 105 УК РФ), применение запрещённых средств и методов ведения войны (ч. 1 статьи 356 УК РФ), геноцид (ст. 357 УК РФ). Такая квалификация согласуется с положениями Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.; Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.; Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г. Далее он поставил вопросы юрисдикции, которой подлежит вышеназванный круг преступников.

Криминологическую оценку трагедии, произошедшей в Южной Осетии, президент клуба дал с позиций нового, как он его определил, *постлиберального статуса современной криминологии*, на котором наука охватывает глобальные причины преступности, уделяя особое внимание преступной внешней политике государств и надгосударственных структур (транснациональных корпораций). Он обратил внимание на методику дезинформации пособничавших геноциду в Республике Южная Осетия западных СМИ, использующих при интерпретации ожидаемых политических событий заранее заготовленные искажающие действительность клише, которые затем заполняются препарированной информацией. Эта широко распространённая практика ставит под сомнение свободу слова в странах Запада.

За «круглым столом» также выступили: Ю. А. Апухтин (Санкт-Петербург), Е. В. Богданов (Минск), Я. И. Гишинский (Санкт-Петербург),

В. Ю. Голик (Москва), А. П. Данилов (Санкт-Петербург), С. У. Дикаев (Санкт-Петербург), И. Н. Лопушанский (Санкт-Петербург), В. В. Колесников (Санкт-Петербург), С. Ф. Милюков (Санкт-Петербург), И. А. Носкова (Санкт-Петербург), В. С. Овчинский (Москва). Кроме того, в адрес криминологического клуба поступили сообщения от известных специалистов в области криминологии и международного уголовного права, не имевших возможности лично участвовать в обсуждении трагических событий в Южной Осетии. Приводим краткое изложение как прозвучавших за «круглым столом» выступлений, так и поступивших затем сообщений.

В. С. Овчинский обратил внимание на то, что реальность, сложившаяся после 11 сентября и 8 августа, такова, что «ловушки» самообороны, самоопределения и миротворчества, содержащиеся в двусмысленностях документов ООН, можно использовать для обоснования ведения войны против суверенных государств, имея соответствующую военную силу и политическую волю, способную обеспечить эти превентивную самооборону, самоопределение дружественных государственных новообразований и миротворческие операции по принуждению к миру.

Для восстановления в Республике Южная Осетия законности и правопорядка необходимо уголовно-процессуальное закрепление преступлений, совершённых вооружёнными силами Грузии против мирного населения Цхинвала. Но российский УПК позволяет проводить следственные действия только на территории России. УПК и УК не адаптированы ни для ситуации войны, ни для миротворческих операций за пределами Российской Федерации. Потребуется также тщательная проверка расходования финансовых средств на строительство нового газопровода в Южной Осетии и на обеспечение оборонительных мероприятий. Возможно, здесь потребуются и расследования выявленных нарушений.

Помимо проверки расходования прошлых финансовых вливаний из России возникает необходимость обеспечения безопасности новых. Ведь они предполагают многомиллиардные ассигнования на восстановление разрушенного Цхинвали, сёл и посёлков, дорог и других коммуникаций, на выплату зарплат и пособий.

Важнейшим элементом обеспечения законности и правопорядка в ходе восстановления мирной жизни в Южной Осетии и Абхазии должно стать недопущение насильственных и иных притеснений грузинского населения на территории этих государственных новообразований.

Я. И. Гилинский заявил, что не усматривает принципиальных различий в уголовно-правовой оценке действий правительства Саакашвили в Южной Осетии и российского правительства в Чечне. А как с уголовно-правовой точки зрения оценить августовские действия российских властей и командования вооружённых сил, вторгшихся на территорию независимого суверенного государства — Грузии, захвативших грузинские села, города Поти и Гори — в

нескольких десятках километров от столицы Тбилиси? Эти действия как минимум выходили за рамки оказания помощи населению Цхинвала.

С. Ф. Милоков высказал сомнения по поводу того, как находящаяся в затяжном системном кризисе российская Армия (См.: Милоков С. Ф. Криминологические основы российского военно-уголовного права//Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды СПб криминологического клуба. 2005. №2(9). — С.13—20) столь молниеносно смогла мобилизовать свои силы и без серьёзных потерь в кратчайшие сроки решить в Южной Осетии поставленные задачи. Августовские события в Южной Осетии напоминают «странную» войну в Ираке и не менее странное уничтожение башен-«близнецов» 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке.

Как известно, плодами этих происшествий воспользовались прежде всего США, а также их союзники и сателлиты по НАТО. Настораживает крайне скудная информация о том, оказывали ли грузинские подразделения сопротивление при освобождении Цхинвала, велись ли встречные бои, включая танковые. Навевают сомнения и утверждения о том, что Цхинвал был полностью разрушен всего за несколько часов.

Нужны решительные меры, — заключил С. Ф. Милоков, — по очистке тыла на Кавказском театре прошедших и потенциальных военных действий, прежде всего в Северной и Южной Осетии, а также в Чечне, Ингушетии, Дагестане. В правовом плане требуется незамедлительное пополнение Общей и Особенной частей УК нормами, рассчитанными на применение их в военное время или боевой обстановке, которая, как показывает действительность, ежедневно возникает на территории России (конкретные предложения на этот счёт см. в первой из вышеуказанных публикаций). (См.: Милоков С. Ф. Нетрадиционные методы обращения с преступником//Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. СПб., 2005. — С. 573—589; Он же. Насилие как средство осуществления уголовной политики//Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. — С. 107—116).

С. У. Дикаев представил события в Южной Осетии как «срежиссированный акт», целью которого послужило создание условий для принятия политических решений, главным образом, по абхазскому вопросу. Дело в том, что Российский Черноморский флот в недалёком будущем придётся вывести из Крыма, являющегося территорией Украины. Проблема российского присутствия на Чёрном море теперь будет решена путём его передислокации в Абхазию. Не исключая того, что, если не сам этот сценарий, то его результат, в какой-то степени был согласован с западными государствами (вроде пакта Молотова-Риббинтропа), а заявления и действия руководителей государств есть ничто иное, как политическая мишура. В этом случае всякие рассуждения об ответственности организаторов массовых убийств теряют смысл, и вероятнее всего, что эту проблему «заболтают» и за убийство более чем тысячи человек никто не понесёт наказания.

Грузинские вооружённые силы организованы, обучены и вооружены по натовским стандартам. В этой связи следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство. В Южной Осетии в полевых условиях была произведена апробация вооружённых сил НАТО и России. Кроме того, была произведена «разведка боем» того, как мировое сообщество реагирует на возникшую ситуацию.

Такое однажды имело место, когда в сентябре-октябре 1999 г. в Москве были взорваны дома и начата вторая военная компания в Чечне. Спустя два года 11 сентября 2001 г. взрыв башен-близнецов создал условия для начала «зачистки» в мировом масштабе с последующей оккупацией государств Афганистан и Ирак под предлогом борьбы с терроризмом.

Кажется, что в мире есть политические силы, которые создают провокации, сопровождающиеся большими людскими жертвами и материальным ущербом, для продвижения своих политических или экономических проектов. Возможно, что в ближайшие год-два эти силы проанализируют все детали Юго-Осетинских событий, и этот сценарий будет повторен, но с большим размахом, что будет иметь трагические последствия значительно большего числа людей, чем в Южной Осетии. Главным провокатором и действующим лицом в этой трагедии будет США, чья экономика дышит на ладан. Возможно, что США планируют отказаться от своей национальной валюты — доллара, для чего им необходимо создать в глобальном масштабе условия, которые бы оправдывали такое решение. Это может быть провокация столкновения мусульманства и христианства, для чего, возможно, будет нанесен с территории Пакистана ядерный удар по одной из европейских государств (до США же им не достать).

Если США откажутся от доллара, то они совершат ограбление планетарного масштаба, но это позволит им выйти из тяжелейшего экономического кризиса. Если Россия не выведет свои активы из экономики США, не изменит баланс государственного валютного резерва, ликвидировав или значительно уменьшив его долларовую часть, то это ограбление непосредственно скажется на благосостоянии народа России. Вместо этого Россия, несмотря на углубление кризиса, продолжает вкладывать деньги стабилизационного фонда в экономику США, что было заявлено министром финансов России А. Кудриным. Это даёт основание подозревать российские власти в сговоре с мировой олигархией, сомневаться в искренности их заявлений об их озабоченности повышением благосостояния населения, в правильности их политики вообще, экономической и уголовной политики, в частности.

Одной из очередных задач политической криминологии должно стать прогнозирование таких провокаций, установление их истинных причин и заинтересованных субъектов, а также выработка действенного международного механизма принуждения к ответственности не только руководителей государств, но и самих государств. Мерой наказания для государства могло бы

быть принуждение к заглаживанию причиненного им вреда, штрафы в пользу беднейших государств или в пользу решения экологических проблем.

В качестве же желательной юридической перспективы событий в Южной Осетии, — заключил С. У. Дикаев, — хотелось бы видеть рассмотрение дела специализированным наднациональным судебным органом, чьей задачей станет установление истины и наказание виновных. При этом неизбежность ответственности каждого из виновных должна быть главным принципом этого суда вне зависимости от того, лидерами или гражданами каких государств или какой стороной конфликта они являются.

Е. В. Богданов предпринял попытку описания алгоритма возможного криминологического анализа событий в Южной Осетии в августе 2008 г. на основе теории конфликта. Эти события стали результатом двух конфликтов: социокультурного этнического конфликта, который, существует в кавказском регионе со времён царской России, и конфликта геополитических интересов, возникшего посла распада СССР. Участники социокультурного этнического конфликта на Кавказе: осетинский и грузинский народы. Основными участниками геополитического конфликта выступали (и продолжают выступать) Россия с одной стороны, Грузия и США с другой.

Средства массовой информации использовали известные информационные технологии в целях пособничества участникам вооружённых столкновений, апробированные прежде, например, при освещении столкновений в Ливане в 2006 г. Российские средства массовой информации трактовали эти столкновения как войну Израиля с Ливаном, а западные журналисты ограничивали состав участников этих событий Израилем и радикальным шиитским движением «Хезболлах».

Конфликт в Южной Осетии далёк от завершения, в связи с чем полная и объективная правовая оценка произошедшего сегодня вряд ли возможна. На данный момент отсутствует судебный орган международной юрисдикции, который мог бы провести независимое и беспристрастное расследование произошедшего. *Е. В. Богданов* заключил, что стратегической целью противостоящих сторон должно выступать завершение и этнического, и геополитического конфликтов в кавказском регионе.

Ю. В. Голик заострил внимание на том, что войну начала Грузия. Это не логический вывод после сопоставления фактов, а заявление полномочного представителя Грузии. 7 августа в 23 часа 30 минут господин Круашвили, бригадный генерал, командующий миротворческими силами Грузии в этом регионе (обращает внимание сама должность, занимаемая этим генералом — командующий миротворческими силами), объявил о том, что Грузия приняла решение начать войну с Южной Осетией. Поскольку заявление было сделано одним из руководителей Вооружённых сил Грузии, постольку Грузия полностью несёт ответственность за эти действия. Государство может быть, а в конкретных случаях и должно быть признано субъектом преступления. Вопрос

о формах этой ответственности и способах привлечения к ней — это вопрос будущего. Установление уголовной ответственности для государства-агрессора (равно как и для других случаев проявления криминальных действий со стороны государства). Сказанное, разумеется, не означает отказа от привлечения к уголовной ответственности конкретных физических лиц.

И. Н. Лопушанский назвал едва ли правомерными высказанные за «круглым столом» аналогии событий «Грузия — Южная Осетия» и «Россия — Чечня». Грузинские войска фактически осуществляли этнический геноцид, при котором уцелевшее население Южной Осетии бежало в Россию. Россия же в Чечне боролась против политического режима Д. Дудаева.

События на Кавказе 8 августа 2008 г. для России начались не с продвижения наших танковых колонн и авиации в Южную Осетию и затем собственно в Грузию, как было сказано одним из участников «круглого стола», а с созыва по требованию Российской Федерации экстренного заседания Совета Безопасности ООН по вопросам вторжения грузинских войск в зону действия миротворческих сил, разрушения Цхинвала, бегства и массовой гибели мирного населения. СБ ООН оказался медлительным (вопрос решался часами) и безучастным к гуманитарной катастрофе. Странно, что наши политики и СМИ практически не используют этот международно-правовой аргумент для обоснования дальнейших действий России в регионе.

Более 15 лет РФ признавала территориальную целостность Грузии, однако реализация традиционных геополитических интересов России в этом регионе натолкнулась на геополитические притязания США, на чьи деньги была осуществлена «революция роз» и избран проамериканский президент

М. Саакашвили. Интерес к Грузии со стороны США — создание стратегического плацдарма на Кавказе против России и Ирана, вооружение грузинской армии для проверки баланса сил на российско-грузинской границе.

Главным поводом для изменения отношения России к статусу Южной Осетии и Абхазии стало признание Европейским Союзом и США отделения Косово — исконной территории Сербии, заселённой (не населённой, а именно заселённой) албанцами.

Результаты и перспективы развития событий, по мнению И. Н. Лопушанского, следующие: Саакашвили в нестабильной внутренней политической ситуации получил консолидацию большей части населения и поддержку США и европейских стран НАТО (правда, ряд государств воздерживается от немедленного приёма провокатора в свои ряды). Южная Осетия: получила шанс воссоединения в единой Осетии в составе РФ. Абхазия: вероятно, будет укреплять свою независимость, гарантом которой видит Россию. Россия: показала, что готова отстаивать свои интересы в регионе, используя международно-правовые принципы и прецеденты (Косово). Для закрепления своих позиций и, учитывая угрозу присутствия США в Грузии, она собирается вернуть свои военные базы в Южной Осетии и Абхазии. Не исключено, что

Абхазия предоставит РФ часть побережья для размещения Черноморского флота после 2017 г., года предположительного закрытия базы в Севастополе. Однако своей поддержкой независимости Южной Осетии и Абхазии Россия также создала прецедент для собственных сепаратистов, а это весьма неприятная перспектива развития событий.

Приславший к «круглому столу» сообщение В. В. Лунеев (Москва) пишет, в частности, что жажда кровавой расправы с братскими народами у грузинского руководства всех мастей было доминирующей идеей фикс многие годы. Очаги террористического национализма, полагает он, не погасить, например, политически, юридически и криминологически порочными и идеологизированными образца 2002 г. статьями 282, 282-1 и 282-2, УК РФ (как было в России), когда к реалистичным расовым, национальным и религиозным мотивам были «пристёгнуты» мотивы идеологической, политической и социальной вражды и ненависти. Такого не было даже при Сталине!

На этой основе соответствующие слои нашего общества объединили эти мотивации в одно: в России якобы наступают фашизм и русский национализм! Были раздуты несуществующие обстоятельства. В 2007 г. УК РФ изумительно подправили, переместив «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» из ст. 282-1 в 11 статей УК, предусматривающие ответственность за убийство, причинение любого вреда здоровью, угрозу, хулиганство, вандализм и т. д., а также в обстоятельства, отягчающие наказание.

8 августа Саакашвили решил разрубить «гордиев узел», туго завязанный самой историей, — отметил В. В. Лунеев. Но узел лишь туго затянулся на нём самом. Восьмёрка оказалась почти петлёй. Александра Македонского из Саакашвили не вышло.

А. Г. Кибальник (Ставрополь) пишет в клуб, что обвинение в адрес России, введшей войска на территорию Южной Осетии и «ядровой» территории Грузии, в осуществлении агрессии в отношении этого государства в принципе несостоятельно, так как войска были введены в ответ и для защиты российских миротворцев, находящихся по мандату ООН, и российских граждан, проживающих в Южной Осетии. Введение частей на «ядровую» территорию Грузии для подавления военной инфраструктуры стороны, нарушившей международные соглашения, вполне оправданно правом на самооборону, данным любому субъекту международного права ст. 51 Устава ООН и которым Россия воспользовалась в полной мере.

А. П. Данилов связал войну в Южной Осетии с государственным и надгосударственным уровнями преступности (согласно классификации Д. А. Шестакова). Подобные конфликты всё ближе подводят государства к открытой конфронтации. Тем самым противодействие этим уровням преступности становится крайне актуальной задачей в условиях, когда вектор преступной

политики США направлен на установление глобального контроля над ресурсами планеты, что, с большой долей вероятности, может привести к мировой войне.

И. А. Носкова проанализировала события в Южной Осетии с позиций криминологии СМИ. Восприятие людьми из разных стран одной и той же ситуации происходило по-разному, в зависимости от подачи информации и комментариев к ней. По телевидению нередко транслировались одни и те же кадры, но с противоположными комментариями. Так, например, 45-летняя москвичка, Светлана Козаева, побывавшая 11 августа на родине в Цхинвале, рассказала в печати, что CNN и BBC передают кадры из Цхинвала, но говорят, что они сняты в Гори. Она сообщила: «Я своими собственными глазами видела фальшивку. В одном из репортажей я узнала разрушенную артобстрелом улицу моего родного города. Это была улица Героев». Диктор же выдавал разрушенный осетинский город за грузинский.

После боевых действий в Южной Абхазии, — заключила И. А. Носкова, — Россия приобрела некоторый опыт полезный для нас опыт ведения информационной войны.

Ю. А. Анухтин остановился на деятельности частных военных компаний, которые, по его данным, внесли вклад в повышение боеспособности вооружённых сил Грузии, чем способствовали развязыванию военных действий в Южной Осетии. Деятельность частных военных компаний непосредственным образом затрагивает вопросы обеспечения безопасности России и её союзников. Вооружённое вторжение Грузии на территорию Южной Осетии вновь поставило вопрос о необходимости специального регулирования деятельности частных военных компаний на международном уровне. Автор предлагает уделить особенное внимание изучению деятельности частных военных компаний в рамках политической криминологии и разработке соответствующего криминологического законодательства.

Подводя итог заседанию, *Д. А. Шестаков* выразил удовлетворение присутствующим клубу разнообразием подходов к обсуждённой проблеме. Очень важно, чтобы научный анализ, осуществляемый у нас в клубе, в конечном счёте, служил на благо возрождающейся, восстанавливающей присущее ей мировое значение России, чтобы он вёл к разработке эффективного противодействия преступлениям против России и россиян и таким образом вносил свой скромный вклад в гармонизацию мирового сообщества.

В связи с поднятым Я. И. Гилинским вопросом *Д. А. Шестаков* высказал свою версию уголовно-правовой оценки действий российских вооружённых сил на в то время ещё грузинской территории. По его мнению, в основном совпадающему с мнением А. Г. Кибальника, в период с 8 по 10 августа, руководствуясь статьёй 51 Устава ООН (о праве государств на самооборону), вооружённые силы России, осуществили оборону собственных граждан, пресекли совершаемый вооружёнными силами Грузии геноцид осетинского народа.

При этом грузинская армия оказала сопротивление правомерным действиям вооружённых сил России. Прежде чем быть выдворенными за пределы РЮО, грузинские вооружённые силы совершили убийство 63 российских военнослужащих — в связи с осуществлением российскими военными их служебной деятельности, общеопасным способом, организованной группой, — т.е. совершили преступление, предусмотренное пунктами «а», «б», «е», «ж» статьи 105 УК РФ. Произведённые российской армией военные действия за пределами Южной Осетии на территории Грузии также охватываются понятием самообороны, которая по своей интенсивности должна быть достаточной для недопущения возобновления преступлений, от которых осуществляется оборона. Эти действия заключались в занятии стратегически важных высот и подавлении военной базы, игравшей существенную роль в нападении на Цхинвал и др. объекты Южной Осетии. Впрочем, институт необходимой обороны (самообороны) в международном уголовном праве нуждается в более подробной регламентации, касающейся, в частности, условий совершения оборонительных действий на территории суверенного государства, повинного в совершении преступления.

Высказанные за «круглым столом» подозрения о сговоре высших властей России и США выглядят преувеличенными. Очень трудно поверить в то, что с оголтелыми США можно прийти к какому-либо компромиссу по Грузии, например, по поводу размещения российской военно-морской базы в Республике Абхазия, против независимости которой США, к тому же, категорически возражают. Однако почву для подобных версий создают некоторые стороны экономической политики, проводимой сегодня в России: прежде всего, отказ от коррекции последствий преступной приватизации, размещение российских средств, в частности, стабилизационного фонда в американских банках. Похоже на то, что у высшего чиновничества на сегодня есть заинтересованность и в состоятельности олигархов, и в стабильности финансовой системы США. Но в виду нарастающей военной угрозы, а также граничащей с глупостью наглой политики двойных стандартов США, например, по отношению к Сербии и к Грузии, ощущается и тенденция российского руководства к преодолению унижительной зависимости.

Весьма важно то, что в своём послании «круглому столу» В. В. Лунеев увязал события в РЮО с «модной» проблемой ксенофобий, на исследование проявления которых в России, как известно, западные фонды расходуют немалые средства. Да, геноцид против осетин — крайнее проявление ксенофобии, повлекшей распад Грузии. Для России, да и для мирового сообщества, особенно важно противодействовать сегодня *антирусизму* в широком и узком смысле слова, целенаправленно осуществляемому в мире политическими кругами и СМИ Запада. Было бы полезным, чтобы российские исследователи сделали соответствующий собственный вклад в изучение «преступлений ненависти», разжигаемой против россиян.

На постлиберальном этапе, в который вступила криминология, необходимо дать оценку криминогенности однополярного устройства мира. Перспективу его преодоления Д. А. Шестаков связал с идеей евразийства, отказом от использования долларов США и ценных бумаг этой страны, с деятельностью ШОС, ОДКБ, с развитием связей Евразии и Латинской Америки, а также с возможным созданием параллельно ООН более эффективной организации «Мир Без США».

Набросок уголовно-правовой оценки, сделанный профессором Д. А. Шестаковым, публикуется в настоящем выпуске трудов клуба. Подробный отчёт о «круглом столе» будет помещён в выпуске № 17.

9 октября. Назначение исполняющим обязанности президента Санкт-Петербургского криминологического клуба С. У. Дикаева. В связи с истечением срока полномочий президента клуба Д. А. Шестакова, согласно его распоряжению, исполняющим обязанности президента назначен член совета клуба, доктор юридических наук, профессор Салман Умарович Дикаев.

Совет Клуба

5. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

*Совет Санкт-Петербургского криминологического клуба
сердечно поздравляет юбиляров, желает им
дальнейших достижений в криминологии, здоровья и радости!*

ЮРИЮ МИРАНОВИЧУ АНТОНЯНУ — 75 ЛЕТ!

Антонян Юрий Миранович родился в 29 июня 1933 г. в г. Тбилиси. В 1952 г. поступил в МГУ на юридический факультет. После его окончания работал в органах внутренних дел Ярославской области, затем следователем и оперативным работником уголовного розыска на Московской ж.д., начальником линейного отделения милиции.

С 1957 по 1965 г.— научный сотрудник ВНИИ МВД РФ, а с 1965 г. по 1968 г. — старший инспектор по особым поручениям МВД СССР. С 1968 по 1981 г. в Академии МВД РФ — старший преподаватель, доцент, профессор. С 1981 по 2003 г. — главный научный сотрудник ВНИИ МВД РФ.

Юрий Миранович — заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор, автор более 350 опубликованных научных работ. Юрий Миранович является одним из ведущих учёных в области криминологии и уголовного права. Его перу принадлежат книги на самые актуальные темы, в их числе — 60 книг по криминологии, уголовному праву, психологии, патопсихологии и социальной психиатрии, например, «Психология убийства» (1997 г.), «Преступность в федеральных округах» (2002 г.), «Психология преступления и наказания» (2001 г.). Вот уже более 40 лет он занимается проблемой серийных убийств, уникальными разработками в области криминальной сексологии («Криминальная сексология», 1999 г.) и исследованиями такой важной темы, как терроризм («Захват заложников», 2002 г.). Профессор Ю. М. Антонян по существу является основоположником российской психологической школы криминологии.

Юрий Миранович является автором учебников и учебных пособий по криминологии, таких как «Личность преступника» (2004 г.), «Криминология» (2004 г.). Труды Юрия Мирановича изданы во многих странах мира: Японии, США, Франции, Швеции, Болгарии и Чехии.

В настоящее время Юрий Миранович Антонян активно участвует в научной деятельности Института гуманитарного образования (ИГУМО). Под его руководством защищено 12 докторских и 49 кандидатских диссертаций.

Юрий Миранович — член Санкт-Петербургского криминологического клуба, в котором дважды выступал с докладами.

ЕЛЕГЕНУ ИЗТЛЕУОВИЧУ КАИРЖАНОВУ – 75 ЛЕТ!

Каиржанов Елеген Изтлеуович родился 17 сентября 1933 г. в семье сельского труженика в Махамбетском районе Атырауской области. Окончив среднюю школу с медалью, в 1951–1955 гг. учился в Алма-Атинском государственном юридическом институте. Завершив учебу в вузе и специальную подготовку (в г. Свердловске), поступил на службу в Комитет государственной безопасности.

Проработав на практике, в том числе 3,5 года следователем (им оправданы свыше одной тысячи осуждённых и расстрелянных как «враги народа» в 1937–1939 гг.), поступил в очную аспирантуру в Казахский государственный университет имени С.М. Кирова.

На ниве науки и образования он трудится свыше 47 лет, автор более 200 работ, в т.ч. 17 монографий.

Им впервые в Республике (1973–1983 гг.) был осуществлён обширный социологический анализ состояния, структуры и динамики правонарушений за 1960–1980 годы. Результаты этого оригинального исследования легли в основу последующих трудов казахстанских учёных по проблемам борьбы с преступностью.

Елеген Изтлеуович внёс весомый вклад в теорию уголовного права по определению сущности и структуры объекта преступления. Методологически обосновал необходимость построения норм в Особенной части Уголовного кодекса с позиции защищаемого объекта в виде социально ценного блага — интереса общества, государства, личности. На основе этой концепции им в 1975 г. защищена докторская диссертация в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко.

Свыше 45 лет профессор Е. И. Каиржанов успешно сочетает занятие наукой с педагогикой (Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Высшие школы МВД СССР в гг. Омске, Караганде и Алматы; Международный Казахско-Турецкий Университет им. Ахмеда Яссауи, Университет «Кайнар», Академия МВД РК).

В 1995 г. впервые в Казахстане опубликовал учебник по криминологии (общая часть) для студентов вузов, который переиздан в 2000 г.

Другой его учебник — «Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть» — выдержал 4 издания (1997, 1998, 2003 и 2006 гг.). За учебники нового поколения он Республиканской Ассоциацией вузов признан «Са?ла? автор» и награждён медалью им. Ахмета Байтурсынова (2004 г.).

Участвовал в разработке ряда новых законодательных актов, кодексов РК, Закона о профилактике преступлений и др.

Он представлял Казахстан на крупных международных форумах по проблемам законотворчества, конституционного законодательства, предупреждения правонарушений и юридического образования (Стамбул, Страсбург, Пекин, Шанхай, Рим, Турин, Гавана, Бангкок, Санкт-Петербург, Москва, Киев).

Каиржанов Е.И. – академик Академии естественных наук РК, лауреат премии аль-Фараби, заслуженный деятель науки и техники РК, почётный профессор Криминологической ассоциации Казахстана, Атырауского государственного университета им. Халела Досмухамедова, Отличник образования РК, член Совета по правовой политике при Президенте РК, эксперт отделения общественных наук Национальной академии наук и Конституционного Совета при Президенте РК.

Имеется специальный учебный класс профессора Каиржанова Е.И. в махамбетской средней школе, который успешно функционирует уже в течение 5 лет в учебно-методическом и профессионально-ориентационном направлениях. Учреждена персональная стипендия наиболее достойному выпускнику школы (ежегодно).

Профессором Е. И. Каиржановым подготовлены 10 докторов и 49 кандидатов юридических наук.

Е. И. Каиржанов является членом докторских диссертационных советов при Академии МВД и Академии Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (Финансовая полиция) Республики Казахстан и Кыргызско-Российском (Славянском) университете имени Б.Н. Ельцина.

Профессор Е. И. Каиржанов имеет специальное воинское звание — полковник внутренней службы. Он награждён десятью медалями, рядом почётных грамот и знаков отличия.

Елеген Изтлеуович — член Санкт-Петербургского криминологического клуба.

ГРИГОРИЮ ИОСИФОВИЧУ ЗАБРЯНСКОМУ — 70 ЛЕТ!

Григорий Иосифович Забрянский родился 6 июня 1938 года рождения, доктор юридических наук, профессор. Выпускник МГУ (1966 г.). 23 июня 1971 г. в диссертационном совете ВНИИ по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (г. Москва) защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Теоретические вопросы статистического учета преступлений». 5 октября 1977 г. присвоено ученое звание доцента. Общий стаж научно-педагогической работы в вузах превышает 37 лет. На протяжении 14 лет (1973-1987) работал доцентом кафедры уголовного права и криминологии КубГУ. Преподавал криминологию и судебную статистику.

Первые труды Г. И. Забрянского были посвящены методике криминологических исследований: статьи «Показатели преступности и их значение» (1971), «Выявление латентной преступности» (1971, в соавторстве), «Теоретические вопросы статистического исследования множественности преступлений» (1973), «О показательности уголовно-статистической информации и достоверности выводов» (1975), монография «Методика статистического изучения преступности» (1976). Это явилось предметом и его кандидатской диссертации «Теоретические вопросы статистического учета преступлений» (1971).

Глубокое понимание теоретических проблем криминологии и блестящая методическая оснастка позволили Григорию Иосифовичу плодотворно исследовать самые различные проявления преступности.

Учёный Г. И. Забрянский известен как глубокий, методологически корректный исследователь преступлений несовершеннолетних. Им выполнен цикл трудов: «Изучение и предупреждение преступности несовершеннолетних» (1979), «Модель региональной программы предупреждения преступности несовершеннолетних» (1996, в соавторстве), «Социология преступности несовершеннолетних» (1997), «Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности» (2000), «Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. Аналитический обзор» (2000, в соавторстве), «Правонарушающее поведение несовершеннолетних: описание, объяснение, противодействие» (2005, в соавторстве). Последние годы Григорий Иосифович активно участвует в теоретическом обосновании построения ювенальной юстиции.

Однако проблематикой социологии преступлений несовершеннолетних и далеко на исчерпывается творческая деятельность Г. И. Забрянского. Он — автор монографий: «Актуальные проблемы профилактики преступлений в сельской местности» (1983) и «Криминологические проблемы села» (1990).

Г. И. Забрянский — член Санкт-Петербургского криминологического клуба, участник его конференций и семинаров. Григорием Иосифовичем опубликованы в издаваемом клубом журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра» статьи: «Объяснение явления преступности несовершеннолетних (социологический подход)» (2006), «Этническая дискриминация в деятельности милиции: методика и результаты экспертного опроса» (2007) и др. В настоящее время работает профессором кафедры уголовно-правовых наук Российской Академии адвокатуры (г. Москва),

ВИТАЛИЮ ЕФИМОВИЧУ КВАШИСУ — 70 ЛЕТ!

Квашис Виталий Ефимович родился 1 июля 1938 года в Киеве. В 1961 году окончил юридический факультет МГУ и поступил на работу в аппарат Президиума Верховного Совета СССР, где в течение шести лет занимал должность консультанта Секретариата Председателя Президиума. В 1966-м окончил заочную аспирантуру МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и с 16 сентября 1967 года перешёл на научную работу во ВНИИ МВД СССР, где занимал должности старшего научного сотрудника, ведущего исследователя, заместителя начальника отдела, главного научного сотрудника. В 1983 году защитил докторскую диссертацию.

Профессор В. Е. Квашис награждён почётным званием «Заслуженный деятель науки РФ», орденом «Знак Почёта», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», медалями, наградным оружием, званием «Почетный работник МВД России». В августе 2004 года уволен из органов внутренних дел по личной просьбе. Более 20 лет В.Е. Квашис является членом учёного совета

ВНИИ, членом диссертационных советов ВНИИ и Московского университета МВД России. Он — автор и соавтор 18 монографий, учебных пособий и более 300 статей по проблемам уголовной политики, криминологии, уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права. Его труды опубликованы на украинском, армянском, таджикском, болгарском, чешском, немецком, французском, японском, английском и португальском языках. С 1988 года В.Е.Квашис постоянно командировается за рубеж для участия в работе международных конгрессов и конференций, а также для чтения лекций в зарубежных университетах. С 1991 года он является экспертом Комитета ООН по предупреждению преступности, экспертом Совета Европы, с 1993-го — экспертом Комитета по безопасности Государственной Думы РФ; с 1997-го — членом Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворческой работы. С 1992 по 2002 год — президент Российской Ассоциации поддержки жертв преступлений, с 1993-го — член Европейского Форума защиты жертв, член Всемирного виктимологического Общества, член Американского криминологического Общества (ASC), член Академии уголовной юстиции США (ACJS). В 2001 – 2004 годах на основе конкурсных грантов проходил научную стажировку в Международном Институте сравнительного уголовного права им. Макса Планка (Фрайбург, ФРГ). В 2004 году Академией проблем безопасности, обороны и правопорядка В. Е. Квашис награждён золотой медалью им. М. В. Ломоносова.

Виталий Ефимович на одном из заседаний Санкт-Петербургского криминологического клуба, ещё до 1999 года, когда клуб работал под названием криминологического центра, сделал доклад о проблемах неосторожных преступлений.

ЭДВАРДУ ГОНДОЛФУ — 60 ЛЕТ!

Эдвард Вильям Гондолф — профессор, директор по научной работе Среднеатлантического научно-исследовательского института. Возглавляет научно-практические исследования профилактики насилия в семье, осуществляемой с помощью судебных органов, психологической и психиатрической терапии, клиник, специализирующихся на лечении алкогольной зависимости, и реабилитационных программ для жертв семейного насилия.

Родился и вырос рядом с городом Филадельфия (штат Пенсильвания) — 24 мая 1948 года. В 1970 году окончил Принстонский университет с дипломом бакалавра по социологии со специализацией в области социальной психологии и девиаций. В 1976 году по окончании магистратуры Гарвардской высшей школы получил диплом магистра социальной психологии. В 1980 году в Бостонском университете получил степень доктора социальной психологии, а в 1986 году в университете города Питсбург — степень магистра в области социального здоровья со специализацией по психиатрической эпидемиологии. С конца 1980-х — профессор Национального института психического

здоровья, учёное звание присуждено Западным институтом психиатрии Медицинской школы Питсбургского университета.

С 1982 года — профессор социологии Университета города Индиана штата Пенсильвания. С 1991 по 1994 — учредитель и президент Реабилитационного центра для жертв семейного насилия. Каждый год по Питсбургскому региону в данный центр семейными судами в качестве альтернативной уголовному наказанию меры направляется в среднем две тысячи лиц, совершивших насилие в семье.

С 1988 по 1992 занимался научно-исследовательской работой в Западном институте психиатрии Медицинской школы Питсбургского университета, а также являлся консультантом в Клинике семейных отношений при Медицинском центре ветеранов. С 1993 по 1996 занимал должность консультанта по научным исследованиям Национального центра по проблемам насилия в семье, финансируемого Департаментом служб по здоровью и гуманитарной помощи.

С 1994 по 2001 доктор Гондолф проводил исследования эффективности реабилитационных программ для жертв насилия в семье при поддержке центров кризисного контроля. В рамках данного семилетнего проекта в четырех городах, существенно различающихся географическими особенностями, были отслежены 840 женщин — жертв семейного насилия и совершившие его лица. Под руководством доктора Гондолфа осуществлено также четыре исследования деятельности семейных судов и два проекта по оценке интенсивного амбулаторного лечения лиц, страдающих алкогольной зависимостью. Совсем недавно доктор Гондолф завершил исследование эффективности психотерапевтических программ для мужчин афро-американского происхождения, совершивших насилие в отношении женщин, являющихся их сексуальными партнёрами, по гранту Национального института правосудия, а также исследование особенностей и эффективности производства по аналогичным делам в целом по гранту от Комиссии штата Пенсильвания по преступлениям и девиациям. В настоящее время по гранту Национального института правосудия доктор Гондолф проводит исследование эффективности терапевтической помощи, оказываемой лицам, совершившим насилие в семье.

Доктор Гондолф является автором девяти монографий, посвящённых проблемам женщин — жертв насилия в семье, в том числе «Мужчины, которые совершают домашнее насилие: интегрированный подход к прекращению насилия в отношении жён» (1985), «Жертвы семейного насилия: выживание как альтернатива внушённой беспомощности» (1988), «Реагирование психиатрии на насилие в семье: идентификация и противодействие опасности пренебрежения» (1990), «Консультирование женщин, подвергшихся семейному насилию, по вопросам психологической реабилитации» (1997), «Системы реагирования на насилие в семье: проблемы, достижения, рекомендации» (2002), а также более 120 научных статей, посвящённых личности мужчин, которые

совершают насильственные действия в семье, внутрисемейным насильственным преступлениям в целом и эволюции форм реакции общества на них.

Научная деятельность доктора Гондолфа получила широкую международную известность. Он выступал с докладами на международных конференциях в Австралии, Венгрии, Доминиканской Республике, Индии, Ирландии, Испании, Италии, Португалии, и России. В 1992 году в Индии читал лекции по проблемам семейной криминологии. Он — активный член Санкт-Петербургского криминологического клуба. Начиная с 1992 года принимает участие в конференциях, проводимых в северной столице России, входит в состав редакционной коллегии Трудов клуба «Криминология, вчера, сегодня, завтра», совместно с российскими криминологами он осуществил сравнительное исследование супружеских убийств, совершённых в России и США.

ЯАНУ ЯАНОВИЧУ СООТАКУ — 60 ЛЕТ!

Соотак Яан Яанович родился 16 июля 1948 года. В 1971 году он окончил юридический факультет Университета Тарту. В 1980 году в Москве защитил кандидатскую диссертацию.

С 1971 по 1974 год Яан Яанович работал в органах прокуратуры.

С 1974 года он трудится на кафедре уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Университета Тарту в качестве старшего преподавателя, доцента, профессора.

С 1994 г. Я. Я. Соотак является консультантом Эстонского национально-го суда.

Профессор Я. Я. Соотак — автор большого числа научных публикаций по уголовному праву и криминологии. Этими публикациями охватываются разнообразнейшие проблемы, в их числе понятие преступления, правовая защита жизни и здоровья, ювенальное уголовное право, защита основных прав в эстонском уголовном праве, развитие определения преступления «геноцид» в национальных уголовных законодательствах и др.

В советское время Я. Я. Соотак одним из первых провёл исследования в области семейной криминологии, а именно внутрисемейных преступлений.

Творческие контакты профессора Я. Я. Соотака с Санкт-Петербургским криминологическим клубом сложились с начала восьмидесятых годов минувшего столетия, когда клуб ещё именовался криминологическим центром.

ДАНИЛУ АРКАДЬЕВИЧУ КОРЕЦКОМУ — 60 ЛЕТ!

Данил Аркадьевич Корецкий родился 4 августа 1948 года. В 1972 году он окончил юридический факультет Ростовского госуниверситета, работал следователем прокуратуры, старшим научным сотрудником первого в России отдела криминологических исследований Северо-Кавказской лаборатории судебных экспертиз Минюста РСФСР, преподавал на юридическом факультете РГУ. С 1981 года Д. А. Корецкий служил в Ростовском факультете

Академии МВД СССР, а впоследствии в Ростовском юридическом институте МВД РФ, где прошёл путь от старшего преподавателя до начальника кафедры и профессора.

Д. А. Корецкий — автор 210 научных работ, он разработал опубликованный законопроект «О правовом режиме оружия» и новое направление в юридической науке — криминальную армалогию: — междисциплинарное учение о правовом режиме оружия, разработчик мер предупреждения вооружённой, бытовой и различных видов преступлений. Под его научным руководством защищены 32 кандидатских диссертации.

Двенадцать высказанных им в научных публикациях предложений по совершенствованию законодательства, впоследствии нашли отражение в законах «Об оружии», Уголовном кодексе России и других нормативных актах. Его научно-практические пособия по проблемам боевого применения оружия использовались при обучении сотрудников органов внутренних дел и специальной (правительственной) связи.

Д. А. Корецкий — известный популяризатор законодательства и юридической науки. Он член Союза Российских писателей, автор более четырехсот судебных очерков и статей в центральных и местных газетах и журналах. Участник телевизионных передач: «Тема», «Что? Где? Когда?», «Национальный интерес», «Культурная революция», «Слушается дело», «К барьеру» и других. Двадцать две вышедшие из-под его пера художественные книги выдержали свыше 150 изданий общим тиражом более 16 миллионов экземпляров, они продаются во многих странах мира, переводились на иностранные языки. По его романам и сценариям снято 5 художественных и многосерийных телевизионных фильмов, начата работа ещё над двумя фильмами.

Д. А. Корецкий принимает участие в дискуссиях, проходящих в Санкт-петербургском криминологическом клубе. Он — заслуженный юрист РФ, награждён государственными и ведомственными медалями и именным оружием. Он трижды лауреат литературных премий МВД СССР и МВД России, лауреат премии Московского клуба юристов «Фемида-2004», признавался лучшим по профессии среди профессорского и преподавательского состава учебных заведений МВД России, его персона включена в справочники: «Кто есть Кто в Ростове на Дону и Ростовской области», «Культура Дона в лицах», «Наука Дона в лицах», «Известные русские». Сотни интервью Д. А. Корецкого или статей о нём опубликованы в местной и центральной прессе.

ГАЗИЗУ СЫРБАЕВИЧУ МАУЛЕНОВУ – 50 ЛЕТ!

3 марта 2008 г. исполнилось 50 лет заведующему кафедрой уголовно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктору юридических наук, профессору Мауленову Газизу Сарбаевичу. Он родился в г. Алматы, в семье известного поэта, народного писателя Казахстана Сырбая Мауленова, который был участником и инвалидом Великой отечественной войны — политруком роты во время блокады Ленинграда на Волховском фронте.

Газиз Сырбаевич с 1980 г. по 1983 г. — адъюнкт Высшей школы МВД Украинской ССР, где в 1983 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему: «Борьба с вовлечением несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» (научный руководитель — д.ю.н., профессор И. П. Лановенко).

В последующем он проработал на различных должностях в органах МВД, прокуратуры, Государственного следственного комитета, финансовой полиции, дослужив до звания полковника. В 2006 г. им защищена диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук на тему: «Теоретические проблемы предупреждения организованной преступности и коррупции в Республике Казахстан» (научный консультант — д.ю.н., профессор Нарикбаев М.С.).

Мауленов Г.С. является членом комиссии по вопросу отмены смертной казни при Правительстве Республики Казахстан, членом межведомственной комиссии по вопросам совершенствования действующего законодательства в части противодействия коррупции, членом Общественного совета по контролю за деятельностью полиции при Министерстве внутренних дел Республики Казахстан, членом Санкт-Петербургского криминологического клуба, 1-м Вице-Президентом Казахстанской Криминологической Ассоциации; заместителем главного редактора журнала «Право и государство», заместителем председателя Редакционного совета журнала «Предупреждение преступности», членом редколлегии журнала «Правовая реформа в Казахстане».

Он — автор более 60 научных трудов по проблемам противодействия преступности, опубликованных в г. Москва, г. Санкт-Петербург (Российская Федерация), г. Киев (Украина), университет Оклохома (США).

Им подготовлены две крупные монографии, шесть учебных пособий, а также ряд учебников и монографий в соавторстве по уголовному праву и криминологии. Под его научным руководством девять аспирантов и соискателей защитили диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук.

СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ИНШАКОВУ — 50 ЛЕТ!

Сергей Михайлович Иншаков родился в Москве 13 марта 1958 года. В 1980 году он окончил юридический факультет Военного института Министерства обороны. В 1988 году под научным руководством профессора В. В. Лунеева защитил кандидатскую диссертацию. В 1998 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Системное воздействие на преступность».

По окончании института три года работал следователем военной прокуратуры в Новороссийске. С 1984 года он работал в системе высшего профессионального образования. В 2001 году Сергей Михайлович назначен заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ.

Профессор С. М. Иншаков — заслуженный юрист РФ. С 2008 года он член Санкт-Петербургского криминологического клуба.

Результатами научной работы Сергея Михайловича явилось написание более ста работ, из них одна монография, восемь учебных пособий, практикумов по криминологии. Наиболее значимый вклад в развитие криминологии им был внесён при написании таких трудов, как: «Преступность и меры социального реагирования». Учебное пособие (М., 1995); «Зарубежная криминология». Монография (М., 1997); «Военная криминология». Учебник (М., 1999); «Криминология: вопросы и ответы» (М., 2000); «Криминология». Учебник для юридических вузов (М., 2000); «Криминология». Практикум (М., 2001) и т.д.

Ряд работ Сергей Михайлович подготовил в соавторстве. Результатом его участия, иногда сопряжённого с руководством творческим коллективом, стали такие издания, как: «Преступность — угроза России». Монография (М., 1993); «Организованная преступность». Монография (М., 1999) и др.

С. М. Иншаков обстоятельно исследовал преступность как специфическое социально-правовое явление, обладающее определёнными характеристиками, детально проанализировал его причины и условия различных видов преступности (корыстной, рецидивной, профессиональной, организованной, политической, неосторожной, женской, экологической и т.д.), выработал структуру воздействия на преступность и обосновал необходимость системности подобного воздействия. Особый интерес для науки представляет проведенное им и отображенное в монографии «Зарубежная криминология» исследование эволюции криминологии: от истоков учения о преступности до современных зарубежных криминологических теорий; анализ различных методов борьбы с криминологическим феноменом, изучение известных государственных систем антикриминального воздействия.

ЕСБЕРГЕНУ ОРАЗОВИЧУ АЛАУХАНОВУ – 50 ЛЕТ!

Алауханов Есберген Оразович родился 19 мая 1958 г. в городе Сарыагаш Южно-Казахстанской области. Трудовую деятельность начал с 1976 г. учётчиком тракторной бригады совхоза «Красная звезда» Жанакорганского района Кызылординской области.

Окончил юридический факультет Ташкентского государственного университета, Саратовскую высшую школу МВД СССР и экономический факультет Казахско-Турецкого международного университета.

С 1981 г. по 2004 г. Есберген Оразович работал в правоохранительных органах РК: председатель Сарыагашского районного суда, председатель судебной коллегии по уголовным делам Южно-Казахстанского областного суда, начальник Управления юстиции Восточно-Казахстанской области, начальник Департамента финансовой полиции по Восточно-Казахстанской области, затем начальник Департамента финансовой полиции по Мангыстауской области.

В 2004 году в Алматы в Казахском национальном университете имени аль-Фараби защитил докторскую диссертацию на тему «Криминологическое предупреждение корыстно-насильственных преступлений». В 2005 году удостоен учёного звания профессор. Область научных исследований: хищения и корыстно-насильственные преступления, борьба с коррупцией.

Есберген Оразович в 2006–2007 годах был председателем диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по специальностям 12.00.08 и 12.00.09 при Академии МВД РК.

Профессор Е. О. Алауханов является автором более 200 научных трудов (свыше 300 п.л.), из них свыше 20 книг: монографий, учебников, соавтором научно-практических комментариев к Уголовному кодексу РК. Многие научные статьи опубликованы в научных изданиях Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московской юридической Академии.

В 2005 г. в г. Санкт-Петербурге Есберген Оразович издал монографию «Криминологические проблемы предупреждения корыстно-насильственных преступлений». Впервые в Республике Казахстан подготовил и опубликовал учебник «Криминология» на казахском и русском языках. Известны монографии и учебники Е.О. Алауханова: «Уголовный кодекс Казахстана. Каким ему быть?» (1994); «Квалификация хищений, совершенных по подложным документам» (1994); «Борьба с хищениями собственности путем подлога документов» (1995); «Проблемы правовой борьбы с вымогательством» (1997).

Профессор Е. О. Алауханов — ответственный редактор комментария к Уголовному кодексу РК на казахском языке (2008), а также монографий: «Профилактика преступлений» (2008), «Борьба с коррупцией в государственных органах РК» (2008).

Е. О. Алауханов подготовил более десяти кандидатов и докторов юридических наук. В настоящее время является научным руководителем соискателей, аспирантов и докторантов.

Он удостоен звания «Заслуженный деятель культуры» (2004), лауреат премии Союза журналистов Казахстана (1995 г.), член Союза писателей и журналистов РК. Член Санкт-Петербургского криминологического клуба. Лауреат премии Казахстанской криминологической ассоциации «Криминолог 2006 года», почётный профессор Казахстанской криминологической ассоциации от 19 октября 2007 года, награждён государственными и общественными наградами.

С 2006 года Есберген Оразович работает профессором кафедры уголовно-правовой политики и криминологии Академии МВД РК. С 2008 г. — учёный секретарь докторского диссертационного совета Академии МВД РК. С 2005 г. — главный редактор международного журнала «Научный мир Казахстана». Награждён государственными и общественными наградами.

Есберген Оразович — член Санкт-Петербургского криминологического клуба.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ТУРЕЦКОМУ — 50 ЛЕТ!

Турецкий Николай Николаевич родился 8 ноября 1958 года, русский, уроженец Алматинской области.

С ноября 1976 года по ноябрь 1978 года он служил в Вооружённых силах СССР (г. Фрунзе). С ноября 1978 года по апрель 1979 года Николай Николаевич работал формовщиком Алматинского домостроительного комбината (г. Алматы).

С апреля 1979 года по август 1980 года работал инструктором спортклуба «Фосфат».

С августа 1980 года он — студент юридического факультета КазГУ им. С. М. Кирова. В связи с поступлением на службу в органы внутренних дел переведён на заочное отделение.

С августа 1983 года по январь 2002 года Николай Николаевич служил в органах внутренних дел. В настоящее время он — полковник запаса МВД.

С января 2002 года по августа 2007 года Н. Н. Турецкий — директор Казахской криминологической ассоциации и редактор журнала «Предупреждение преступности», одновременно директор специализированного учебного центра ФСО «Динамо». Благодаря Н. Н. Турецкому налажен тесный творческий контакт между Казахской криминологической ассоциацией и Санкт-Петербургским криминологическим клубом.

С 2005 года Н. Н. Турецкий — доктор юридических наук. Он имеет свыше 150 публикаций (комментарии, учебники, монографии, пособия, статьи).

В настоящее время Николай Николаевич является депутатом Мажилиса — Парламента Республики Казахстан.

Он — мастер спорта по велосипедному спорту. Имеет награды: две медали за выслугу лет в ОВД, почётный знак ЦК ВЛКСМ, грамоту Президиума ВС Каз. ССР, юбилейную медаль «10 лет Конституции РК».

СЕМЁНУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЛЕБЕДЕВУ — 50 ЛЕТ!

Семён Яковлевич Лебедев родился 24 ноября 1958 года в г. Щучине Гродненской области, Белоруссия. В 1963 г. переехал в г. Омск. В 1980 г. окончил Омскую высшую школу милиции МВД СССР. После окончания вуза работал преподавателем кафедры криминологии (1980 г.), научным сотрудником (1980—1984 гг.) Омской ВШМ МВД СССР.

В сентябре 1984 г. поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР (г. Москва), где в июне 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Криминологическое изучение антиобщественных традиций и обычаев и их влияния на преступность». После окончания адъюнктуры работал преподавателем, старшим преподавателем кафедры уголовного права Омской ВШМ МВД СССР (1987—1988 гг.).

С 1988 г. Работал в Научном центре Академии МВД СССР старшим научным сотрудником, затем заместителем начальника отдела и начальником отдела. В 1990 г. Семёну Яковлевичу присвоено учёное звание старший научный сотрудник.

С марта 1992 по февраль 1995 гг. — в докторантуре Академии управления МВД России. В декабре 1995 г. Он защитил в диссертационном совете Юридического института МВД России докторскую диссертацию «Традиции и обычаи в системе криминологической детерминации: теоретические и методологические основы исследования» по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

С марта 1995 г. по декабрь 2000 г. Семён Яковлевич работал профессором кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института МВД России. В мае 1999 г. ему присвоено учёное звание профессор.

С декабря 2000 г. профессор Лебедев состоит в должности начальника кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Юридического института МВД России, а с сентября 2002 г. Он — начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России.

Научные интересы Семёна Яковлевича связаны с разработкой проблем криминологической детерминации, теории социально-правового контроля над преступностью и обеспечения криминологической безопасности, развитием системы предупреждения насильственной преступности, в том числе преступлений террористического характера.

Список его публикаций насчитывает более 120 научных и методических работ, посвящённых современным проблемам контроля государства и общества над преступностью, обучению основам этой деятельности в юридическом вузе общим объемом свыше 200 п.л., в том числе: 7 монографий, 6 учебников, более 20 учебных и научно-практических пособий. Свыше 70 авторских научных разработок внедрены в практику органов внутренних дел и учебный процесс вузов системы МВД СССР и России.

Научно-практическая профессора Лебедева деятельность связана с руководством разработкой 10-ти региональных программ обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Он участвовал в подготовке Федеральной программы борьбы с преступностью 1995—2000 г., разработке проекта Федерального закона «Об основах государственной политики в сфере предупреждения преступлений» и др.

Он — член Санкт-Петербургского криминологического клуба (с 2006 г.), Международной криминологической ассоциации (с 1996 г.), член Союза юристов г. Москвы (с 1991 г.), главный редактор «Криминологического журнала» (изд. с 2001 г.), главный редактор журнала «Антитеррор» (изд. с 2001 г.), эксперт Комитета Государственной Думы России по безопасности третьего (2000—2003 гг.) и четвёртого (2004—2007 гг.) созывов, член Учёного совета Московского университета МВД России, 3-х диссертационных советов Московского университета МВД России и диссертационного совета Омской академии МВД России. Под научным руководством 25 соискателей стали кандидатами юридических наук, 2 — докторами наук, 5 соискателей завершают работу над докторскими и 20 — над кандидатскими диссертациями.

9 июня 2003 г. Указом Президента Российской Федерации № 634 Семёну Яковлевичу присвоено почётное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации».

Наиболее значимые работы С. Я. Лебедева: Криминологические аспекты воспроизводства преступности. М., 1986; Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. М., 1989; Организация работы горрайоргана внутренних дел по предупреждению преступлений. М., 1994; Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М., 1995; Предупреждение преступности органами внутренних дел. М., 1999; Социально-правовой контроль над преступностью. Серия статей. М., 2001—2004; Криминологическая безопасность и ее обеспечение органами внутренних дел. Серия статей. М., 2003—2006; Социально-правовой контроль органов внутренних дел над терроризмом. М., 2003; Криминология. Учебник. М., 2006; Криминология. Учебник. М., 2007; Правовая статистика. Учебник. М., 2007.

РЕЗЮМЕ

Д. А. Шестаков

Август 2008-го: события в Южной Осетии в свете международного уголовного права

Руководством Грузии в соучастии с руководством США, Израиля, Украины и военными советниками США и Израиля, а также непосредственными исполнителями в лице военнослужащих грузинской армии в Южной Осетии в период с 7 по 10 августа 2008 года совершены преступления: нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ч. 1 ст. 360 УК РФ), убийство (п.п. «а», «б», «е», «ж», «к», «л» ст. 105 УК РФ), применение запрещённых средств и методов ведения войны (ч. 1 статьи 356 УК РФ), геноцид (ст. 357 УК РФ). Такая квалификация согласуется с положениями Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.; Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.; Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 г.

У. Зибер

Границы уголовного права. Основные положения и призывы новой исследовательской уголовно-правовой программы Института зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка

Новая исследовательская программа уголовно-правового отделения Института имеет три *исследовательские цели*: а) анализ *фактических* изменений в социальных отклонениях, а также рисков для безопасности в обществе, носящих печать глобализации и технических и хозяйственных перемен, (b) анализ и критическая оценка соответствующих *нормативных* изменений в действующем уголовном праве и в правоприменительной практике, (с) развитие ответов на современные и грядущие вопросы *уголовной политики* в связи с этими изменениями.

В. А. Номоконов

Дальневосточная криминологическая школа: проблемы причинности, наркоцизма и организованной преступности

Становление и развитие дальневосточной криминологической школы, её основные представители и концепции. Концепция причинности здесь развивается в основном в рамках т. н. «диалектического» (философского) подхода, в отличие от подходов «психологического» и «социологического».

В.И. Поклад

Украинская школа криминологии: направления исследований и результаты

В Украине имеет место чрезмерная юридизация науки о преступности. Как о попытке преодоления гегемонии юридического нормативизма рассказывается о работе кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел, а также о влиянии на неё отдельных теоретических положений невиско-волжской криминологической школы.

Б. Б. Тангиев

Научный эколого-криминологический комплекс как новое направление криминологических исследований. Социально-правовые предпосылки и концепция его формирования

Необходимо решать проблему повышения уровня экологического правосознания населения страны, а также выработки стратегии снижения эколого-правового нигилизма.

С. М. Иншаков

Латентная преступность как предмет криминологического изучения

Изучение латентности преступности — перспективное направление криминологических исследований. Отделом латентной преступности НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ в течение семи лет проводится измерение скрытой составляющей криминального феномена. По результатам исследований количество незарегистрированных преступлений составляет не менее 23 млн. С учётом 3, 58 млн. зарегистрированных преступных деяний фактически в 2007 году в России совершено более 26 млн. преступлений. В течение всего периода изучения латентной преступности (с 2001 г.) фактическая преступность непрерывно росла на 3-5 % в год (в 2007 г. рост фактической преступности составил 5%).

Эти исследования позволяют более объективно оценить реальные масштабы преступности, её структуру, выявить тенденции её развития. В новом ракурсе открываются перспективы взаимодействия общества и преступности, актуализируется проблема поиска альтернативных стратегий социального воздействия на это негативное явление.

Д. А. Шестаков

Латентность преступности, вопросы теории

Исследованием латентной преступности под руководством С. М. Иншакова сделан значительный шаг вперёд в получении научной информации. В идеале нужен банк данных о неучтённых преступлениях всех уровней преступности. Особенно важно наладить мониторинг внешнего государственно-го (геноцид против осетин в августе 2008 года) и надгосударственного (преступная деятельность транснациональных корпораций) уровня преступности.

Н. Б. Бараева

Латентность как социальная и криминологическая проблема

Латентность — это вопрос не столько количества, сколько скрытого иного качества преступности. Латентными могут быть не только дополнительные неучтённые проценты понятных для нас преступлений, но и целые сферы социальной жизни, слои преступности (например, перевод прав на жильё на других лиц в тайне от подлинных обладателей этого права).

Н. И. Пишикина

К вопросу о латентности преступности

Существование латентной преступности наносит ощутимый вред государству и обществу. Оценка её уровня различными специалистами различна. В России предпринимаются определённые меры, в том числе правоохранные органами, для снижения уровня латентности.

Вместе с тем, по нашему мнению, одним из наиболее эффективных направлений в решении этой проблемы является активная деятельность по предупреждению преступлений. Снижение количества преступлений позволит постепенно разгрузить правоохранные структуры и дать им возможность улучшить качество своей работы.

С. В. Семёнов

Латентная преступность в сфере добычи морских биологических ресурсов: выявление и социальный контроль

Чем выше надуманные, трудновыполнимые ограничения, тем значительней разница между реальным и легальным оборотом добычи рыбы.

А. П. Данилов

Латентность политических убийств в современной России

В качестве метода выявления латентности политических убийств, предлагаем использовать способ подстановки определённых признаков выявления латентности под конкретный случай гибели. К ним относятся нижеследующие признаки: 1) опасность, которую представляло лицо для определённых политических сил или бизнес элиты в связи с имевшейся у него негативной информацией об этих силах или отдельных их высокопоставленных представителях; 2) крупная помеха, которой представлялось лицо для определённых политических сил или бизнес элиты в связи с продвижением по «служебной лестнице», например, занятием руководящих постов в правоохранных или контрольно-надзорных органах; 3) внезапность смерти такого лица, особенно если она сопровождалась экстремальной ситуацией, например, авткатастрофа, взрыв, падение с высоты, самоубийство и т.д.; 4) негативные последствия гибели или смерти лица для военной, экономической, политической мощи страны, престижа России; 5) наличие в звене «лицо – гибель лица» фактов использования финансовой, организационной и иной зарубежной поддержки.

Ю. С. Анухтин

Латентность преступной деятельности частных военных компаний

Преступная деятельность ЧВК характеризуется высоким уровнем латентности. Необходимо предпринимать меры по противодействию преступности ЧВК и уменьшению степени её латентности путём разработки и применения соответствующего криминологического законодательства, основополагающие положения которого должны быть закреплены на международном уровне.

И. А. Носкова

Латентность преступности средств массовой информации в Санкт-Петербурге

Латентность преступности средств массовой информации складывается из двух подгрупп латентных преступлений: 1) преступлений, в которых факт использования средств массовой информации имеет юридическое значение и 2) преступлений, в которых факт использования средств массовой информации имеет лишь криминологическое значение. Наиболее латентными являются преступления второй подгруппы. Эти преступления в силу безнаказанности совершаются гораздо чаще, чем преступления первой подгруппы.

М. А. Крупина

Совершенствование уголовной статистики как мера борьбы с латентностью преступности несовершеннолетних

Статистический учёт преступлений в аспекте борьбы с латентными преступлениями несовершеннолетних нуждается в совершенствовании.

С. Ф. Милоков

Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту. Отзыв официального оппонента

Государственные структуры не в состоянии удовлетворительно защитить граждан от возникающих угроз. В то же время правоохранительные органы (в том числе суды) отнюдь не приветствуют инициативу самих жертв, нередко подвергая их незаконной уголовной репрессии.

Д. А. Шестаков

Об одном из аспектов криминогенной ситуации

Модель криминогенной семейной ситуации состоит из следующих основных компонентов: 1) фаза обострения семейных противоречий, 2) обострение эмоций, 3) нарушение баланса между центристскими и центробежными устремлениями. Контроль над эмоциональной сферой является важным моментом в предупреждении внутрисемейных преступлений.

А. А. Бакин., В. П. Кутина

Личность поджигателя: криминологические и патопсихологические особенности

Согласно исследованию 1999–2006 гг., среди поджигателей доля женщин колеблется в пределах 10 %–12 %. Поджоги чаще всего совершаются в возрасте от 14 до 29 лет.

С. Е. Семёнов

Понятие таможенной преступности и её показатели

К внешним проявлениям «таможенной преступности» относятся преступления, предусмотренные статьями 188, 189, 193 и 194 УК РФ.

Л. М. Прокументов, А. В. Корнилов

О необходимости изучения общественно опасного поведения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности

Криминология должна изучать общественно опасные деяния, содержащие признаки составов преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности.

SUMMARY

D.A. Shestakov

August of 2008: events in southern ossetia in view of the international criminal law

During the period from the 7-th till the 10-th of August 2008 in Southern Ossetia the government of Georgia in partnership with the government of the USA, Israel, Ukraine and military advisers of the USA and Israel, as well as direct executors on behalf of military men of the Georgian army committed crimes: an attack on persons or establishments which are under the international protection (part 1 of the article 360 of the Criminal Code of the Russian Federation), murder (the article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), an application of the forbidden means and methods of conducting war (part 1 of the article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation), a genocide (article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation). Such qualification is in compliance with the Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of August 12, 1949; Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of December 9, 1948; Convention on Prevention and Punishment of Crimes against Internationally Protected Persons, including Diplomatic Agents of December 14, 1973.

U. Sieber

Limits of criminal law: major notions and challenges of new research program in criminal law in max-planck-institute for foreign and international criminal law

New Research Methods of Criminal Law Department of the Max-Planck-Institute has three basic goals: a) analyses of the factual changes in social deviances as well as risks for the security in the society conditioned by the globalization, technical and economic changes, b) analyses and critical evaluation of the appropriate amendments in existing criminal law and changes in application of legal rules, c) development of responses to the modern and future problems of criminal law policy connected with the changes named above.

V. A. Nomokonov

Far eastern criminology school: problems of causality, drug and organized crime

The author describes the origin and development of the Far Eastern Criminology School, its main representatives and concepts. The concept of causality develops here within the limits of so-called «dialectic» (philosophical) approach in contrast to «psychological» и «sociological» ones.

V. I. Poklad

The ukrainian school of criminology: directions of research and their results

The article deals with actual state and problems of the Ukrainian criminology. Great attention is drawn to the excessive influence of law on the science about criminality in the Ukraine. The activity of the Department of Criminology and Sociology of the Lugansk State University of Internal Affairs could be regarded as an effort to overcome the hegemony of juridical standards. The article also centers about the influence of some theoretical thesis of Neva-Volga school of criminology upon the Ukrainian one.

B. B. Tangiev

Theoretical complex of ecology and criminology as a new direction of criminological studies: social and legal grounds and concept of its formation

The people's awareness of the legal aspect of ecology must be increased, as well as the issue of counteracting to the ecological legal nihilism must take center stage.

S. M. Inshakov

Latent criminality as a subject of criminological study

Latent crime is a promising line of criminological research. For seven years hidden phenomenon of crime has been measured by Latent crime department of the Academy of General Prosecution of the Russian Federation. As per research results the amount of unregistered criminal acts exceeds 23 million. Considering 3,58 mln of registered acts its total amount in Russia in 2007 exceeds 26 million. During the whole period of study starting 2001 actual criminality steadily grew at 3-5% per annum (2007 figure was 5%). The research allows estimate objectively the real scale of crime, its structure, identify trends of its development. Interaction perspectives between society and crime are seen from the new angle now, alternative strategies searching challenge of social pressure on this negative phenomenon is actualized.

D. A. Shestakov

Latent criminality: theoretical issues

A study of latent criminality overseen by S. M. Inshakov has made a significant contribution to obtaining important data. Ideally, we need a database of unaccounted crimes at all levels of criminality. It is especially important to monitor such levels of criminality as international state crimes (genocide of Ossetians in August 2008), and supranational crimes (committed by transnational corporations).

N. B. Baraeva

Latency as social and criminological problem

Latency is not just an issue of quantity, but rather of hidden crimes of other quality. Latent crime refers not only to unaccounted percentages of crimes that are known to us, but also to whole spheres of social life and stratum of criminality (for instance, transferring housing property title to other people under a seal of secrecy from title holders).

N. I. Pishikina

Several considerations on latent criminality

The existence of latent criminality inflicts appreciable damage on state and society. Various experts evaluate its level differently. In Russia specific measures are taken to reduce the level of latency including efforts of law enforcement bodies.

At the same time in our judgment the vigorous criminality preventing activity is one of the most effective ways of solving this problem. The reduction of the number of crime offences will give the opportunity to facilitate gradually the work of law machinery and let it increase the quality of functioning.

S. V. Semenov

Latent criminality in the sphere of maritime biological resource recovery: exposure and public monitoring

The more contrived and exigent are the limitations, the more significant is the difference between real and legal recovery and trade of fish.

A. P. Danilov

Latency of assassinations in modern Russia

As a method of revealing latent assassinations it is suggested to use a substitution of the certain features of latency revealing under a concrete case of the death. Such features are: 1) danger including a large handicap for the certain political forces what was to be the personality of the victim during his/her lifetime; 2) suddenness of death of the victim; 3) the death of the person can or is used with the purpose of easing of military, economic, political power as well as undermining of prestige of Russia; 4) use of financial, organizational and other foreign support in the scheme «the person — destruction of the person».

Y. S. Apukhtin

Latency of private military companies criminal activity

Criminal activity of private military companies is characterized by a high degree of latency. It is necessary to undertake measures of counteracting to criminal activity of private military companies and to decrease its latency by development and implementation of criminological legislation, fundamental principles of which should be adopted at international level.

I. A. Noskova

Latency of mass media criminality in St.-Petersburg

The latent criminality of mass media develops of two subgroups of latent crimes: 1) crimes in which the fact of use of mass media has legal value and 2) crimes in which the fact of use of mass media has only criminological value. Crimes in which the fact of use of mass media has criminological value only are the most latent. They are made much more often, than crimes stipulated by the criminal code of the Russian Federation due to their impunity.

M. A. Krupina

Improvement of criminal law statistics as a measure of counteraction to the latency of juvenile criminality

Statistical registration of crimes in the context of counteraction to the latency of juvenile criminality is need to be improved.

S. F. Milyukov

Theoretical and methodological issues of the right to self-defense provision by the criminal law. The official opponent's conclusion

State bodies are not able to provide adequate defense to citizens from existing threats. At the same time legal enforcement agencies (including courts) do not welcome the initiative of complainants, often subjecting them to illegal criminal repression.

D. A. Shestakov

One of the aspects of the situation promoting crime

The model of the domestic situation promoting crime consists of the these, main components: 1) the phase of intensification of interfamily contradictions; 2) the intensification of emotions; 3) the breach of balance between the centripetal and centrifugal aspirations. The control over emotional sphere is an important preventive measure against domestic crime.

A. A. Bakin, V. P. Kutina

Personality of the arsonist: criminological and pathopsychological issues

According to a study of 1999-2006, the percentage of women among arsonists is between 10 to 12%. Arson is most often committed by people aged 14-29.

S. E. Semenov

Notion of customs-related crimes and their indicators

The crimes described in Articles 188, 189, 193 and 194 of the Russian Federation Criminal Code are the external display of the customs-related crimes.

L. M. Prozumentov, A. V. Kornilov

Necessity of study of socially dangerous actions of the persons under the criminal responsibility age

Criminology must study the socially dangerous actions, committed by underage persons who are not old enough to stand trial.

К НАШИМ АВТОРАМ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В «К:ВСЗ»

ФОРМАТ

Формат (отступы слева и справа; отступ первой строки), стиль, шрифт, размер шрифта, интервалы должны соответствовать формату настоящей памятки.

РАЗМЕР ШРИФТА

Размер шрифта: основного текста — 14; имени автора — 16; сносок — 12.

БУКВА «Ё» И ДЛИННОЕ ТИРЕ

Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е».

Используется длинное тире: (—).

НУМЕРАЦИЯ СТРАНИЦ И СНОСОК

Нумерация страниц — внизу, посередине.

Сноски располагаются в низу страницы, нумерация — постатейная.

Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

ОБРАЗЕЦ ЗАГЛАВИЯ

П. А. Кабанов

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ
КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ

ОБРАЗЦЫ СНОСОК

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ В НАЧАЛЕ ПУБЛИКАЦИИ

* **Павел Александрович Кабанов** — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Набережные Челны, Россия).

© П. А. Кабанов, 2008.

КНИГА БЕЗ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. — М., 2001. — С.147.

КНИГА С ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРОМ

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.

ДИССЕРТАЦИЯ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества.: Дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

АВТОРЕФЕРАТ

Морозова А.Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества.: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004. — С. 3.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ, ГЛАВА В КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ, СБОРНИКЕ

Харламов В. С. Роль службы участковых уполномоченных в профилактике внутрисемейных насильственных преступлений (по материалам Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. — 2002. — № 1 (2). — С. 89.

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ

Кларисс М. Р. Выбивание долгов // Новая газета. — 2004. — 4 марта. — С. 6 — 7.

РЕЗЮМЕ

К статье должно быть приложено резюме на русском языке, объёмом до 700 знаков (с пробелами), включая имя автора и название статьи, а также перевод названия статьи и аннотации на английском языке.

Резюме не должно содержать в себе вводных уведомлений, наподобие: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т. п.

Образец оформления резюме

V. A. Bachinin

Фрейд и/или Достоевский: мировоззренческий выбор криминологического сознания

Секулярная основа современной науки в целом и криминологии в частности находится в кризисе. В научной сфере необходимо шире использовать религиозные постулаты и их осмысление.

V. A. Bachinin

Freud and-or Dostoyevski: Ideological Choice of Criminological Consciousness

The secular basis of modern science in a whole and criminology in particular is in crisis. In scientific sphere it is necessary to use more broadly religious postulates and their comprehension.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Автор должен сообщить редакции свои фамилию, имя, отчество, учёную степень, место работы, должность, а также географическое место нахождения работы.

ЧАСТНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

Частная криминология / Отв. ред. проф., Д. А. Шестаков. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.— 771 с.

Учебник «Частная криминология» — это третья книга, входящая в состав тетралогии по криминологии, выпускаемой в свет под редакцией и при участии президента Санкт-Петербургского криминологического клуба профессора Д. А. Шестакова. По смыслу первая из четырёх книг — Д. А. Шестаков, «Криминология, новые подходы к преступлению и преступности, 2006», вторая — «Частная криминология», третья — «Преступность среди социальных подсистем, новая концепция и отрасли криминологии, 2003».

«Частная криминология» посвящена отдельным проблемам воспроизводства преступного поведения и противодействия ему. К предмету частной криминологии относятся основные типы преступности (корыстная, насильственная), её организованная форма, преступления в сфере социализации несовершеннолетних, преступления, обусловленные демографическими процессами, виктимология.

После выхода в свет «Частной криминологии» на очереди завершающая книга тетралогии, «Криминология в нормативных актах (теория и практика криминологического законодательства)».

ЖУРНАЛ
«РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Журнал издается с 2005 года в городе Ставрополе.

Главный редактор – Олег Викторович Старков, доктор юридический наук, профессор, известный специалист в области криминологии и криминопенологии.

В редакционную коллегию входят: А. Я. Гришко, Э. Ф. Побегайло, М. М. Бабаев, А. Я. Вилке, Л. И. Воскобитова, Я. И. Гилинский, Ю. В. Голик, Г. Н. Горшенков, Д. А. Корецкий, С. Я. Лебедев, В. В. Лунев, С. В. Максимов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, В. А. Номоконов, В. И. Селиверстов, С. Л. Сибиряков, О. В. Филимонов, Д. А. Шестаков, В. Н. Орлов, А. В. Петровский, Л. А. Ефименко.

В журнале публикуются научные статьи на русском языке с аннотациями на русском и английских языках.

№2 (8)
2005

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
журнал

В состав редакционной коллегии журнала входят: Лебедев С.Я. (главный редактор), Симоненко А.В. (заместитель главного редактора), Антонян Е.А. (ответственный секретарь), Ахтырская Н.Н., Боев А.Я., Боронбеков С., Иванов В.Д., Иншаков С.М., Кадников Н.Г., Матяш Л.Г. (редактор), Мороз В.В., Оганян Р.Э., Скаков А.Б.

**ЖУРНАЛ
«СЛЕДОВАТЕЛЬ»**

Научно-практическое и информационное издание «Следователь» выходит с 1995 года.

Главный редактор – Лупаина О.В.

Председатель Научно-методического совета – Кабанов П.А.

Научно-методический совет: к.ю.н. Бикеев И.И., д.ю.н. Быков В.М., д.ю.н. Горшенков Г.Н., д.ю.н. Кузнецов А.П., к.ю.н. Куракин А.В., д.ю.н. Малков В.П., д.ю.н. Номоконов В.А., д.ю.н. Томин В.Т., д.ю.н. Шестаков Д.А., д.ю.н. Юнусов А.А.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ БАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Журнал издается в городе Иркутске.

Председатель редакционной коллегии М.А. Винокуров доктор экономических наук, профессор, ректор БГУЭП (г. Иркутск).

Главный (научный) редактор журнала А.Л. Репецкая доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск).

Редакционная коллегия: С.С. Босхолов доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск); Я.И. Гилинский доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург); В.С. Ишигеев доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск); М.П. Клейменов доктор юридических наук, профессор (г. Омск); В.В. Лунев доктор юридических наук, профессор (г. Москва); В.А. Номоконов доктор юридических наук, профессор (г. Владивосток); А.А. Протасевич доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск); И.М. Середа доктор юридических наук, профессор (г. Иркутск); Н.В. Щедрин доктор юридических наук, профессор (г. Красноярск).

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

**Труды Санкт-Петербургского
криминологического клуба**

№ 1 (16), 2009

Отпечатано в ООО «ЦКП «Регион-Про»»

199106, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 83, офис 336
тел./факс: 449-3917